

Останься
Здесь.

**ГОЛОСА БЕЖЕНЦЕВ
ИЗ БЕЛАРУСИ, МОЛДОВЫ,
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ**

ECRE
EUROPEAN COUNCIL ON
REFUGEES AND EXILES

«ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ?»

**ГОЛОСА БЕЖЕНЦЕВ
ИЗ БЕЛАРУСИ, МОЛДОВЫ,
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И УКРАИНЫ**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ3
БЕЛАРУСЬ5
Ситуация беженцев и искателей убежища в Республике Беларусь — проблемы на пути к интеграции5
Истории беженцев из Республики Беларусь9
МОЛДОВА19
Ситуация беженцев и искателей убежища в Молдове — проблемы на пути к интеграции20
Истории беженцев из Молдовы23
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ33
Препамбула, подготовленная Ганнушкиной С. А., ПЦ «Мемориал» Сети «Миграция и право»	
Ситуация беженцев и искателей убежища в Российской Федерации — проблемы на пути к интеграции.33
Положение беженцев, лиц, ищущих убежища и внутриперемещенных лиц	
в Российской Федерации: барьеры на пути к интеграции41
Истории беженцев из Российской Федерации.45
УКРАИНА71
Ситуация беженцев и искателей убежища в Украине — проблемы на пути к интеграции76
Истории беженцев из Украины75

«ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ?»

ГОЛОСА БЕЖЕНЦЕВ В БЕЛАРУСИ, МОЛДОВЕ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЕ

Рассказы, представленные в этом сборнике, основаны на интервью, проведенных организациями, занимающимися помощью беженцам, в Беларуси, Молдове, Российской Федерации и Украине в рамках проекта ECRE “Защита беженцев, лиц, ищущих убежища и вынужденных переселенцев” при финансовой поддержке Европейского Союза летом 2008 года.

Партеры проекта среди НПО в четырех странах провели интервью с ста лицами, ищущими убежища, признанными беженцами, внутри-перемещенными лицами и лицами, чьи ходатайства были отклонены, из числа своих же клиентов. Люди, которые были опрошены в рамках проекта, участвовали в проекте добровольно и с полным осознанием происходящего. Они дали письменное согласие, и их уверили в том, что рассказы будут опубликованы без указания их настоящих имен, и что их участие в проекте не будет иметь никаких последствий для их ходатайств или статуса. Большая часть интервью проводилась на русском языке с последующим переводом на английский.

Некоторые из опрошенных хотели бы рассказать общественности о том, что с ними случилось, и большая часть людей высказывали мнения о системе убежища, с которой они столкнулись, и о своем положении.

Рассказы были собраны в широкой географической зоне, от Северного Кавказа до границ Европейского Союза. Люди рассказывали о себе, некоторые – в хронологическом порядке, некоторые делали упор на какие-то отдельные аспекты своих переживаний. Некоторые собеседники говорили главным образом о препятствиях на пути к интеграции в новое общество и началу там новой жизни, в то время как другие все еще находятся в психологическом шоке после бегства. Некоторые считают, что им угрожает опасность, и они не могут думать о будущем и ждут дальнейшей помощи в переселении в третью страну.

Опрошенные высказывали множество эмоций, от переживаний при воспоминаниях о прошлом до злости, непонимания, нетерпения и недоверия по отношению к тому, как к ним относятся как к лицам, ищущим убежища, до облегчения, удовлетворения и благодарности тем людям, кто их принял.

Редактируя рассказы этих людей, мы стремились сохранить их голоса. Мы не пытались переделывать представленные в этом сборнике рассказы в наших интересах – они отражают истории людей, которые искали защиты этом регионе, рассказанные их же словами. В некоторых случаях мы добавляли и информацию о контексте, например, об определенной программе или о законе, когда это было нужно для прояснения ситуации. Тем самым мы стремились обратить внимание на трудности, с которыми беженцы и лица, ищущие убежища, по-прежнему сталкиваются в Беларуси, Молдове, России и Украине.

Мы хотели бы поблагодарить НПО, сотрудничающие с ECRE, за их работу по сбору этих рассказов, и, главное, тех людей, которые согласились поделиться с нами своими историями.

БЕЛАРУСЬ

**СИТУАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ И ИСКАТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ — ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К
ИНТЕГРАЦИИ**

СИТУАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ И ИСКАТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ – ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К ИНТЕГРАЦИИ

Для того, чтобы подготовить данную публикацию сотрудники Белорусского Общества Красного Креста провели 20 интервью с беженцами и искателями убежища, проживающими в Республике Беларусь. ECRE публикует 6 историй, основанных на этих интервью. Исходя из статистических данных, предоставленных УВКБ ООН, 649 лицам в Беларуси был предоставлен статус беженца и к концу 2007 г. 10 лиц обратилось за статусом беженца в Беларуси.¹

В Беларуси одной из наиболее серьезных проблем для беженцев является нахождение подходящего жилья, а также доступ к постоянным и достаточным источникам дохода. Большая часть беженцев и лиц, ищущих убежища, живет в больших городах, где жилищная проблема стоит наиболее остро. Национальная политика по интеграции или инвестициям в этой области отсутствует. Государство не финансирует предоставление беженцам жилья (кроме центров временного размещения для лиц, ищущих убежища, в Витебске и Гомеле), а ресурсы для оказания помощи в этой области отсутствуют, несмотря на остроту проблем с жильем.

У большинства беженцев не остается выбора, кроме как арендовать квартиру, и для многих беженцев арендная плата составляет большую часть ежемесячных расходов семьи. Работающие беженцы получают относительно достаточную заработную плату, но так как они вынуждены арендовать жилье, и у них часто бывают большие семьи, то они еле сводят концы с концами. История афганского беженца, Башира, иллюстрирует сложности с жильем, с которыми в Беларуси сталкиваются большинство беженцев.

Условия проживания могут различаться, но значительное количество беженцев по-прежнему живет в сложных и неудовлетворительных условиях. Главной проблемой для беженцев, нуждающихся в улучшении жилищных условий, является предоставление всех необходимых документов, таких как регистрация по месту жительства, справки о составе семьи, справки о доходе, документы, удостоверяющие личность, и свидетельства о браке.²

Для большинства беженцев одним из самых серьезных препятствий для интеграции в общество является получение достаточного и постоянного дохода. Хотя уровень безработицы в целом низок, и во многих регионах страны, особенно в сельской местности, наблюдается

нехватка рабочей силы, при доступе к трудоустройству беженцы сталкиваются с многочисленными препятствиями. За более или менее высоко оплачиваемые рабочие места существует значительная конкуренция, и часто таковые имеются только в больших городах или в столице. Беженцам сложно конкурировать с местными гражданами или с русскоговорящими мигрантами, и часто они предпочитают работать неофициально, несмотря на то, что многие беженцы имеют среднее специальное или высшее образование. Официальная или неофициальная работа на рынке обычно приносит больше денег, нежели постоянная занятость. Большинство интервьюированных беженцев либо работали на рынке сами, либо там работал кто-то из их семьи. Беженцы редко получают работу, которая соответствовала бы их профессиональным навыкам.³

Наряду с этим существует и проблема того, что беженцы, которые работают нелегально, не получают социальных пособий и пенсий. Они не набирают трудового стажа, и часто им сложно доказать наличие предыдущего опыта работы, что также влияет на перспективы получения лучшей работы в будущем. Более того, если человек не может доказать, что он имел оплачиваемую работу в течение определенного минимального времени, он не может быть зарегистрированным в качестве безработного и, следовательно, не имеет права на соответствующее пособие. Большая часть важных услуг, связанных с трудоустройством, включая дальнейшую подготовку, субсидии для открытия собственного дела и предоставление работы доступны только для зарегистрированных лиц.⁴

На рынке труда также наблюдаются определенные тенденции к дискриминации, и работодатели часто предпочитают нанимать белорусских граждан, а не беженцев. Существует большое количество заблуждений, к примеру, в отношении того, что беженцы не имеют право заниматься определенными видами деятельности, даже если на деле таковых ограничений и не существует. Также беженцы не всегда могут продемонстрировать достаточное владение одним из официальных языков, русским или белорусским.

Хотя большинство беженцев владеет разговорным

1 <http://www.unhcr.org/statistics.html?gclid=CJiDkqWJnZgCFYwh3godi1JgnQ>

2 Country reports 2007: Belarus, Moldova, Russian Federation and Ukraine - Situation for refugees, asylum seekers and internally displaced persons (IDPs), European Council on Refugees and Exiles (ECRE), funded by the European Commission.

3 The Local Integration of Refugees in the Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine – “A Strategy for Action”, Cross-Border Cooperation/Söderköping Process in cooperation with UNCHR, the International Organization for Migration and the Swedish Migration Board, funded by the European Commission, 2008.

4 Country reports 2007: Belarus, Moldova, Russian Federation and Ukraine - Situation for refugees, asylum seekers and internally displaced persons (IDPs), European Council on Refugees and Exiles (ECRE), funded by the European Commission.

русским языком на хорошем уровне, а некоторые могут и читать, их знания часто бывают недостаточными. Только немногие понимают белорусский язык, хотя знания одного из двух официальных языков уже достаточно. Некоторая, меньшая часть беженцев, например женщины, которые не работают и не принимают активного участия в жизни местного сообщества, плохо понимает по-русски.

Лишь небольшое число беженцев смогли воспользоваться официальными программами и курсами изучения языка, а проводимые курсы не всегда были такими эффективными, как они могли бы быть, из-за низкой посещаемости. Беженцы утверждают, что у них не хватает времени и средств, поскольку они вынуждены ставить на первое место работу, чтобы прокормить себя и свою семью. Беженцы, прибывшие в Беларусь недавно, обычно не говорят по-русски. Если при этом они плохо говорят и на другом распространенном языке общения, например, на английском, то социальная интеграция может стать существенной проблемой.¹

В настоящее время Беларуским Красным Крестом при финансировании УВКБ ООН проводятся курсы русского языка. Однако посещение этих курсов является добровольным, и вновь прибывшие не обязаны посещать их.

Закон обеспечивает беженцам те же права на социальное обеспечение, что и всем белорусским гражданам, но в настоящее время соблюдаются не все положения закона. Беженцы имеют доступ к ряду социальных благ, таких как пособие для матерей, пособие по инвалидности, пособие по безработице и минимальная пенсия. Беженцы не имеют возможности опираться на защиту социальных сетей родственников и знакомых, которыми при отсутствии достаточного социального обеспечения со стороны государства могут пользоваться местные жители.

Большая часть беженцев в Беларуси не сталкивались с проявлениями расизма или ксенофобии со стороны местного населения. Те, кто все же сталкивались с такими случаями, называют враждебное поведение необычным и исключительным, и лишь несколько человек стали жертвами серьезных нападений на почве ксенофобии. Государственные чиновники также в целом проявляют к беженцам терпимость и уважение, несмотря на то, что государством практически не проводилось каких-либо программ по повышению осведомленности в области терпимости и борьбы с расизмом и ксенофобией.²

Большинство беженцев стремится получить белорусское гражданство, но при этом они сталкиваются с рядом препятствий, таких как отсутствие прозрачности в процедуре подачи ходатайства о гражданстве, а также требование о предоставлении доказательства отказа от имеющегося гражданства, что противоречит международной практике и обязательствам в соответствии с договорами.

Рассказы отдельных беженцев, приведенные в этом издании, демонстрируют надежды, стремления и трудности, с которыми в настоящее время в Беларуси сталкиваются беженцы и лица, ищущие убежища, а также их рекомендации белорусским властям по улучшению сложной ситуации, в которой беженцы оказываются в этой стране. В целях конфиденциальности настоящие имена опрошенных были заменены на псевдонимы.

ECRE выражает благодарность всем тем, кто поделился своим личным опытом, а также представителям Беларуского Общества Красного креста, которые беседовали с ними.

1 Country reports 2007: Belarus, Moldova, Russian Federation and Ukraine - Situation for refugees, asylum seekers and internally displaced persons (IDPs), European Council on Refugees and Exiles (ECRE), funded by the European Commission.

2 The Local Integration of Refugees in the Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine – "A Strategy for Action", Cross-Border Cooperation/Söderköping Process in cooperation with UNCHR, the International Organization for Migration and the Swedish Migration Board, funded by the European Commission, 2008.

**ИСТОРИИ БЕЖЕНЦЕВ
ИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

ИСТОРИЯ АКМАЛЯ

Темы: Беларусь / документы / жилье / образование / трудоустройство

В 1992 году, когда в Афганистане пришли к власти моджахеды/талибы, Акмаль работал преподавателем истории в университете Кабула. По своим политическим взглядам он был против Талибана, и именно поэтому он был вынужден бежать вместе со своей семьей. Сначала они переехали в Пакистан, но были вынуждены уехать и оттуда, потому что в Пакистане партия Талибан имела большое влияние, и Акмаль и его семья постоянно подвергались запугиваниям. Из Пакистана Акмаль через Москву попал в Беларусь. В 1998 году он был признан беженцем.

БОЯЛИСЬ ОТКРЫВАТЬ ДВЕРЬ

Брат его друга, студент-афганец, помог им обосноваться в Беларуси на первое время. Он нашел им однокомнатную квартиру. Там не было горячей воды и мебели. Иногда они боялись даже открывать дверь.

«Мы, 15 человек, жили в одной комнате. Очень трудно было. Вначале русский язык я не знал, финансов не было, работы», - говорит Акмаль. - «Три дня мы ничего не кушали, честно. Только друзья помогали. Но потом я думал, что делать, потому что надо было кормить отца, мать, жену. Надо было кушать. Поехал на базар, «Комаровка» называется. Они там - наши, афганцы - работают. Ну, они меня и взяли работать. Там я работал. Раньше они мне 3 доллара в день давали, только хлеб покупал, больше ничего».

ПРОБЛЕМЫ С ДОКУМЕНТАМИ

Для Акмаля и его жены главными препятствиями для интеграции и поиска работы были незнание языка и проблемы с регистрацией. У жены Акмаля до сих пор нет необходимых документов, несмотря на то, что она имеет статус беженца, и поэтому она не может работать, а на улице ее часто останавливает милиция.

«Милиция приходит, вот сегодня вторник, опять приходили, спрашивали, почему у жены нет прописки. Статус беженца получили. Я нашел квартиру с пропиской за 1200 баксов в год за жену и четырех детей, а хозяйка говорит: «Сначала деньги, потом пропишу». И мне немного тяжело такие деньги достать. Через год невозможно будет жить здесь - все каждый день дорожает».

ОЩУЩЕНИЕ ОБУСТРОЕННОСТИ

Отзываясь о Беларуси, Акмаль говорит, что он чувствует себя обустроенным хотя бы потому, что его жизнь протекает здесь, и ему больше некуда идти. Будучи спокойным, законопослушным гражданином, всегда уважающим своих соседей, он никогда не чувствовал себя

жертвой расизма или других видов преследования. Его дети ходят в школу, и его это очень радует. От них и от друзей он научился немного говорить по-русски. Красный крест выделил ему немного денег на курсы изучения языка, но из-за работы у него нет времени на их посещение. Акмаль хотел бы получить в Беларуси степень доктора наук, но в этом ему препятствует языковой барьер и необходимость зарабатывать на жизнь. Он нелегально работает на рынке.

Акмаль стремится только к нормальной жизни и к тому, чтобы его дети стали добропорядочными, образованными гражданами. Но его жизнь не проста. В семье работает он один, и он вынужден обеспечивать жену, мать и четверых детей. Акмаль гордится своей дочерью, которая получает в школе самые высокие отметки и говорит по-английски, по-русски и по-белорусски. Он жалеет, что не может купить ей компьютер, о котором она просит уже два месяца.

Акмаль благодарен за помощь, которую он получает от Красного Креста¹ и от своих белорусских соседей. Он говорит, что очень доволен медицинской помощью в Беларуси и не ощущает какой-либо дискриминации в связи с тем, что он беженец.

Акмаль знает, что в других странах ЕС, таких как Германия и Нидерланды, беженцы получают большую помощь, что им предоставляется квартира, работа и зарплата. В Беларуси много беженцев. Существуют проблемы с регистрацией, жильем и поиском работы. *«Больше всего меня сейчас беспокоит то, что будет, если хозяйка квартиры решит ее продать. Что я буду делать с матерью, женой и четырьмя детьми!»*

Государствам ЕС и политикам он хотел бы сказать, что они должны помогать беженцам в Беларуси, потому что у белорусов много своих проблем. *«Может быть, нужно создавать программы, которые помогли бы нам селиться вне крупных городов», - предлагает он. - «Потому что так у нас едва хватает денег на то, чтобы оплатить жилье, и остается только на хлеб и масло. Нам очень помогло бы, если бы Запад оплачивал хотя бы половину расходов на помощь нам».*

¹ Здесь имеется в виду финансовая помощь, которая поступает через Красный крест.

ИСТОРИЯ БАШИРА

Темы: Беларусь / документы / жилье / медицинское обслуживание / трудоустройство

Башир бежал из Афганистана в 1998 году. Он постоянно подвергался преследованиям со стороны Талибана, дважды оказывался в тюрьме. Он вспоминает ужас своего бегства:

«Я бросил все – все, что у меня было. Просто взял свою жену, одного сына и уехал из страны без ничего. Даже не знал, куда я попаду, и что будет со мной дальше. Главное в тот момент – надо было спасти свою жизнь и жизни родных. Поэтому я уехал из Афганистана. Они [талибы] меня захватили, короче, очень долгое время я страдал после этого – то, что они со мной сделали... Они не давали мне мирно жить там, и мне пришлось бежать из своей страны».

В Беларусь Башир попал, проехав через Пакистан, Узбекистан и Россию. В Узбекистане у него и у его семьи не было никаких документов, они только получили транзитную визу на три дня. Они прожили там три месяца в постоянном страхе быть пойманными и депортированными обратно в Афганистан. Через три месяца Башир решил в одиночку поехать в Москву, чтобы попытаться найти там работу. Полгода спустя к нему переехали жена и сын. Жизнь в Москве оказалась очень сложной, потому что у них не было документов. У Башира был документ, выданный УВКБ ООН, который гласил, что он является лицом, ищущим убежища, но этот документ не защищал его от милиции, которая штрафовала его каждый день. Он научился прятать от милиции часть заработка, чтобы выжить. В Москве Башир сталкивался с расизмом и ксенофобией, из-за чего он чувствовал себя в опасности. Спустя четыре года такой жизни он решил переехать в Беларусь.

КАК НАЙТИ ДОМ?

Когда Башир и его семья прибыли в Беларусь, они столкнулись с очень серьезными финансовыми проблемами. На протяжении месяца они, семья из пяти человек, жили в однокомнатной квартире, а потом арендовали отдельную квартиру, но у них не хватило денег, чтобы за нее заплатить. Башир вспоминает трудности, которые возникли у него при получении регистрации по месту жительства в Беларуси.

«Самая главная здесь трудность – найти место для регистрации. Это очень сложно. Как только мы приехали, нам дали направление в район. Значит, нам надо было жить в деревне. А в деревне очень трудно было найти жилье. Во-первых, там никто не сдает жилье иностранцам, очень редко найдется такой человек. Мы могли только договориться так: я как будто живу там, но на самом деле жилья там не было. Надо было жить где-то в городе, но так,

чтобы никто не знал. А если узнают, то в следующий раз не регистрируют. Во-вторых, за это они требуют больше денег. Если квартира стоит 150 долларов, то они просят 250 долларов. Это главная проблема здесь. Многие беженцы сталкиваются с этой проблемой – очень трудно найти жилье».

У Башира возникли разногласия с женой, и они развелись. Жена с двумя детьми переехала в центр временного размещения в Витебске, а Башир остался в Минске. Впоследствии УВКБ ООН помогло его жене с детьми переселиться в США.

Башир остался в Беларуси. Пятнадцать дней он оставался бездомным, спал прямо на вокзале. Потом он смог арендовать квартиру.

НЕВЕРИЕ И РАЗОЧАРОВАНИЕ

Башир пользовался услугами юридической консультации Службы консультирования беженцев, и они также при необходимости предоставляли ему переводчика. В 2003 году Министерство внутренних дел отклонило его ходатайство о предоставлении статуса беженца. Он пытался обжаловать это решение в судах, но ему вновь было отказано. Наконец, он направил обжалование Президенту, но в 2004 году вновь получил отказ.

Пока Башир ожидал ответа из Администрации Президента на его ходатайство о предоставлении убежища, он был задержан и помещен под стражу в целях последующей депортации из Беларуси. Он утверждал, что не получил подтверждения отказа в убежище. Более того, у него возникли проблемы со здоровьем, и позже его регистрация была продлена на год, чтобы дать ему возможность пройти лечение.

Башир был очень разочарован решением суда по его делу. Он полагал, что его судьба суду безразлична.

«Дело в том, что они всегда требуют документы, чтобы доказать, что это действительно так. Но здесь они всегда забывают, что когда люди бегут из какой-то страны, они не думают о документах, они хотят спасти свои жизни. Тогда мне и в голову не приходило, что надо документы, а они не думают что, может, сгорели эти документы, может, потерялись. Все равно – надо документы. Это и есть главная причина [отказа в предоставлении статуса беженца], к сожалению. Доказать то, что человек говорит, очень сложно без документов».

ИСТОЧНИКИ ПОДДЕРЖКИ

Башир получал помощь от Красного Креста¹, и они также помогали ему платить за лекарства. Помимо помощи Красного Креста и Службы консультирования беженцев у него была возможность участвовать в специальных

¹ Имеется в виду финансовая помощь УВКБ ООН, поступающая по каналам Красного креста.

программах интеграции для беженцев. Он не посещал занятия по изучению языка, но смог выучить русский самостоятельно.

ОТСУТСТВИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТОЯННОЙ РАБОТЫ

В Афганистане Башир был профессиональным электриком. Он не ожидал, что в Беларуси у него возникнут проблемы с поиском работы. Однако здесь он может работать лишь на рынке, или продавцом, или грузчиком. Сначала он начал работать продавцом, но у него возникли проблемы с милицией из-за отсутствия документов. Несколько раз его штрафовали за нелегальную работу.

«Но я не знал, как решить эту проблему. Один раз попробовал взять разрешение на работу. Очень сложно. Два-три месяца я бегал туда – сюда, но никак не мог получить его. Почему это так сложно?»

ЗАПЛАТИЛ СОБСТВЕННЫМ ЗДОРОВЬЕМ

Впоследствии здоровье Башира пошатнулось, и он больше не мог работать. Он получает некоторую помощь от Красного креста и от друзей. Он сидит на рынке и чинит игрушки и магнитофоны. **«Если бы этого не было, я не знал бы, как платить за квартиру».**

Доступ к медицинской помощи: Когда Башир заболел, он пошел в поликлинику, заплатив за это деньги. У него не было медицинской страховки, и поэтому он не мог получить помощь бесплатно. Ему сделали операцию. Счет оплатил Красный крест. **«Если честно, я думал и слышал, что медицинские услуги здесь бесплатны для всех. Но здесь, к сожалению, все не так, как я ожидал».**

Башир по-прежнему испытывает серьезные проблемы со здоровьем, которые он считает следствием плохих жилищных условий, нездорового питания, стресса и волнений. Он испытал тяжелое эмоциональное потрясение, когда его ходатайство об убежище было отклонено. «На самом деле у меня тогда было самое сложное время, потому что я не знал, что дальше делать. Сколько я мог, я старался устроить своих детей, свою жизнь. Когда я получил ответ, я не знал что делать дальше».

НЕТ ДРУГОГО ВЫБОРА

«...Дело в том, что у меня нет выбора. Я никуда не могу уехать, потому что больше я не знаю, куда обращаться и куда ехать. Надо адаптироваться к этой жизни. Практически 6-7 лет я здесь живу, освоил все это».

Башир говорит, что ему нравится жить в Беларуси, он считает, что белорусы очень дружелюбные, они готовы выслушать чужие проблемы. Ему жалко будет уезжать из Беларуси, когда его вынудят сделать это. Ему жалко, что он не сможет тут жить и дальше. Он просит УВКБ ООН помочь ему переселиться в другую страну, но все же он хо-

тел бы остаться в Беларуси. Он знает местную культуру, он пожил вместе с белорусами. Он очень боится, что его отправят обратно в Афганистан. **«Здесь есть проблемы, но можно преодолеть эти проблемы. А там – вопрос жизни и смерти».**

Башир может дать некоторые рекомендации лицам, принимающим решения по ходатайствам об убежище в Беларуси. Он призывает их понять, что у человека, который спасается от опасности, не всегда есть время взять с собой полный набор документов и доказательств преследования. Он призывает политиков изменить режим регистрации по месту жительства, чтобы облегчить жизнь для лиц, ищущих убежища. И он призывает судебные и миграционные власти тщательно пересматривать заявления об обжаловании отказов в статусе беженца: **«Они должны еще раз просмотреть ваше дело, не то, что две-три страницы за две минуты – так дело не решается. Они не смотрят внимательно. Раз отказ – значит, от всех отказ, никто больше не рассматривает это дело. Более внимательно надо смотреть на дело, потому что от этого зависит судьба человека. А они – им все равно... Теперь я не могу себе представить, что случится, если я снова окажусь в Афганистане. Потому что там на сто процентов рискуешь своей жизнью...»**

ИСТОРИЯ ЭНАЙАТА

Темы: Беларусь, документы / трудоустройство / медицинское обслуживание / жилье

Энайат со своей семьей прибыл в Беларусь в январе 2005 года. В Афганистане власти дважды задерживали его, и ему было опасно оставаться в стране. Он и его семья бежали в Иран, а оттуда, вместе со многими другими людьми, контрабандисты на машине и поездом доставили их в Беларусь.

Энайат считает жизнь в Беларуси очень тяжелой. В 2006 году, родив четвертого ребенка, его жена заболела, и для нее было сложно найти медицинскую помощь. В настоящее время она инвалид, и это очень тяжело для всей семьи, потому что они должны заботиться о детях.

Когда они только приехали в Беларусь, Энайат и его жена получали помощь от знакомых, которых они знали еще с советских времен. Один из друзей сказал, что в Беларуси хорошо, что это мирная страна. Сначала они временно жили у друзей, в Минской области. Они не жили в центре временного размещения. После этого они арендовали жилье. **«Очень тяжело было, во-первых, язык, во-вторых, детей кормить надо. Ну, мы решили чуть-чуть проблему, знакомые чуть-чуть помогли».**

Сперва они обратились в Службу консультирования беженцев на улице Ольшевского, откуда их направили на улицу Кальварийскую, в Министерство внутренних дел. Они живут в Минской области и там же зарегистрированы.

«Мы много куда обращались, заявления подавали, очень сложно было. От этих проблем, я думаю, и жена заболела. Была раньше здоровая, нормально все было. После этого, проблем много у нас здесь появилось. Мы отказ получили, она очень волновалась, после этого переживала, раком заболела, это очень сложная болезнь. Мы много в МВД подавали заявлений, еще в суд подавали заявления, даже Президенту».

Но все их ходатайства были отклонены. У них не было документов.

В ходе процедуры определения статуса беженца они получали помощь юриста из Службы консультирования беженцев, а также материальную помощь от УВКБ ООН и Красного креста. Когда они только прибыли, они не знали, куда идти за помощью, но год спустя они узнали, что помощь можно получать от Красного креста.¹ Служба консультирования беженцев предоставляла им правовую помощь.

Энайат говорит, что им нужны курсы изучения языка и деньги для оплаты жилья. По его словам, в Беларуси

можно получить лишь незначительную помощь. Он также обеспокоен тем, что его жене нужна медицинская помощь.

Энайат не может найти легальную работу, потому что у него нет статуса беженца и документов.

«Отказ получил, и никто на работу не берет. Нет документа. Когда будут документы, тогда и будет работа. Я работаю так, типа грузчика, иногда с друзьями, которые здесь, общаемся, они помогают. Но помощь есть от Красного Креста каждый месяц, не очень много, но я все равно благодарен за нее».

Энайат немного говорит по-русски, но его жена почти не знает языка. Его дети ходят в школу. Их не взяли в детский сад, но УВКБ ООН помогло устроить их в школу. Поскольку у них нет регистрации, то в местную школу попасть они не смогли. Школа находится очень далеко от места, где они живут.

Сначала семья арендовала комнату в Минской области, а потом они переехали в город, потому что детям нужно было очень далеко ездить в школу. Они получили разрешение на переезд от Министерства внутренних дел. **«Много проблем было. Вы считали, сколько на одного ребенка надо: одеть, питание всякое? Это тяжело. Надо эту проблему решать»**

«В Минском районе воды горячей не было – частный дом, дети болели. А сейчас чуть легче, но все дорого. Мы одну комнату снимаем, в другой хозяйка... Ну, электрическая плита была, а сейчас плита газовая, свет есть, вода есть. Чуть лучше, но дороже».

Энайат говорит, что его жена начала получать медицинскую помощь, но она дорогая. Они получают некоторую помощь от Красного креста.

«ЕСЛИ ЗВОНИМ В СКОРУЮ ПОМОЩЬ, ОНИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СМОТРЯТ НА ДОКУМЕНТЫ, ПРОПИСКУ, ЕСЛИ РЕГИСТРАЦИЯ ВРЕМЕННАЯ, ТО ОНИ НЕ ОЧЕНЬ РАДЫ ПОМОЧЬ... СКОЛЬКО РАЗ МЫ ПРОСИЛИ, А ОНИ СКАЗАЛИ «У ВАС ПРОПИСКИ НЕТ, МЫ НЕ ЗНАЕМ, В КАКУЮ БОЛЬНИЦУ ВАС ВЕЗТИ»».

Энайата беспокоит его будущее. **«Каждый год не легче, а наоборот будет тяжелее, потому что дети растут, что-то хотят, жену лечить надо».**

Энайат мог бы посоветовать белорусским миграционным властям давать беженцам и лицам, ищущим убежища, возможность нормально жить, учить детей, предоставлять квартиры, помощь, чтобы все могли быть счастливы. **«Все наши знают, что беженцам надо помочь, не только деньгами, и эту помощь я никогда не забуду. Надо помочь человеку-беженцу».**

¹ Имеется в виду финансовая помощь УВКБ ООН, направляемая по каналам Красного креста.

ИСТОРИЯ ЭСМЫ

Темы: Беларусь / жилье

Эсма приехала в Беларусь из Афганистана. Она была вынуждена покинуть страну из-за войны. В той области, где она жила, постоянно шли боевые действия. Эсма покинула страну вместе с мужем и старшим сыном. В Беларусь она попала через Пакистан и Россию.

Для ее семьи жизнь в Беларуси очень трудна.

Когда Эсма приехала в Беларусь, она ничего не знала об этой стране. В самом начале знакомые помогли ей с жильем. Красный крест и УВКБ ООН помогли подать ходатайство о предоставлении статуса беженца. **«Мы ходили на собеседования, нас расспрашивали, и через год они сказали, что мы здесь беженцы».**

Но теперь возникла проблема с регистрацией. Она живет в Беларуси уже 10 лет, но власти не хотят предоставить ей регистрацию. Без нее она не может найти хорошее жилье или работу.

У Эсмы очень много проблем с жильем. Она переезжает на другую квартиру каждый раз, когда этого от нее требуют хозяева. Ей также очень сложно найти квартиру, поскольку у нее четверо детей. **«Если много детей, никто не сдает квартиру; если один – два ребенка, ничего не говорят, но если четыре – не хотят, говорят, что много детей и не хотят сдавать».**

Эсму беспокоит здоровье ее детей. Местные врачи говорят, что ничего не могут поделать, потому что существуют длинные очереди на лечение.

«Еще у меня у обеих дочерей кривые ножки. Они плохо ходят кривыми ножками. Она говорит, что когда ходит в школу, девочки и мальчики, когда смотрят на нее, говорят: - Ножки почему так у тебя? - Дома придет и плачет, говорит: - Мама, я что, всегда буду такая? - Врачи говорят, если лечиться, можно вылечиться. Если не лечить, то еще хуже будет у нее».

Когда Эсма получила документы, то у нее появилась возможность получать бесплатную медицинскую помощь. Но иногда все складывается хуже: **«После того, как документы мы получили, у меня родился ребенок, но в роддоме меня не понимали, спрашивали документы, просили платить по 250 тысяч рублей за каждый день в больнице, у нас документы были, только прописки не было. Врач сказал, что плати деньги и потом мы тебя примем. Через 20 минут после родов мне сказали, чтобы я шла домой, что лечить не будут. Я плакала, у меня молоко пропало. Мы звонили сюда, в УВКБ ООН, и в Красном кресте мы рассказали, что с нами так обращаются. Они звонили туда и спрашивали, почему они так сделали. Они поговорили и те успокоились».**

Эсма считает, что белорусы очень хорошие люди. Но иногда встречаются люди, которые относились к ним плохо: **« Вы знаете, каждый день люди говорят «вы черные». Вот, моя дочь не хотела ходить в школу, говорила, что когда идет в школу, все говорят «ты негритенок». Дети говорят: - Мама, почему мы не белые? Все говорят, что мы «черные»».**

СОВЕТ ЭСМЫ МИГРАЦИОННЫМ СЛУЖБАМ БЕЛАРУСИ: НУЖНО ПОМОГАТЬ БЕЖЕНЦАМ С ПОЛУЧЕНИЕМ ЖИЛЬЯ И ДОКУМЕНТОВ

«Самое важное для меня и всех беженцев, как я думаю, это жилье, и еще работа. Вы знаете, что работы нет, денег мало получаем, квартиру снимать не можем. Если нет документов, не можем ходить в школу и поликлинику. Если есть какая-то страна, которая нам поможет, мы поедem туда».

ИСТОРИЯ КЕТЕВАН

Темы: Беларусь, жилье, трудоустройство

Кетеван покинула страну происхождения, Грузию, из-за войны между Грузией и Абхазией. После войны ничего не осталась, все было разрушено. В Беларусь она приехала, когда была на восьмом месяце беременности. Они жили в Бешенковичах (Витебская область). Им много помогали соседи. Из Тбилиси в Минск они прилетели на самолете.

«Мы приехали сюда, чтобы больше не бояться войны, не бояться, что кто-то придет. Потому что наши родители остались там, и абхазцы приходили и угрожали им, заставляли что-то делать. Мы приехали, чтобы хорошо и спокойно жить в Республике Беларусь».

Когда они приехали в Минск, им рассказали о центре временного размещения в Витебске, где они жили, когда миграционная служба в Витебске рассматривала их ходатайства о предоставлении статуса беженцев. **«Условия там были очень хорошие, со всеми удобствами, у нас там было две комнаты. Там было все. Мы могли свободно передвигаться».**

Семья Кетеван получила документы спустя восемь месяцев после подачи ходатайства. **«Вся процедура была очень позитивная, у нас не было проблем. Все было быстро. Когда мы нашли жилье и получили регистрацию, нам сразу же дали вид на жительство».**

После того, как Кетеван и ее семья получили документы, все для них стало проще, и проще стало найти работу.

Главная проблема для семьи Кетеван – это жилье. Вся семья, семь человек, живет в однокомнатной квартире – семья Кетеван, родители ее мужа и его брат. Они временно живут в пустом доме, где никто не живет, в деревне. Это им предложили соседи. Ее муж взял кредит и все отремонтировал. В доме нет удобств. Старый туалет находится на улице, и они носят воду из колодца. Они не знают, что с ними будет в будущем и где они будут жить.

Ее дети без проблем ходят в школу и очень хорошо говорят по-русски. Однако они не знают грузинского языка. Красный крест выделяет им финансовую помощь, грант на школу в сентябре и бакалейные товары.¹ Медицинское обслуживание вполне удовлетворительно. Когда дети болеют, они всегда могут пойти к врачу. Иногда они сталкивались с проблемами с регистрацией. Например, когда в Витебске ей надо было пойти к гинекологу, доктор потребовал от нее регистрации в Витебске. Наконец, после того, как она поговорила с адвокатом, ее приняли в городской больнице.

Помимо проблем с жильем и деньгами семья Кетеван не испытывает серьезных проблем с интеграцией, потому что они знают русский язык и очень хорошо ладят с белорусами. У них никогда не было проблем с дискриминацией. Наоборот, местные им помогали. Однако на вопрос о том, что для нее значит интеграция, она отвечает: **«Много что значит. Я не чувствую себя здесь на своем месте, мне все еще нужно многого достигнуть, чтобы жить, как нормальные люди, многое нужно сделать».**

Кетеван хотела бы пойти учиться, но у нее нет денег и времени, потому что кто-то должен присматривать за детьми. Ее муж работает, а она сидит с детьми. У нее плохое зрение, -16, и поэтому она не может работать, ей трудно найти любую работу. Зарплаты ее мужа семье не хватает, и они еле сводят концы с концами.

¹ Это помощь УВКБ ООН, которая поставляется по каналам Красного креста.

ИСТОРИЯ ШУКРИИ

Темы: Беларусь / жилье / образование / трудоустройство

Шукрия приехала в Беларусь из Афганистана к мужу, который был в Беларуси студентом. В Афганистане началась война, и он не смог вернуться. Шукрия вышла замуж в результате церемонии в Афганистане, которая прошла без ее мужа, и прибыла в Беларусь без него. Сначала она поехала в Алматы (Казахстан), потом – в Москву, и только месяц спустя оказалась в Минске. В Алмате и Москве она получала помощь от друзей и других афганцев. Она не жила в центре временного проживания – ей помогали друзья ее мужа. Ее муж когда-то давно учился в Беларуси, а потом жил там. Он учился в Минске около года, а потом учился на инженера-преподавателя в Санкт-Петербурге.

Шукрия рассказывает, что многого ожидала от своей жизни в Беларуси. В Афганистане шла война, и жить там было тяжело. Она была учительницей, а все школы были закрыты.

«Я думала, что здесь буду работать или много учиться. Жалко, что я русский не знала хорошо здесь. А у нас другая страна, другой язык. Все здесь по-другому. Так, как я ожидала, не получилось».

Все трое детей Шукрии родились в Беларуси. Шукрии пришлось оставить в Афганистане свою родню: родителей, брата, восьмерых сестер. Родители ее мужа тоже остались там. Они тоскуют по ним.

Когда родились дети, то жизнь Шукрии и ее мужа стала труднее – у них не хватало места. Комната, где живут пять человек, обходится в 200 долларов. Ее муж сейчас не работает. Они получают помощь от Красного креста.¹ В Беларуси ей нравится то, что в стране мир, ее дети ходят в детский садик и школу, и учиться в Беларуси намного лучше, чем в Афганистане.

Шукрия и ее муж обратились в миграционную службу с ходатайством о предоставлении статуса беженца. Им не нужны были услуги переводчика, потому что муж говорил по-русски. Они оба прошли собеседование и подали заявление. **«Нет, нам не отказали, потому что они знали, как у нас там тяжело. Один раз подавали ходатайство». Через шесть месяцев им было предоставлено убежище.**

Когда они подали ходатайство, им выдали временные удостоверения беженцев. **«У нас были проблемы. 7-8 лет у нас не было вида на жительство, так как мы не сделали прописку, было тяжело. Потому что денег у нас не было, много на это денег надо. А после этого мы сделали прописку и нам дали вид на жительство. Мы снимали квартиру, всегда одну комнату».**

У них есть вид на жительство, и они стоят в очереди на жилье. Ее дети учатся в Беларуси, и она надеется, что они смогут получить образование и профессиональную подготовку. Шукрия говорит, что детям не надо платить за школу, но она предвидит проблемы, которые возникнут, когда они окончат школу, потому что за дальнейшее образование нужно будет платить.

Несмотря на все эти трудности, Шукрия оптимистично настроена по поводу перспектив интеграции в Беларуси.

«У нас здесь прописка, есть вид на жительство, у нас скоро будут белорусские паспорта, гражданство. Да, мы хотим стать гражданами Беларуси».

Теперь, получив статус беженца, Шукрия может работать уборщицей, ее муж учится на водителя, и им помогает Красный крест. Шукрия считает, что жизнь стала уже не такой трудной. Она хотела бы работать в Беларуси учительницей, как в Афганистане, но у них нет денег на ее учебу. При этом она не очень хорошо говорит по-русски. Шукрия не осознавала, что в Беларуси она не может работать учительницей.

Она несколько месяцев посещала курсы русского языка, но после рождения детей она не могла продолжать обучение. Это были бесплатные курсы, организованные Красным Крестом и УВКБ ООН. Она думает, что сможет больше времени уделять учебе, когда подрастут дети. На курсах она научилась говорить по-русски, и в этом ей также помогли муж и дети.

«У нас тяжелая жизнь. Вы знаете, как тяжело беженцу – нет языка, нет квартиры, проблема с работой. Все дорого. Одна комната 200 долларов в Минске стоит. И дети в минской школе учатся».

¹ Здесь имеется в виду финансовая помощь УВКБ ООН, поступающая по каналам Красного креста.

МОЛДОВА

**СИТУАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ И ИСКАТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА В
МОЛДОВЕ — ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К
ИНТЕГРАЦИИ**

СИТУАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ И ИСКАТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА В МОЛДОВЕ – ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К ИНТЕГРАЦИИ

При подготовке сборника молдавские НПО провели интервью с 20 беженцами и лицами, ищущими убежища, и ECRE опубликует 6 из них. По последним статистическим данным УВКБ ООН, статус беженца в Молдове был предоставлен 151 человеку (некоторые из них уже покинули страну), и, по данным на конец 2007 года, в стране находилось 79 лиц, ищущих убежища.¹

Республика Молдова является для лиц, ищущих убежища и нелегальных мигрантов важной транзитной страной на пути в Западную Европу. Она остается одной из беднейших стран Европы, и значительная часть ее населения, особенно в сельской местности, имеет доходы ниже прожиточного минимума. Страна в значительной степени зависит от международной помощи. В стране высокий уровень безработицы, в результате чего многие граждане Молдовы уезжают на заработки за границу, и средства, которые они посылают домой, составляют существенную часть ВВП страны. Следовательно, перспективы интеграции и самодостаточности беженцев тоже ограничены.²

Две трети опрошенных не считают, что смогли интегрироваться в молдавское общество. Для некоторых людей здесь сыграли роль причины личного характера, а не то, что происходит в стране. Однако большинство опрошенных назвали следующие причины неудачной интеграции: проживание в крайне сложных условиях, трудности при поиске работы, относительно дорогое жилье и невозможность позволить себе минимальные блага, такие как аренда жилья и покупка еды и одежды. Несмотря на это, несколько человек выразили свою благодарность молдаванам и сказали, что в целом к ним отнеслись хорошо.

Большинство беженцев и лиц, ищущих убежища в Молдове проживают в центре временного размещения на окраине Кишинева. Другие живут либо в Кишиневе, либо где-либо еще в стране. В Кишиневе, на территории НПО «Благотворительный центр для беженцев», также расположено временное место проживания. Однако максимальный срок пребывания беженцев в центре составляет три месяца, что недостаточно для их интеграции.

Некоторым из наиболее уязвимых беженцев, которые испытывают серьезные финансовые проблемы, позволяется оставаться в центре на более длительные сроки – это семьи с маленькими детьми, больные и неимущие. Эта инициатива властей очень полезна, поскольку

она направлена на улучшение положения некоторых беженцев и лиц, ищущих убежища, которые получают бесплатное жилье на более долгие сроки. Несмотря на это, тяжелая ситуация с жильем остается серьезным препятствием для интеграции беженцев в Молдове. Еще больше ситуация усугубляется тем, что для иностранных граждан цены на квартиры в Молдове выше.

Критически важной проблемой для беженцев и лиц, ищущих убежища, является доступ к рынку труда Молдовы. Главные причины трудностей в поиске работы – языковой барьер и отсутствие работы как таковой. Более того, лица, ищущие убежища и лица, имеющие гуманитарный статус, не имеют необходимых документов для легального трудоустройства. Дополнительная проблема заключается в том, что процесс получения документов, удостоверяющих личность, может занять вплоть до шести месяцев. На это время беженцы получают временный документ, который большинство работодателей не принимают. Некоторые беженцы из африканских стран также отмечали, что на рынке труда они также сталкивались с дискриминацией.

В Молдове не признается большая часть квалификаций и дипломов, полученных беженцами в их странах происхождения. Еще одной серьезной преградой для интеграции беженцев являются трудности, с которыми они сталкиваются при попытке открыть собственное дело и зарегистрироваться в качестве юридического лица.

Государственные программы курсов обучения языку для беженцев и лиц, ищущих убежища, отсутствуют. УВКБ ООН занимается финансированием проекта по обучению румынскому языку при сотрудничестве с «Благотворительным центром для беженцев», но этого недостаточно, учитывая количество беженцев, которые каждый год нуждаются в обучении.

Курсы обучения различным профессиям, организованные при Центре временного размещения для лиц, ищущих убежища, доступны только для зарегистрированных беженцев. Учебные курсы главным образом направлены на обучение техническим профессиям, например, получение водительских прав, парикмахерское дело и шитье. Более того, Директорат по делам беженцев Молдовы, правительственный орган, который занимается вопросами убежища и беженцев, предлагает помощь в трудоустройстве посредством предоставления информации о существующих курсах обучения профессиям или о потенциальных местах работы.

Однако этих программ недостаточно для преодоления препятствий для выхода на рынок труда и социальной интеграции, а для организации любой другой деятельности, кроме оказания консультаций, нет средств.

1 <http://www.unhcr.org/statistics.html?gclid=CjIDkqWJnZgCFYwh3godi1JgnQ>

2 Country reports 2007: Belarus, Moldova, Russian Federation and Ukraine - Situation for refugees, asylum seekers and internally displaced persons (IDPs), European Council on Refugees and Exiles (ECRE), funded by the European Commission.

Большинство беженцев неофициально работают на стройках, в пекарнях, ресторанах или парикмахерских.¹ Однако многие беженцы полагают, что государство должно обеспечить их документами, которые будут признавать потенциальные работодатели и хозяева квартир. Несколько человек жаловались также на отсутствие проездных документов, что не позволяет им уехать или начать искать работу в другой стране.

Все беженцы и лица, ищущие убежища, а также дети, имеющие гуманитарный статус, имеют доступ к школьному образованию. Молдавская НПО «Спасти детей» выделяет финансовую помощь² для приобретения письменных принадлежностей и книг, а также покрывает расходы на школу и обеспечивает детям завтраки. «Спасти детей» также покрывает расходы беженцев и лиц, ищущих убежища на детские сады для их детей. Однако после окончания 12-го класса дети больше не получают помощи, потому что ни одна организация таковой не занимается. Поэтому молодые беженцы после окончания школы вынуждены сами искать деньги на поступление в университет и получение в Молдове высшего образования.

У беженцев и лиц, ищущих убежища, существуют серьезные трудности с доступом к медицинской помощи. Беженцы получают лишь минимальную помощь, которая покрывается государственной медицинской страховкой, а лица, ищущие убежища, не получают вообще никакой помощи. Медицинская страховка покрывает расходы на госпитализацию и основные и наиболее дешевые лекарства для признанных беженцев. Однако она не покрывает лечения от опасных или угрожающих здоровью болезней. «Спасти детей» наняла врача, который оказывает беженцам и лицам, ищущим убежища, медицинскую помощь, а также организация покрывает часть их расходов на лечение. Однако эта НПО не располагает значительными ресурсами для оказания помощи всем лицам, нуждающимся в ней, и поэтому оказывает помощь только в наиболее серьезных случаях.

Признанные беженцы и лица без гражданства имеют право на приобретение гражданства Республики Молдова спустя восемь лет непрерывного проживания. Однако большинству беженцев трудно доказать, что они проживали в Молдове легально и постоянно. Это и есть основная причина отказов беженцам по ходатайствам о предоставлении гражданства. В целом, натурализация является длительным процессом, и многие беженцы считают, что это процесс непрозрачен и подвержен дискриминации. Процесс предусматривает требование о хорошем знании государственного языка, молдавского (так в Молдове называется румынский язык). Это требование

является обязательным несмотря на то, что государство не предоставляет никаких возможностей для изучения румынского языка или Конституции страны. «Правовой центр адвокатов», молдавская НПО, проводит курсы по изучению конституционного права, которые помогают беженцам в прохождении процесса натурализации.³

Рассказы беженцев, представленные в этом сборнике, отражают трудности и надежды лиц, ищущих убежища и беженцев в Молдове, а также их рекомендации молдавским властям по улучшению их положения в стране. В целях конфиденциальности настоящие имена были заменены псевдонимами.

ECRE выражает благодарность всем тем, кто поделился своими историями, а также следующим организациям, которые проводили интервью:

“Благотворительный центр для беженцев”

“Правовой центр адвокатов”

1 The Local Integration of Refugees in the Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine – “A Strategy for Action”, Cross-Border Cooperation/Söderköping Process in cooperation with UNCHR, the International Organization for Migration and the Swedish Migration Board, funded by the European Commission, 2008.

2 Молдавская организация «Спасти детей» является партнером УВКБ ООН по реализации программ в Молдове, и ее деятельность финансируется УВКБ ООН.

3 The Local Integration of Refugees in the Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine – “A Strategy for Action”, Cross-Border Cooperation/Söderköping Process in cooperation with UNCHR, the International Organization for Migration and the Swedish Migration Board, funded by the European Commission, 2008.

ИСТОРИИ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ МОЛДОВЫ

ИСТОРИЯ ДАЛИТЫ

Темы: Молдова / медицинская помощь

Муж Далиты уехал из Армении из-за этнического конфликта. Они помогли однокласснице – пустили ее к себе жить, кормили ее. Когда об этом узнали люди, у них начались проблемы. Становилось все хуже и хуже, и он уехал в Россию, а потом в Молдову. Потом муж приехал за Далитой, и некоторое время они жили в России. Там родились двое из их трех детей (старший ребенок родился в Армении). Они переехали в Молдову, потому что у мужа Далиты там были друзья, хотя оказалось, что они переехали в Россию. Так что когда они прибыли в Молдову, то оказались одни.

“Были очень трудные дни, очень. С тремя детьми, без квартиры, без ничего, без работы. Невозможно было жить, так как имеешь образование, но нет прописки, и трудности были со знанием языка”.

Однако в Молдове им понравилось. Люди отнеслись к ним дружелюбно и были готовы помочь, что для Далиты было очень важно, потому что здесь у них не было ни друзей, ни родственников. Однако возникли проблемы с пропиской.

“Мужа останавливали, так как видно, что он не молдаванин. Останавливали и...были штрафы, и были разные вещи. Допустим, хозяин не хотел продлить эту временную регистрацию или отсутствовал, или куда-то уехал. Вот это промежуток времени, когда он не имел регистрации, его содержали под стражей. Вот проверяли. А после того как мы обратились за убежищем, уже не было такого. Уже успокоились. Спокойно могли жить...”

В конце концов, они подали ходатайство о предоставлении статуса беженца. Во время процедуры Далита чувствовала себя униженной. ***«Не то чтобы кто-то меня унижал. Такого не было. Просто я была не в том месте, где я родилась, и не знала, что со мной дальше будет».***

Со временной регистрацией они прожили около двух лет. Ее нужно было продлевать каждые три или шесть месяцев, но потом они получили статус беженцев. Это значило, что больше у них не будет проблем, когда их остановят на улице. Теперь проблема заключалась в поиске работы, в заработке на жизнь. Работодатели по несколько месяцев не платили Далите и ее мужу, и они ничего не могли поделать, потому что у них не было документов.

ИНТЕГРАЦИЯ

Для Далиты интеграция значит, что у человека есть дом, здоровье и работа.

Недавно муж Далиты умер. Теперь она должна сама, со своей очень маленькой зарплатой, платить за кварти-

ру и воспитывать троих детей. Она имеет музыкальное образование и потому дает на дому частные уроки музыки, но здоровье не позволяет ей делать что-то еще. Только за аренду квартиры она должна платить 100 евро.

Далита думает о переезде в Центр временного размещения, но ее старшая дочь учится в 10-м классе [последний класс – 11-й] в школе, которая расположена от Центра очень далеко. А так как ее дочь очень застенчивая, то Далита не хочет переводить ее в другую школу, создавая ей тем самым проблемы на последнем году учебы. Она получает гуманитарную помощь от НПО, но волнуется, что ее дети ходят голодными.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

У Далиты серьезные проблемы со здоровьем. Она потеряла все зубы и нуждается в срочной стоматологической помощи. Из-за этого она не может работать, потому что почти не может разговаривать с людьми. Также у нее тяжелое заболевание почек, и ей нужна операция. У нее теперь есть медицинская страховка, что значит, что за лечение не нужно платить огромные деньги, но если, например, ей понадобится сделать рентгеновский снимок, то можно прождать девять месяцев. Она очень беспокоится, что с ней что-то случится, и ее дети останутся одни.

“У меня в таком состоянии почки находятся, что сами врачи не дают гарантии. А так как дети несовершеннолетние, я очень боюсь. Хочется сделать что-то, но просто не могу, поэтому дома сижу и думаю, что может случиться”.

ИСТОРИЯ ДОМИНИКА

Темы: Молдова / трудоустройство / медицинская помощь

В 1985 году Доминик приехал из Судана в Румынию на учебу. Там он занялся политической деятельностью, в том числе принимал участие в публикации газеты. В конце 1989 года ситуация в Судане изменилась, и в стране установилась военная диктатура. Одним из последствий этого стало прекращение финансирования учебы студентов за рубежом и отмена их виз. Будучи социальным демократом и политическим активистом, Доминик не мог вернуться в Судан. Сначала он работал в Румынии, но в 1999 году он уже не мог оставаться в стране. Хорошо говоря по-румынски, он решил переехать в Молдову. Когда он приехал туда, то был потрясен, услышав, что вокруг говорят по-русски. Он планировал оставаться в Молдове с друзьями от шести месяцев до года, а потом вернуться в Румынию. Однако он не смог вернуться туда легально, и был вынужден искать работу в Молдове.

«Я заметил равнодушие жителей: молдаван, русских, украинцев – всех. Я понимаю, что в этой стране есть хорошие люди и нормально, наверное, что они ведут свою личную жизнь, но абсолютно не замечать нас, у которых в тысячу раз больше проблем, несправедливо. По истечении времени, я понял, что и у молдаван достаточно проблем, нет хороших мест работы, зарплаты мизерные, пенсии еще меньше, но даже в этой ситуации жители Молдовы имеют преимущества перед нами: они имеют крышу над головой, а у нас этого нет этого. Сейчас, когда рассуждаю вслух, понимаю, что и жители Молдовы ищут более высоко оплачиваемую работу или способ уехать, найти работу за рубежом. И тогда соглашайсь мысленно с тем, что каждый живет за свой счет и не надо ждать никакой помощи. Каждый в Молдове ищет свой собственный способ существования».

В 1999 году Молдова еще не подписала Конвенцию о статусе беженцев 1951 года. Доминика часто останавливала полиция. Он работал на две организации и даже занимался сельским хозяйством, чтобы сводить концы с концами. Когда он впервые подал ходатайство о предоставлении статуса беженца, он получил гуманитарный статус, потому что некоторые документы отсутствовали. Он снова подал ходатайство, и на этот раз получил статус беженца. Он рад, что может жить в Молдове легально, но сам процесс, по его словам, полон бюрократии и очень тяжел морально.

После того, как он уехал из Судана, умер его отец. Он хотел бы навестить свою семью, но без проездного документа он не может этого сделать. Он может подать ходатайство о предоставлении ему гражданства Молдовы, но он слышал, что для этого должно пройти три года с момента получения статуса беженца. Также он сомневается, что ему дадут гражданство, несмотря на то, что он женат на гражданке Молдовы и у них есть сын.

«Если мы не можем получить проездной документ, как вы хотите, чтобы нам дали гражданство Молдовы? Я очень хочу, чтобы эта информация дошла до ECRE и еще выше, потому что мы чувствуем себя как в большой резервации, мы просто испытываем дискриминацию со стороны государства».

ИНТЕГРАЦИЯ

Доминик не чувствует себя интегрированным.

«Я не понимаю, во всех документах (международных и молдавских) говорят о правах, а на деле эти права не существуют. Проездной документ не дают, паспорт не дают, в этой стране нет никаких возможностей работать, чтобы содержать семью, а не только себя. А везде говорится, что мы должны интегрироваться в общество Молдовы. Мы этого хотим, но как? Если месячной зарплаты не хватает, чтобы оплатить за аренду квартиры, как вы посоветуете жить? Частью интеграции беженца является и экономика, а это значит – найти хорошую работу, получать хорошую зарплату. Мы не хотим большего, мы хотим жить на уровне среднего жителя Молдовы. Но нам не дают. Если квартира стоит 200-300 Евро в месяц, а моя зарплата 2000 лей (приблизительно, 110 Евро), как быть?»

Он и его семья живут в Центре временного размещения. Даже живя там и работая изо всех сил, он едва может прокормить семью. Недавно он получил уведомление о необходимости покинуть комнату в Центре, и день собеседования стал для его семьи последним днем, когда у них было жилье. Он надеялся, что сможет жить с родителями жены, но у них тоже были свои проблемы, и они пока не смогли помочь.

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Власти предложили Доминику переехать в сельскую местность, но он уже пытался заниматься земледелием и не думает, что это подходящее для него занятие и что он сможет таким образом прокормить семью. Доминик заплатил за два года учебы в Международном независимом университете Молдовы. Это был единственный университет, в котором беженцы имели равные права с молдаванами и могли платить за учебу в лях. Однако плата за учебу поднялась, и он не мог продолжать учиться. Он чувствует себя в порочном кругу. Для того, чтобы больше зарабатывать, нужно учиться, но для того, чтобы учиться, нужно достаточно зарабатывать, чтобы кормить семью, покупать лекарства, платить за жилье и что-то откладывать на учебу.

«Мне говорят, иди и работай на стройку. И что, я должен таскать цемент целый месяц, чтобы получить какие-то 1000 или 2000 лей (55-110 евро)? Или иди и работай в селе, мне говорят. Идешь искать работу, работодатель видит, что ты иностранец или другого цвета, и не принимает тебя, но и не го-

ворит правду в глаза. Просто говорит: «Идите и ждите нашего приглашения». А приглашение не присылают. И еще: наши документы. Когда работодатель видит документы беженца, сразу опасается – это для него незнакомые документы. И чтобы не влезть в проблемы, не берут нас на работу. Кому нужны проблемы?»

Доминик работает переводчиком, но он еще пытается попасть на радио. Он уже прошел несколько собеседований и проверок голоса. Он надеется, что его захотят взять работать в рекламе – араб, который говорит по-румынски.

ЗДОРОВЬЕ

Ситуация со здравоохранением у Доминика очень сложна, потому что у всех членов его семьи разные статусы.

«Я – беженец, но мой ребенок – гражданин Молдовы, и мы живем в Центре для беженцев. И я не знаю, в какую больницу я должен обратиться. Иду во 2-ю больницу, там направляют в какую-то другую больницу, но нигде не принимают. И я не прошу помочь мне, беженцу, а моему сыну, который находится под протекцией государства. Оплатишь – посмотрят на тебя, нет – направят по месту прописки жены: ее, меня и ребенка. Как это реально делать, никто и не задумывается: мы живем в районе Аэропорта, а прописка в Грэтиешть – расстояние около 40-45 километров. Чтобы не создать новых проблем, я решаю их деньгами. И не только с врачами: с полицией, с работниками государственных органов – тоже».

РЕКОМЕНДАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧИНОВНИКАМ

Доминик считает, что больше всего беженцы нуждаются в помощи со стороны государства в поиске жилья и работы, а с остальным они могут справиться и сами.

«(Я бы хотел) Чтобы наши проблемы решались быстрее, чтобы нам представляли крышу над головой, и чтобы с нами считались как с людьми».

ИСТОРИЯ ХАССАНА

Темы: Молдова / задержание / документы / жилье

Хассан уехал из своей страны, Афганистана, в 1991 году. Будучи беженцем, он побывал в Индии, России, Беларуси и снова в России, а потом он встретил свою будущую жену, молдаванку, и переехал в Молдову. Приехав туда, он сразу поехал со своей женой в деревню. Но жизнь там была очень трудной.

ЗАДЕРЖАНИЕ

Хассан решил перейти через границу в Румынию. Его задержали пограничники. Было очень холодно, поначалу ему не давали никакой еды. Он и сейчас нездоров из-за такого обращения с ним. Проведя некоторое время под стражей на границе, он был переведен в другое место, где его держали вместе с людьми, совершившими тяжкие преступления.

«По-моему, решение было не правильным, содержать меня вместе с бандитами, маньяками, убийцами было неправильно, если даже человек и нарушил закон».

Всего он провел под стражей три месяца, не имея доступа к адвокату или какой-нибудь еще помощи.

«Защита – это деньги, если были бы деньги, была бы и защита. Это единственное решение проблем».

ПОДАЧА ХОДАТАЙСТВА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СТАТУСА БЕЖЕНЦА

Всего Хассан его семья жили, занимаясь земледелием, два года, но это было трудное время. Когда Хассан был Кишиневе, он узнал, что беженцы могут получить помощь. Ему было сложно подать ходатайство о предоставлении ему статуса беженца. Пришлось занять денег, чтобы за 100 километров поехать в Кишинев и подать ходатайство, а потом отработать один день, чтобы отдать деньги, которые он занял. После первого собеседования он не получил никакой помощи, но после второго ему сделали регистрацию. На это ушло около месяца.

«Сначала все было хорошо. Я думал, что эти организации хотят помочь, но потом увидел, как они относятся ко мне, и понял, что им все равно. Я просто попросил какой-нибудь документ, чтобы я мог ходить по городу».

Хассан немного пожил в Центре временного размещения и очень благодарен за крышу над головой, но не может четко сформулировать свое отношение к условиям нахождения там, потому что потом его попросили покинуть Центр. Он начал снимать квартиру и работать на рынке. Он не получал никаких социальных пособий, даже на детей, которые являются гражданами Молдовы.

«Я думаю, справедливости никакой нет, я уже семь лет живу, а у меня только кусок бумаги, который в милиции показываешь, и там говорят «этим документом потереться можете».

Дома Хассан доучился только до четвертого класса школы, потому что потом школу разбомбили. В Благотворительном центре для беженцев он выучил румынский язык и научился работать на компьютере и пользоваться интернетом. Он может говорить по-румынски, но не умеет писать и читать. Сейчас его больше беспокоит образование его детей. Он доволен тем, что они хорошо учатся, и хотя его дети являются гражданами Молдовы, он не получает никакого пособия на их учебу, за которую в Молдове надо много платить. Помимо этого, чтобы прокормить семью он вынужден браться за любую работу. Ему очень сложно найти работу без дискриминации. Сейчас он надеется на хорошее будущее для своих детей».

«Ну, карьера... поскольку я уже про карьеру забыл, мне бы хотелось больше заниматься карьерой своих детей, чтобы у них было какая-то карьера, хорошая жизнь, и хорошее образование, не так как у меня».

Хассан хотел бы уехать из Молдовы в Канаду, где у него сестра, которую он не видел 16 лет.

ИНТЕГРАЦИЯ

Хассан не чувствует себя интегрировавшимся в молдавское общество.

«Нет, я не чувствую, что я интегрировался. Я хожу с бумажкой и не получаю никакой помощи. Что такое интеграция? Мне кажется, что интеграция – это когда ты получаешь помощь, поддержку. Я получил 500 лей (35 евро) за шесть месяцев, и все. До свидания. Иди и работай! Но у меня нет документов. Документов нет – но иди работай! А где?»

РЕКОМЕНДАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧИНОВНИКАМ

«Я бы сказал: помогите беженцам! А, все равно, если я дам какие-то рекомендации, все равно меня никто не будет слушать и не будет обращать внимания. Но, наверное, можно найти какие-то решение – хорошее, допустим, обращение с беженцами, и допустим, в Молдове есть места, где построили бы какое-нибудь здание, чтобы могли беженцы, которые с детьми, с семьями, там жить. И документы какие-то нормальные, чтобы могли они работать, чтобы зарабатывать деньги. И самое главное – жилье, чтобы люди могли жить, чтобы у них была крыша над головой. Самое главное для людей – это крыша над головой, а потом остальное можно по чуть-чуть самим сделать, построить. Вот такие рекомендации я бы дал органам власти, которые занимаются беженцами. Кусочек места для них нетрудно выделить, взять и построить какое-то здание. Европейский Союз же помогает им, дает им деньги, дает... Можно на эти деньги и построить, мы бы могли сами построить это здание, собраться всем беженцам, построить этот дом, и помогать, и ... Вот так я бы сказал».

ИСТОРИЯ МОЙО

Темы: Молдова / интеграция / трудоустройство

Мойо бежал из Зимбабве, потому что его жизни угрожала опасность. У его отца возникли проблемы с президентом страны, и власти думали, что магазин Мойо является каналом распространения информации для оппозиции. Он сумел бежать в Южную Африку, а оттуда планировал перебраться в Испанию. На корабле его переправили в страну, которая, как потом он узнал, оказалась Украиной. Оттуда его везли на машине. Прибыв на место, он узнал, что это не Испания, а Молдова.

Дома Мойо ничего не знал о процедуре подачи ходатайства о предоставлении статуса беженца. Все, что он хотел – это уехать в страну с лучшей жизнью, где ему не будет угрожать опасность. Однако, оказавшись в Молдове, Мойо считает, что процедура подачи ходатайства прошла хорошо.

«Все прошло хорошо. Мне предоставили переводчика и полностью разъяснили все шаги. Я думаю, что все прошло нормально. Я не почувствовал никакой несправедливости, потому что процесс для всех одинаковый. А парень, который проводил собеседование, очень хорошо понимал по-английски, так что проблем не было».

ИНТЕГРАЦИЯ

Однако Мойо думает, что не смог интегрироваться в молдавское общество. Он чувствует, что здесь есть дискриминация в отношении иностранцев, особенно черных. Мойо считает, что полиция вряд ли станет защищать черного от местных граждан, что бы ни произошло.

«В Молдове я понимаю, что быть беженцем плохо. Очень часто на нас смотрят как на людей, не имеющих надежды, только с проблемами, опасных для общества. В Молдове думают, что у нас ВИЧ, и вообще смотрят на нас как на неполноценных и ничемных людей. У нас нет никаких прав, и мы не можем их потребовать. После этого мне совсем не хочется быть беженцем».

Получая гуманитарную защиту, Мойо не думает, что он имеет право на бесплатную медицинскую помощь, вероятно потому, что у государства нет на нее средств. Он молится, только бы ему не заболеть, потому что единственная медицинская помощь, которая ему доступна, это простейшее лечение и лекарство, предоставленные НПО «Спасти детей».

«Я читал про интеграцию в книжках, и там говорится, что власти страны должны предоставлять основные удобства и поддержку для содействия процессу интеграции. Все должно начаться с хороших законов, которые охраняли бы и защищали права

беженцев. Очень важно наличие стабильной работы или возможности открыть свое дело. Как я понимаю, интеграция – это возможность жить и работать, как все граждане этой страны, не чувствуя себя забытым законом и обществом вне зависимости от происхождения».

Мойо считает, что из-за тяжелого экономического положения государство не может предоставить беженцам реальной помощи, и поэтому беженцы должны сами обеспечивать себе жилье, еду и другие основные потребности. Он провел в центре временного размещения 10 месяцев, но вынужден был уйти оттуда из-за постоянных конфликтов с другим обитателем центра. Главным препятствием для нахождения альтернативного жилья было отсутствие денег. По сравнению с зарплатами цены очень высоки, и часто для иностранцев цены на квартиры выше. Пока что его зарплаты едва хватает на жилье и еду.

«Зарплаты, которую я получаю, хватает на оплату аренды и счетов, а на то, что остается, я покупаю немного еды. С таким доходом об одежде думать уже не приходится. Снимать квартиру очень дорого. Например, самая высокая зарплата для иностранца – это 180-200 евро в месяц. Из них около 150 евро уходит на аренду. Остальные расходы необходимо планировать, чтобы хватило на оплату счетов, на еду, на транспорт и одежду. Действительно очень трудно выживать, для этого нужна дополнительная работа. Иногда мы с друзьями ездим в деревню помогать по хозяйству, и за это нам дают еду».

РЫНОК ТРУДА

Хотя Мойо получает немного, ему было сложно найти вообще какую-нибудь работу. Главная проблема – это трудоустройство, особенно при отсутствии существенной помощи со стороны государства. Иностранцам платят меньше, а из-за проблемы с документами хорошую работу найти сложно. Мойо считает, что у работодателей, нанимающих иностранцев, могут возникать проблемы с властями. Работа на себя тоже не представляется возможной.

Для Мойо язык, образование и опыт работы не являются проблемой. Хотя он по образованию инженер по компьютерам, по его словам, работу не могут найти так много местных специалистов, что за рабочие места, требующие высокой квалификации, конкуренция очень высока, и беженцы в ней обычно проигрывают. Он считает, что в отношении трудоустройства существует дискриминация против иностранцев. Он сталкивался с этим сам, а также ему рассказывали о таких случаях другие иностранцы, которые тоже имеют хорошее образование и долгое время прожили в Молдове.

«Я слышал рассказ одного беженца, который пытался открыть свое дело. Хотя он был женат, у него ничего не получилось. Когда он хотел зареги-

стрировать название фирмы, ему сказали, что он не имеет на это права. Его обвинили в том, что он пытается таким образом легализоваться в стране. Это странно, потому что у него есть статус, с такими документами он может легально проживать в стране. Во-вторых, он женат на местной. Это еще раз подтверждает, что то, что написано в Конституции Молдовы, не соответствует реальности. Одно дело – это красивые слова, а другое – это когда иностранцы воспринимаются как враги, когда их не хотят принимать в общество. Возможна ли при таком отношении интеграция? Нет».

«Еще одна трудность – поиск работы. Например, был случай, мне позвонили через агента, чтобы договориться о собеседовании для приема на работу, но как только человек, с которым я говорил по телефону, узнал, что я из Африки, разговор окончился словами «иностранцы нам не нужны». Вот и все. Здесь нет органа, который защищал бы в таких случаях наши интересы. Мы во всем беззащитны и уязвимы. Я сам все делаю. Лишь несколько месяцев назад я получил работу через директорат. Я постоянно к ним приходил и просил помочь найти работу. Однажды они позвонили в одну фирму и спросили, не хотят ли они нанять черного, и они сказали, что они не против, и меня отправили туда. С тех пор я работаю. Помимо этого, я еще выполняю волонтерскую работу в Благотворительном центре для беженцев, что тоже приносит немного денег. Но такие случайные работы попадают не часто, они помогают мне платить за крышу над головой, еду и одежду. Я думаю, что с точки зрения возможностей работы здесь нет перспектив».

БУДУЩЕЕ

Несмотря на трудности жизни в Молдове, Мойо не думает возвращаться домой. Вернется он только тогда, когда ему будет гарантирована безопасность, и если он будет знать, что сможет найти работу и обеспечивать себя.

«Лично я считаю, что здесь нет будущего для меня. Если в жизни беженцев в Молдове не будет изменений, то надежды здесь не будет».

ИСТОРИЯ ТАИСЫ

Темы: Молдова / интеграция

Таиса приехала в Молдову в марте 2007 г. и с тех пор проживает в Центре размещения беженцев. Приезд в Молдову не был её выбором, она просто хотела приехать в страну, находящуюся неподалёку от её Родины – Чечни. Она вынуждена была уехать из-за проблем своего мужа в Чечне. Его арестовали за то, чего он не совершал. В жизни в Молдове есть свои трудности, в основном они связаны с тем, что это – страна с другими традициями, и Таиса считает, что вновь прибывшим нужна помощь в ознакомлении с ними. Однако самым главным для неё является то, что её дети находятся в безопасности.

«Ну, хорошо, что я мои дети как бы находятся вне угрозы, им не угрожает опасность...за детей, например я не волнуюсь, что будет завтра, потому что у детей будущее безопаснее в этой стране, и для меня это хорошо».

Когда она приехала, она ничего не знала о процедуре подачи ходатайства о предоставлении статуса беженца, но все прошло хорошо, и через 10 месяцев ей предоставили статус. Поскольку она знает русский язык, в ходе процесса подачи ходатайства у нее не было проблем.

ИНТЕГРАЦИЯ

Таиса говорит, что в Молдове очень сложно найти работу. Даже если у Вас есть такая квалификация, граждане Молдовы всё равно выполняют её лучше. Таиса сейчас не работает, потому как должна присматривать за детьми. По этой же причине она не может посещать курсы румынского языка, но надеется заботиться о своей карьере, когда дети подрастут. Её старший сын ходит в школу, а остальные дети – в детский сад.

Таиса чувствует, что смогла интегрироваться в молдавское общество.

«Да, чувствую себя устроенной... Ну, для меня интеграция значит...ну, что я не на своей родине, но я так думаю...что я интегрировалась. Ну, я не замечала как будто...я не считала себя чужой...я привыкла к этой стране, за год как бы привыкла и не считаю себя чужой. Что, например, на меня пальцем показывают, ничего такого не было».

ИСТОРИЯ ЯХЬИ

Темы: Молдова / трудоустройство

Яхья – палестинец, в Молдову он приехал из Сирии. До этого он жил в Израиле, где он и его семья имели статус палестинских беженцев. Его преследовали люди, которые хотели, чтобы он участвовал в священной войне против Израиля. Когда он уезжал, его обещали доставить в Германию. 20 апреля 2007 года он прибыл в Одессу. После этого он оказался в Кишиневе, без документов, без денег, без помощи. Человек, сопровождавший его, сказал ему спрятаться, чтобы немецкая полиция не поймала его и он не остался без работы. Он девять дней жил и ночевал на улице без теплой одежды, а потом его нашла молдавская полиция. Он не понимал, что от него хотят. Его били, над ним издевались, полицейские не пускали его в туалет. Он говорит, что ему постоянно предлагали подписать какую-то бумагу. Приходил переводчик, но Яхья не доверял ему. Наконец его доставили в Директорат по делам беженцев. Там его допросили, а потом дали ему комнату в Центре для беженцев.

«...Мне было вначале очень трудно, я не понимал ни молдавского языка, ни русского. Но ко мне относились с пониманием и помогли во всем».

Яхья подал ходатайство о предоставлении статуса беженца в мае 2007 года. Собеседование состоялось летом 2007 года, но у него не было документов, удостоверяющих личность, и его ходатайство было отклонено. Он нашел копию своего водительского удостоверения. Его ходатайство было вновь отклонено. При подаче апелляции суд решил, что он должен получить гуманитарный статус. Но это было еще впереди, потому что еще оставалось время на то, чтобы обжаловать решение суда. Он надеется, что все будет хорошо, но сожалеет о том, что ему так часто приходится ездить в Кишинев из С. Он считает, что процедура заняла много времени, но благодаря ей он получил комнату в Центре временного размещения беженцев, и рад этому.

ИНТЕГРАЦИЯ

Яхья не чувствует, что полностью интегрировался. Однако он считает, что ему повезло, что он встретил своего шефа.

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Яхья работает в деревне С. Он встретил фермера, который занимался животноводством, и он пригласил Яхью работать на него. Два месяца он ездил туда из Центра, но это было слишком далеко. Он смотрит за животными, хотя у него и есть высшее образование. Он не считает, что это ниже его достоинства, ведь он получает опыт и занимается честным трудом.

Его шеф говорит по-русски, и сейчас Яхья понимает этот язык и даже немного говорит на нем. Он хочет зара-

ботать достаточно денег и открыть свое дело. В Молдове ему нравится.

«Работа нравится, хотя она и не из легких. Зарплата хорошая, небольшая, но я могу снять квартиру в городке С. У меня хорошие отношения с коллегами и с шефом».

«Когда было очень трудно, я хотел возвращаться, то сейчас мне не так трудно. Вокруг меня хорошие люди, мне помогают, я понимаю русский язык, а здесь говорят в основном на русском».

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

**ПРЕАМБУЛА, ПОДГОТОВЛЕННАЯ
ГАННУШКИНОЙ С. А., ПЦ «МЕМОРИАЛ»
СЕТИ «МИГРАЦИЯ И ПРАВО»**

**СИТУАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ И ИСКАТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К
ИНТЕГРАЦИИ**

ПРОБЛЕМЫ ЛИЦ, ИЩУЩИХ УБЕЖИЩА И БЕЖЕНЦЕВ В ИНТЕГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ РФ

(Преамбула к российской части сборника интервью «Истории беженцев»)

С проблемами вынужденной миграции Россия столкнулась еще до распада Советского Союза. Почувствовав шатание центральной власти, местные элиты начали борьбу, стараясь отхватить кусок побольше, и вовлекая народы в выяснение отношений и перечисление взаимных болей, бед и обид. В 1988г.-92гг. в Россию было вывезено более 40 тысяч жертв армянских погромов в Азербайджане. Летом 1989г. после резни в Ферганской долине Узбекистана около 20 тысяч месхетинских турок расселились в южных районах России. И это было только начало. Напуганные агрессивной риторикой и недоброжелательными действиями национальных властей в Россию из всех бывших «братских» республик широким потоком хлынули русские.

Привыкшее к монополии на перемещение народов государство не было готово решать проблемы миграции, происходящей не по их воле. Только в 1993г. появились законы «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах», т.е. о гражданах России, вынужденно покинувших места постоянного проживания. Тогда же Российская Федерация присоединилась к Конвенции ООН 1951г. «О статусе беженца». Однако законы не накладывают на государство четких обязательств не только в отношении предоставления статуса, но и в отношении поддержки тех, кому он предоставлен. Все формулировки, определяющие социальные права беженцев и вынужденных переселенцев, устроены так, что праву получившего статус лица не противопоставлена соответствующая обязанность государства и, тем более, срок ее исполнения.

Так например, беженец имеет право «пользования жилым помещением, ...из фонда жилья для временного поселения» (ст.8, п. 1(б) Закона «О беженцах»). В то же время, в законе отсутствует упоминание о том, какой орган и в какой срок обязан предоставить беженцу это жилое помещение. Ключевым словом закона, определяющим отношение органов исполнительной власти к беженцам, является слово «содействовать»: государство не обязуется предоставить беженцу жилье, медицинское обслуживание, денежное пособие, а лишь содействует всему этому.

Очевидно, что такой подход приводит к тому, что проблема не решается вовсе. При этом беженец не имеет правовых оснований обратиться в суд и потребовать реализации своих прав.

Со времени своего образования в 1991г. Российской Федерации пришлось принять несколько потоков беженцев. После событий в Узбекистане и наиболее активной фазы Карабахского конфликта несколько волн породили осетино-грузинский и абхазо-грузинский конфликты. Осетины – около 40 тысяч – ехали, преимущественно, в Северную Осетию, грузины – в центральную Россию,

главным образом, в крупные города. По экспертным данным из Грузии в РФ прибыло около 50 тыс. грузин, из которых 30 тыс. осело в Москве и ее окрестностях.

Кроме того, в положении беженцев «на месте» оказались граждане Афганистана, которых падение режима Наджибуллы застало в России и сделало для них возвращение на родину невозможным. По оценкам УВКБ ООН в России оказалось до 150 тыс. граждан из Афганистана. В докладе 2004г. ФМС России число афганцев в России оценивалось как 80-100 тыс. человек. Среди них особое место занимают около 2000 детей-сирот, вывезенных в РФ в середине 80-х годов.

И, наконец, внутренние конфликты на территории РФ породили потоки внутривынужденных лиц. В 1992г. в результате осетино-ингушского конфликта Пригородный район Северной Осетии покинуло 60 тыс. ингушей. Две чеченские войны вызвали постоянное движение чеченцев из Чеченской Республики и обратно – при малейшем улучшении ситуации. Всего Чечню в разное время покинуло не менее 600 тыс. внутривынужденных лиц. Около 150 - 200 тыс. русскоязычного населения едва ли вернутся туда в обозримое время.

По данным известного ученого демографа В.И. Мукомеля на 1996г. на территории России находилось 714 тыс. вынужденных мигрантов, покинувших родные места в результате межэтнических конфликтов, разразившихся на территории бывшего Советского Союза.¹

В 1995г. на Конференции ООН по миграции в странах СНГ и сопредельных странах официальные данные численности беженцев составляли 270 тыс., вынужденных переселенцев – 900 тыс. человек.

После конференции эти числа начали стремительно падать. Появились новые редакции законов РФ «О вынужденных переселенцах» (1995г.) и «О беженцах» (1997г.) Первыми жертвами новой редакции закона о беженцах стали армяне из Азербайджана, так называемые «бакинские армяне». Их попросту сняли с учета, объявив их документы «удостоверениями неустановленного образца». Установленного образца удостоверений более года вообще не было. Потом их начали выдавать с большой неохотой, только единицам. Исключение составляла Северная Осетия, власти которой щедро одарили осетин из Грузии синими книжками признанных беженцев.

Большую часть тех немногих, кому посчастливилось также получить признание, составляли 3-4 сотни афганцев. Еще около 1000 афганцев получили временное убежище, которое власти начали предоставлять в 2001г.,

¹ (http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/10/07/0000238425/008_Demografiya.pdf)

когда было выпущено соответствующее постановление Правительства РФ от 9 ноября 2001г. №274.

Можно с сожалением констатировать, что на сегодняшний день не завершена интеграция ни одного потока вынужденных мигрантов. А приток лиц, ищущих

Таблица 1. Число лиц, признанных беженцами и состоящих на учете ФМС на конец года.

Год	1997	1998	1999	22000	2001	22002	2003	2004	2005	2006	2007	2008 май
Число беж.	239359	128360	79727	226065	117902	113790	8725	614	4458	405	452	527
Из них в РСО-Алании	28086	26210	24124	119650	115150	111534	6688	229	1110	101	72	0

Таблица 2. Число лиц, получивших временное убежище и состоящих на учете ФМС на конец года

Год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Число лиц, имеющих врем. убежище	379	1145	1232	1228	1061	1020	1174

Статус вынужденного переселенца предоставлялся также очень скупо. В 2008г. на май месяц его получило всего 10 человек. Зато снято с учета за тот же период было 4399 человек. На сегодняшний день от почти миллиона вынужденных переселенцев осталось всего 69 тыс.

Среди жителей Чеченской Республики на конец первой войны в 1996г. статус получили 147 тыс. Среди жертв второй войны статус вынужденного переселенца получили 12,5 тыс. жителей Чечни, по признанию ФМС, «как правило, лица некоренной национальности». Такое соотношение вполне понятно: в первую войну Чечню покидало русское население, к началу второй войны их в республике почти не осталось.

Вынужденные переселенцы имеют, хотя и почти эфемерное, но все же право на получение постоянного жилья. Власти не хотят принимать на себя дополнительные обязательства, поэтому дается установка не предоставлять статус никому, а напротив под любыми предложениями отказывать в его ежегодном продлении. В 2005г. обязанность обеспечивать вынужденных переселенцев жильем была снята с ФМС России и возложена на Министерство регионального развития. Последнее никогда не занималось проблемами миграции и не готово было отстаивать интересы вынужденных переселенцев. Обеспечение жильем происходит в виде предоставления государственных жилищных сертификатов. Согласно Постановлению Правительства от 21 марта 2006г. №153 «Об утверждении Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных Федеральным законодательством» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 годы», на каждый субъект РФ в год должно выдаваться не менее одного сертификата для вынужденных переселенцев. При существующем движении, если в льготную очередь уже никто не будет внесен, последняя семья вынужденных переселенцев из нее получит постоянное жилье через 30 лет.

убежища, в Россию продолжается. Постараемся описать положение нескольких основных групп вынужденных мигрантов.

Положение **бакинских беженцев** урегулировано почти всюду в России. Эти первые беженцы были признаны гражданами РФ и успели получить жилье, пока его выделяла ФМС, или устроились самостоятельно, когда цены на жилье были еще доступными. Исключение составляет Москва, где часть беженцев из Азербайджана в 1990г. демократический Моссовет расселил в гостиницах и общежитиях и перестал существовать. Правительство Москвы не считает необходимым выполнять обязательства Моссовета и обеспечивать бакинских беженцев жильем. Это обстоятельство привело к тому, что в 2002г. США открыли программу по приему бакинских беженцев, проживающих в Московском регионе. Однако программа охватила далеко не всех нуждающихся. Критерии оказались слишком узкими, решения во многом зависели от конкретного интервьюера. До сих пор несколько сотен бакинских беженцев проживает в гостиницах, новые владельцы которых всеми правдами и неправдами пытаются избавиться от обременительных жильцов. При этом суды не принимают решений о выселении.

В 2007 г. Правительство Москвы перестало издавать ежегодные распоряжения о продлении бывшим беженцам регистрации, предоставлении им государственной медицинской и социальной помощи и создало межведомственную рабочую группу по решению проблем, связанных с пребыванием этой группы мигрантов в Москве. Межведомственная группа ни разу не собиралась и никаких решений не принимала. Не имея регистрации, бывшие беженцы сталкиваются с проблемами в получении медицинской и социальной помощи и т.п.. Приходится обращаться в Департаменты здравоохранения и социальной защиты населения Москвы, в Пенсионный фонд по каждой конкретной жалобе бакинцев на прекращение медицинского и социального обслуживания, выплаты пенсий. У многих стали появляться проблемы с работой и учебой. Например, 17-летнему Габриэлу Пет-

росяну, который стал лауреатом молодежной программы «Шаг в будущее» и получил возможность без экзаменов поступить в Московский Технический университет им. Баумана, в приемной комиссии сказали, что для зачисления в вуз необходима справка о регистрации и медицинский полис (который без регистрации также невозможно получить). Чтобы уладить этот вопрос, пришлось обратиться в Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки, которая подтвердила, что истребование полиса и документа о регистрации при приеме в вуз незаконно.

Проблема жилищного обустройства в Московском регионе бывших беженцев из Азербайджана по-прежнему остается неразрешенной. А над теми немногими, кого одна из районных управ (Марфино) поставила на жилищный учет по временной регистрации, и кто имел хотя бы отдаленную перспективу решения этой проблемы, - нависла угроза утраты этой перспективы из-за отсутствия регистрации.

Тем временем активизировались владельцы некоторых гостиниц и общежитий, давно ищущие способ избавиться от беженцев. Администрация Московской финансовой академии недавно потребовала от беженцев освободить занимаемые ими комнаты в общежитии в связи с ремонтом, не предложив никакого другого жилья. В защиту бакинцев снова выступили правозащитники: только обращение в прокуратуру, которая предупредила администрацию вуза о недопустимости их принудительного выселения, помогло беженцам не оказаться на улице.

Владельцам гостиницы «Южная» в 2006 г. не удалась грубая попытка выселить бакинцев, отключив у них под Новый год воду, электричество и отопление. В начале 2008г. года новые владельцы решили выделить средства на приобретение для них жилья. Но на покупку жилья в Москве эти средства недостаточны. Выезжать за пределы Москвы, прожив в ней 18 лет, потерять при этом работу, человеческие связи, бакинцы не хотят. Так что расселение беженцев даже в этом случае оказывается невозможным без участия городских властей. Не получив поддержки властей, владельцы гостиницы ищут другие способы избавиться от беженцев. Недавно они предложили им на время ремонта переехать в социальную гостиницу для бездомных. Беженцы, не без основания опасаясь, что вернуться в свои комнаты они не смогут, отказались и напряженно ждут, каким будет следующий шаг владельцев отеля.

Трудно сосчитать, сколько еще бакинцев живет в частном секторе, снимая жилье за огромные деньги и лишая себя самого необходимого, чтобы не остаться на улице. Время проходит, люди стареют – не могут работать и остаются в положении полной безысходности. Москва категорически отказывает им в постановке на жилищный учет.

Есть еще одна группа вынужденных мигрантов, переместившихся в Россию в советские времена. Это *месхетинские турки, езиды и другие небольшие этнические группы*, покинувшие бывшие советские республики

и поселившиеся в Краснодарском крае – этом заповеднике нарушений прав человека. Если бакинцы в Москве и других регионах не без сопротивления властей все же были признаны гражданами России в соответствии с Законом РФ «О гражданстве» 1991г., поскольку прибыли в нее до распада СССР, то краснодарские власти признавать это положение закона не желают и российские паспорта поселившимся в крае жертвам погромов и дискриминации не дают. При этом, как правило, речь идет о людях, купивших там дома у выезжавших в Крым татар и нуждающихся только в получении регистрации и необходимых документов. Федеральные власти спускают руководству края такое самовольство. Кроме того, турки, езиды и проч. подвергаются гонениям со стороны казаков, которым разрешается носить оружие и время от времени пускать в ход плетки, которые выдаются за атрибуты национальных костюмов. Месхетинские турки, осевшие в Краснодарском крае, недавно также стали группой, которую согласились принять власти США. Программа прошла успешнее, чем с бакинцами. Однако за бортом тоже остались десятки семей, которым было отказано по непонятным причинам. Эти необоснованные отказы были связаны с тем, что американские интервьюеры оказались не в состоянии отличить правду от лжи и подозревают вовсе не тех, кто на самом деле вводит их в заблуждение. Обращение общественных организаций в высшие органы управления США не привело к успеху: российские общественные организации, с которыми американцы широко сотрудничали на предварительном этапе, оказались не достаточным авторитетом на ее заключительном периоде.

Езидам и другим этническим группам в открытии программы было отказано.

Одной из наиболее уязвимых групп остаются – *беженцы из Абхазии*. Часть из них получили национальные грузинские паспорта, остальные имеют на руках паспорта граждан СССР (или никаких паспортов) и могут считаться лицами без гражданства. До последнего времени только часть первых ежегодно получала в МИД РФ годовые визы и находились в РФ на легальном положении. В конце 2008 г., в связи с выводом российских войск из Грузии, выдача виз беженцам будет прекращена, и эта группа беженцев также перейдет на нелегальное положение. После принятия в 2002 г. закона «О правовом положении иностранных граждан», превратившего беженцев из Абхазии, как и других неграждан из стран бывшего СССР, проживающих в РФ, в нелегалов, общественные организации рекомендовали им устанавливать в судебном порядке факт постоянного проживания в РФ с целью постановки на миграционный учет без визы и получения разрешения на временное проживание. Некоторые беженцы воспользовались этой рекомендацией, установили с помощью юристов сети «Миграция и Право» факт постоянного проживания в РФ и легализовались. Однако, в настоящее время позиция ФМС и судебных органов сделала этот путь легализации для беженцев из

Абхазии практически недоступным: грузинам суды прекратили устанавливать факт постоянного проживания, а тем, кто его все же установил, не дают разрешения на временное проживание. Ситуация выглядит как безвыходная, и корни ее уходят в политику.

Часть беженцев из Абхазии пытается воспользоваться упрощенным порядком предоставления гражданства РФ, действующим по отношению к населению непризнанной республики. Через посредников или лично, идя при этом на определенный риск, они подают документы на гражданство РФ в Сухуми. При этом часть документов исчезают бесследно, а рассмотрение многих затягивается на годы. Запросы в МИД РФ несколько прояснили ситуацию: выяснилось, что документы заявителей-грузин «застревают» в основном в ФСБ, куда они направляются для стандартной проверки. На запрос по поводу нескольких заявителей, документы которых долгое время находятся в ФСБ, был получен удивительный ответ: «Поступившие на рассмотрение в территориальный орган безопасности материалы возвращены в Представительство МИД России в г. Сочи без рассмотрения в связи с тем, что правовой статус указанных в обращении лиц властями Республики Абхазия в настоящее время не определен». Этот ответ подтверждает догадку, что ФСБ задерживает документы абхазских грузин (в основном, из Галльского района) на том основании, что все они якобы имеют гражданство Грузии и поэтому не имеют право подавать документы на российское гражданство как лица без гражданства. Разумеется, это незаконно: в случае документального подтверждения наличия у заявителя грузинского гражданства, МИД РФ (но не ФСБ) может и должен официально отказать ему, а не задерживать на неопределенный срок документы заявителей по этническому признаку на основании каких-то предположений.

В последнее время, очевидно, в связи с обострением ситуации в регионе, в Москве появились новые беженцы из Абхазии. Пока трудно сказать: это единичные случаи или тенденция. 70-летняя грузинка Лея Шалвовна Кварацхелия до недавнего времени проживала в пос. Леселидзе Гагрского района Абхазии в собственном доме. Все ее родственники давно разъехались. С соседями у нее были хорошие отношения, но какие-то люди приходили к ней с угрозами, требовали, чтобы она уехала. Эти угрозы и отсутствие средств к существованию (пенсию не получала) заставили ее принять решение о выезде в Россию к дочери, получившей в Москве вид на жительство. В начале мая абхазские пограничники на р. Псоу отобрали у нее паспорт и все бывшие при ней документы. Старая женщина долго умоляла вернуть ей документы, но безуспешно. Она упростила проводницу посадить ее без паспорта на поезд и добралась до Москвы. На обращение в МИД России пришел ответ: МИД не может обратиться к властям Абхазии, поскольку эта республика официально не признана. Вразумительного ответа из Минобороны не последовало. ФМС России фактически отказалась рассматривать вопрос о легализации Л.Ш.Кварацхелия.

Будучи нелегалами, беженцы из Абхазии не имеют доступа к бесплатной медицинской помощи. Из-за запрета иностранцам работать на рынке многие лишились заработка и не могут, как раньше, самостоятельно оплачивать медицинские услуги. В связи с этим заметно возрос запрос с их стороны на помощь общественных организаций. Например, Манана Торуа, ожидающая решения о предоставлении гражданства с 2005 г., после обращения в Комитет здравоохранения Москвы была бесплатно прооперирована в московской клинике по поводу онкологического заболевания, а затем прикреплена к онкодиспансеру для продолжения лечения и получения медицинских препаратов.

В наиболее тяжелом положении находятся **беженцы из Центральной Азии, в первую очередь, из Узбекистана**. Основная опасность им грозит со стороны властей Республики Узбекистан и узбекских спецслужб, достаточно вольготно чувствующих себя на территории России. Можно предположить, что оказываемые им услуги со стороны российских спецслужб небескорыстны.

В последние годы идет борьба за каждого беженца, экстрадиции которого требует Узбекистан или Туркмения.

В апреле 2008г. произошло важное событие: Европейский Суд (ЕСПЧ), рассмотрев жалобу тринадцать узбекских беженцев, находящихся в г. Иваново, так называемых «ивановских узбеков», удовлетворил в полном объеме требования заявителей и констатировал систематическую практику пыток и отсутствие независимого правосудия в Узбекистане. Дело «ивановских узбеков», имеющее прецедентное значение, вел адвокат Ирина Соколова, приглашенный ПЦ «Мемориал». Успех имел место в результате тесного сотрудничества УВКБ ООН, ПЦ «Мемориал», Комитета «Гражданское содействие», Human Rights Watch и ряда других международных правозащитных организаций.

В июле Европейский Суд принял еще одно положительное решение. Оно касалось гражданина Туркмении и так же подтвердило отсутствие гарантий избежать пыток в случае, если заявитель будет выдан властям Туркмении. Представителем заявителя также был консультант Сети «Миграция и Право» ПЦ «Мемориал» Ольга Цейтлина.

В обоих случаях заверения стран происхождения беженцев в том, что к ним не будут применяться пытки, были сочтены ЕСПЧ не заслуживающими доверия.

Механизмы Европейского Суда в настоящее время являются единственным надежным способом защиты граждан Узбекистана, Туркмении и других стран – членов Шанхайской организации сотрудничества.

Несколько раз удавалось защитить политических беженцев, добившись срочного применения правила 39 Регламента ЕСПЧ, согласно которому экстрадиция была приостановлена до окончательного решения суда.

Однако в двух случаях российские власти нарушили запрет и выдали в Узбекистан беженцев. Это произошло в Москве 24 октября 2006г., когда по распоряжению сотрудников ФСБ был незаконно выдан Рустам Муминов. Это произошло не только в нарушение решения ЕСПЧ, но и несмотря на отказ Генеральной прокуратуры РФ в его экстрадиции.

Это повторилось в Тюмени: 5 декабря 2007г. был выдан в Узбекистан Абдугани Камалиев, в отношении которого ЕСПЧ также применил правило 39. До последней минуты с представителями МВД в Тюмени велись переговоры от имени Уполномоченного по правам человека в РФ. Однако это не помогло, Камалиев был выдан властям Узбекистана под видом административного выдворения за отсутствие постановки на миграционный учет.

Оба, Муминов и Камалиев, в Узбекистане были осуждены и приговорены соответственно к 5,5 и 11 годам заключения.

В положении **беженцев из Афганистана** также пока не происходит никаких заметных позитивных изменений и единственным выходом для них служит переселение в третью страну. Возможно, эта ситуация изменится в связи с тем, что между УВКБ ООН и ФМС России налажилось сотрудничество и начался процесс пересмотра дел беженцев, признанных УВКБ, которым миграционная служба отказала в статусе.

Наметившееся изменение позиции ФМС в вопросе предоставления статуса беженца проявилось в деле Атикулла Мохаммад Тахир из Афганистана. Атикулла был вывезен в СССР подростком с группой детей-сирот в 1986 г., утратил на родине все связи, женат на гражданке России, имеет двоих детей, приобрел дом в сельской местности, но легализоваться никак не может: миграционная служба Москвы сначала несколько лет не могла рассмотреть его ходатайство о предоставлении статуса беженца, затем отказала и в статусе беженца, и во временном убежище. После консультаций в ФМС России и с ходатайством Комитета «Гражданское содействие» Атикулла обратился в УФМС по г. Москве в третий раз и наконец получил статус беженца.

Хотя расширение практики предоставления статуса беженца и особенно – временного убежища является безусловно позитивной тенденцией, необходимо отметить, что статус лица, получившего временное убежище, предусматривает для вынужденных мигрантов слишком незначительные гарантии. В июне этого года благополучно завершилась 5-летняя драматическая история пребывания в России Асмик Чакаловой из Грузии: она выехала в США, где ей был предоставлен статус беженца. В Россию Асмик прибыла с одной уже недееспособной почкой, которая вскоре была удалена. Тяжелое заболевание позволило ей получить временное убежище. Но наличие этого статуса не дало ей возможности ни получать пенсию, ни получить временное жилье, ни пользоваться бесплатной медицинской помощью. Совершенно одино-

кая и больная, она давно бы погибла, если бы Комитет «Гражданское содействие» регулярно не оказывал ей материальную поддержку, если бы Департамент соцзащиты населения Москвы, в виде исключения, не разместил ее в социальной гостинице, предназначенной для бездомных москвичей, если бы Департамент здравоохранения Москвы, также по нашей просьбе, не предоставлял ей бесплатно крайне дорогое лечение (гемодиализ) и лекарства. Несколько раз по разным причинам помощь Асмик со стороны московских ведомств оказывалась под угрозой прекращения, и стоило немалых усилий добиться ее продолжения. При этом рано или поздно эта помощь, без сомнения, была бы прекращена, и тогда Асмик оказалась бы на улице без лечения и погибла.

Остается также нерешенным вопрос, как быть тем мигрантам, которым УВКБ ООН и ФМС отказали в признании беженцем, но которые не могут ни легализоваться в РФ иным способом, ни вернуться на родину. Беженцу из Афганистана Абдул Азим Абдул Гафари УВКБ ООН отказало в признании беженцем в связи с тем, что он служил в органах безопасности прокоммунистических режимов Афганистана. УФМС России по Московской области, а также все судебные инстанции отказали ему и в статусе беженца, и во временном убежище. В то же время вернуться в Афганистан он из-за своего прошлого не может. Г-н Гафари имеет троих несовершеннолетних детей, страдает тяжелой формой сахарного диабета. Чтобы выжить, вся семья, за исключением 5-летнего ребенка, нанимает бусы за ничтожную плату. Медицинской помощи Гафари не получает. Оказывая ему время от времени гуманитарную помощь, Комитет добился предоставления ему государственной бесплатной медицинской помощи и жизненно-важных медикаментов. Но это не решает проблемы.

И все же нельзя не отметить, что число беженцев за 2007 г. увеличилось и понемногу продолжает расти в 2008г. Легализовано было несколько десятков бывших детей-сирот, что чрезвычайно важно, поскольку все они выросли в России, обзавелись семьями, некоторые плохо знают родной язык и едва ли готовы вернуться на родину. Очень хотелось бы надеяться, что такая тенденция получит развитие.

Нельзя не коснуться проблемы осетин – **бывших беженцев из внутренних районов Грузии**, которых приняла Северная Осетия. О них говорилось выше. Сейчас почти все они имеют российское гражданство и статус вынужденного переселенца.

По данным УФМС по Республике Северная Осетия-Алания на май 2008 г. на учете в миграционной службе Северной Осетии стояло 13 720 чел., в том числе 72 беженцев и 13 648 вынужденных переселенцев, многие из которых разместились в 40-ка местах компактного проживания (МКП) г. Владикавказа и районов республики. По официальным данным там размещено около 1041 семьи мигрантов.

Большинство МКП находится в аварийном непригодном для жилья состоянии, опасном для жизни. Некоторые здания полностью или частично отключены от газоснабжения, отсутствует электроснабжение, нет тепла. Условия, в которых вынуждены жить дети, старики, способствуют развитию у них хронических заболеваний.

На сегодняшний день в условиях физической опасности проживает 1191 человек.

Почти каждое МКП имеет большие задолженности по коммунальным услугам, а по многим и судебные решения о выселении из них жильцов.

На начало 2008г. в очереди на жилье состоит 4297 семей. Еще около 700 семей по различным причинам, преимущественно из-за отсутствия регистрации по месту проживания, не стоит в очереди на улучшение жилищных условий, но и они тоже – нуждаются в жилье.

Между Северной Осетией и Министерством регионального развития России, которому теперь поручены все вопросы жилищного обустройства, было заключено соглашение о выделении 30 жилищных сертификатов в 2006 г., 792 - в 2007 г., и по 1000 сертификатов в последующие годы. Однако со стороны министерства соглашение было нарушено.

В рамках программы «Жилище» в 2006 и 2007 годах сертификаты на приобретение жилья получали всего по одной семье вынужденных переселенцев.

При таких темпах финансирования процесс обустройства вынужденных переселенцев в Северной Осетии займет уже не 30, как в целом по России, а 2 тысячи лет.

Внутриперемещенные лица из Чечни (ВПЛ) по-прежнему составляют одну из значительных составляющих вынужденной миграции в РФ.

Многие из них возвращаются в Чеченскую республику, не только потому, что там идет бурный процесс восстановления, но и по причине дискриминации и преследований, которым они подвергаются в других регионах России. Их проблемы связаны с отсутствием регистрации по месту жительства или вообще какой-либо регистрации вне Чечни. Например, Заурбеку Ахматханову во Владимире, где он учится в вузе и зарегистрирован по месту пребывания длительное время не обменивали паспорт в связи с достижением 20-летия. Новый паспорт был выдан ему только после вмешательства Комитета «Гражданское содействие». Надо отметить, что с декабря 2006г. действуют правила, которые допускают получение паспорта в любом регионе РФ. Если там заявитель имеет регистрацию по месту жительства, то срок исполнения должен составлять 10 дней, если – нет, то срок увеличивается до 2-х месяцев. Однако в отношении чеченцев сотрудники миграционных органов часто отказываются выполнять это положение.

Хава Ижаева одна воспитывает двоих детей, один из которых после перелома позвоночника стал инвалидом. По закону она имеет право получать на каждого ребенка небольшое ежемесячное пособие (в Москве его размер больше – за счет городских доплат), но не получает: в Чечне – потому что там фактически не живет, а в Москве – потому что не имеет постоянной регистрации. Обращение в Департамент социальной защиты г. Москвы не дало результата.

Многие жалуются на то, что работодатели отказываются принимать их на работу, когда понимают, что перед ними чеченцы.

Продолжается кампания по фабрикации уголовных дел против чеченцев, имевшая несколько больших всплесков, но не угасавшая с начала войны.

Ярким примером этого может служить случай Мовсара Бексултанова. В 2005г. он был осужден за участие в незаконных вооруженных формированиях, несмотря на то, что по факту применения к нему незаконных методов следствия было возбуждено уголовное дело.

Отбывал наказание Бексултанов в колонии №2 г. Воронежа, где его неоднократно предупреждали, что изыщут способ добавить ему срок. Такое обращение с отбывающими наказание этническими чеченцами достаточно распространено в учреждениях пенитенциарной системы, поскольку там часто работают лица, служившие в Чечне во время военных действий и не прошедшие необходимой реабилитации после службы.

16 июня 2008 года, когда Мовсар Бексултанов должен был выйти из заключения, его родственники приехали его встречать, но были задержаны, доставлены в ОВД Воронежа и содержались там без всякого основания в течение 3-х часов. Среди задержанных была девочка 15-ти лет, что еще раз подтверждает незаконность задержания.

За это время вышедшего из тюрьмы Мовсара Бексултанова остановили сотрудники милиции в штатском, после чего лица в камуфляже и масках совершили буквальное похищение, надев на Мовсара наручники, закрыв ему голову курткой и силой затолкав в машину.

Похитители перевозили Бексултанова из здания в здание, объясняя его задержание нелепыми причинами, заявляя, что у него в вещах найдена граната. Наконец, ему сообщили, что в Коране (!), который некоторое время находился у похитителей, найдены наркотики.

После этого Мовсар Бексултанов был доставлен в ОВД Центрального района Воронежа, где его без еды и питья продержали до утра. Из-за невыносимых болей Мовсар, страдающий язвой желудка, предпринял попытку самоубийства.

При рассмотрении в суде ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу Бексултанов узнал, что якобы был задержан 16 июня в 23 часа около колонии за совершение мелкого хулиганства, и при личном досмотре у него были обнаружены наркотики.

В деле множество противоречий и несуразиц, описанных в постановлении судьи Центрального районного суда г. Воронежа Щербининой, отказавшей в заключении его под стражу на том основании, что само проведение личного досмотра Бексултанова М.В. 16 июня 2008 года не было законным, «так как в материалах дела отсутствует постановление руководителя УБОП при ГУВД по ВО о проведении оперативно-розыскного мероприятия в отношении Бексултанова М.В.».

Надо отметить, что суды крайне редко отказывают в заключении под стражу иногороднего подозреваемого.

Все говорит о том, что дело сфабриковано. Об этом появились сообщения в прессе, есть несколько обращений в прокуратуру со стороны правозащитного сообщества. Казалось, что вот-вот все утихнет и дело будет закрыто. Однако следствие было продлено еще на месяц. Борьба продолжается, но далеко не всякий случай такого рода попадает в поле зрения правозащитников.

К началу 2008г. были ликвидированы все места расселения ВПЛ из Чечни. Лагерь в Ингушетии закрылись еще в 2004г., места компактного расселения в 2005г. были объявлены главным санитарным врачом Ингушетии непригодными для проживания. С трудом удалось несколько продлить их существование, чтобы люди не оказались на улице.

Все центры временного размещения в центральной России закрыты, последних чеченских ВПЛ силой выбросили из помещений в июле 2008г.

Даже русским власти советуют вернуться в Чеченскую Республику. Так во время судебного процесса по признанию нуждающейся в жилье Алифтины Ивановны Дорониной, престарелой учительницы из Чечни, изведавшей чеченского плена, представитель Жилищного Департамента г. Москвы рекомендовал вернуться в Чечню, где по его сведениям ей будет предоставлена квартира в новом доме. Его утверждение говорит о полной безграмотности чиновников в этом вопросе и абсолютном равнодушии к жертвам чеченского конфликта.

Алифтина Ивановна тоже в результате судебного процесса уже три года назад отстояла свое право отказаться от своего жилья в Чечне и получила за него ничтожную компенсацию в 120 тыс. рублей – стоимость 4-х метров жилой площади по среднероссийским ценам. Однако это максимальная компенсация, которая выплачивается вне Чечни на семью, как бы велика она не была. Верховный Суд уже несколько лет назад признал эту компенсацию недостаточной и получивших ее граждан не обеспеченными жильем. Однако правительство не увеличило сумму выплат.

В самой Чеченской Республике компенсация за разрушенное жилье составляет 300 тыс. рублей, чего на строительство или покупку жилья тоже не хватает.

Однако разница в выплатах велика, что дает российским экстремистам еще один повод для античеченской агитации.

В Чечне также перестали функционировать ПВР – пункты временного размещения ВПЛ. Сначала был изменен их статус: их перевели в разряд общежитий и передали местным властям, т.е. сняли их обеспечение с федерального бюджета. Местные власти используют отремонтированные здания по своему усмотрению и выселяют оттуда ВПЛ. Старт этой кампании был дан Президентом Чечни Рамханом Кадыровым еще до его вступления в эту высокую должность. В апреле 2006г. Кадыров заявил, что пункты временного размещения являются «гнездом преступности, наркомании и проституции» и их надо закрыть. Возможно, какие-то факты такого рода и имели место, но основную часть жителей ПВР составляли одинокие старики и многодетные семьи, часто не имеющее мужчин-кормильцев. Процесс закрытия ПВР и переселение ВПЛ проходит с участием вооруженных людей, что само по себе являлось фактором давления.

В заключение коснемся еще одной группы ВПЛ – *ингушей из Пригородного района Северной Осетии*, изгнанных оттуда во время вооруженного конфликта 1992г., активная фаза которого была недолгой, но жестокой.

Можно отметить, что российские власти в последние три года сделали многое для обеспечения ингушей жильем и возвращения их в родные места. Гораздо более щедро, чем за жителями Чечни, признавалось право на возвращение: достаточно было установить в суде факт проживания в определенном населенном пункте. Впервые в России этим заменялось наличие в прошлом прописки – регистрации по месту жительства. Компенсация за покинутое жилье выплачивалась также совсем не в том размере, который установлен для жителей Чечни. Семья ингушей, согласившаяся отказаться от жилья, получала от 700 тыс. до 2-х млн. рублей, что доказывает ясное понимание властей, сколько стоит жилье на самом деле.

При всем положительном развитии процесса ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта приходится признать, что о реинтеграции ингушей в Северной Осетии говорить рано: власти не в состоянии обеспечить безопасность возвращающихся в свои дома людей. Зафиксированы десятки случаев похищения и исчезновения ингушей. Ни одно розыскное дело не привело к успеху, а возбужденное уголовное – не расследовано. Не имевший никакого отношения к этому конфликту, террористический акт в Беслане послужил катализатором новой вспышки антиингушских настроений в осетинском обществе, справиться с этими настроениями пока не удастся.

ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ, ЛИЦ, ИЩУЩИХ УБЕЖИЩА И ВНУТРИПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: БАРЬЕРЫ НА ПУТИ К ИНТЕГРАЦИИ

В данный сборник включены 14 рассказов беженцев, лиц, ищущих убежища и внутриперемещенных лиц, которые бежали в Российскую Федерацию в поисках безопасности и защиты. Организации – партнеры ECRE провели собеседования с более чем 30 людьми во многих регионах, от Москвы и Санкт-Петербурга до Северного Кавказа (Ингушетия и Северная Осетия). Остальные рассказы можно найти на вебсайте ECRE.

ДОСТУП К ПРОЦЕДУРЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА БЕЖЕНЦА

После вступления в силу в 1993 году закона «О беженцах» доступ к процедуре определения статуса для многих лиц, ищущих убежища и уязвимых мигрантов стал значительно затруднен. В течение последнего десятилетия лица, ищущие убежища сообщают о том, что работники Миграционной службы часто отказываются выдавать им формы для ходатайств, утверждая, что их у них нет. Такие отказы чаще всего поступают в устной форме, и потому их сложно доказать и невозможно обжаловать. **Луиза** в своем рассказе описывает трудности, с которым она столкнулась при попытке обратиться за защитой к Миграционной службе.

Это означает, что большое количество уязвимых лиц не могут легализовать свое пребывание в России и проводят много лет в состоянии правовой неопределенности, не имея права работать и даже права беспрепятственно ходить по улицам. Каждый день лиц, ищущих убежища задерживают на улицах и доставляют в отделения милиции, где часто они вынуждены давать взятки и подвергаются жестокому обращению со стороны работников правоохранительных органов.

Можно сказать, что в 2008 году доступ к процедуре определения статуса для новоприбывших лиц, ищущих убежища и беженцев улучшился, поскольку их дела рассматриваются Миграционной службой в индивидуальном порядке, но по-прежнему остается длинная очередь из дел лиц, которые прибыли ранее.

Временное убежище: по некоторым оценкам, в России проживает около 100 000 афганцев, и большинство из них не имеют определенного статуса. Около 1500 человек имеют временное убежище, но его требуется продлевать каждый год, и делать это для афганцев становится все труднее и труднее.

ОТСУТСТВИЕ ЗАЩИТЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТРАНУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ, И РЕПАТРИАЦИЯ

В последнее время возникло существенное беспокойство по поводу все чаще применяемого незаконного

содержания под стражей и депортации лиц, ищущих убежища, иногда якобы за нарушения административных процедур. Беженцы и лица, ищущие убежища из Средней Азии и Кореи часто не получают в Российской Федерации защиты, а также существует обеспокоенность сотрудничеством между иностранными спецслужбами и МВД России. Последствия такой политики прекрасно видны в рассказах **Юрия, Салима и Османа**.

ДОКУМЕНТЫ

Практически все беженцы и внутриперемещенные лица, с которыми были проведены интервью, в качестве главного барьера на пути к интеграции назвали документы.

Закон «О правовом положении иностранцев», вступивший в силу в 2007 году, упростил процедуру регистрации для иностранных граждан. Иностранец, законно прибывший на территорию Российской Федерации, должен проинформировать об этом миграционные службы в течение трех дней после прибытия на место жительства или работы. Однако такая регистрация действует только в течение 90 дней или до истечения срока действия визы. После этого иностранец обязан покинуть территорию страны, если у него отсутствуют другие законные основания для пребывания в стране (для граждан стран, которым не требуется российская виза, это может быть заявление о предоставлении временного вида на жительство). Лица, ищущие убежища, которые пребывают в Россию нелегально, исключаются из упрощенной процедуры регистрации.

Помимо этого, принятие в конце ноября сокращенных региональных квот на выдачу временных видов на жительство на деле свело на нет многие достижения предыдущего закона, а также ослабило закон «О правовом положении иностранных граждан» от 2002 года.

Особые проблемы испытывают те люди, у которых истек срок действия документов о регистрации, но которые состоят в браке с российскими гражданами или имеют общих с ними детей, и не могут покинуть Россию и вернуться в страну происхождения.

Обладатели советских паспортов образца 1974 года, которые не могут вернуться в страну происхождения по этим паспортам или подать заявление о предоставлении временного вида на жительство в России, также оказались в сложном положении. Большинство таких людей прожили в России больше 10 лет, и часто у их детей также нет документов. Для проживающих в России чеченцев регистрация по-прежнему также остается главной проблемой. НПО отмечают, что секретные указания по ограничению регистрации чеченцев существуют во всех регионах.

Без регистрации по месту жительства лица, ищущие убежища, беженцы и ВПЛ не могут пользоваться правом на бесплатное здравоохранение, получать пособия и пенсии. Без регистрации сложно устроиться на работу и отдать детей в детский сад. Людей часто останавливает милиция и требует документы о регистрации, и лиц, у которых их нет, штрафуют или помещают под стражу.

На обжалование отказа во временной прописке или регистрации по месту жительства дается только три дня¹, чего, естественно, недостаточно.

Российским властям необходимо обеспечить всем лицам, ищущим убежища документы, в которых бы признавался их статус и гарантировалось бы их право на законное пребывание в России до тех пор, пока не будет рассмотрены их ходатайства о предоставлении убежища и они не исчерпают право на обжалование на всех стадиях.

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Поправки к Закону «О правовом статусе иностранных граждан»² были предназначены для упрощения процедур получения иностранными гражданами разрешений на работу.

Однако правительство России также приняло указ³ о вводе квот, в соответствии с которым с 1 апреля 2007 года иностранные граждане, временно проживающие в России, не имеют права работать в розничной торговле на рынках, в киосках и магазинах под открытым небом.⁴

Для того, чтобы легально работать в России, необходимо наличие документов о регистрации по месту жительства и разрешение на работу, которое сейчас получить очень сложно, потому что региональные квоты на 2008 год крайне малы. Таким образом, лица, ищущие убежища и лица, которым в России было предоставлено временное убежище, не могут работать на рынках и

вести торговлю. Этот указ лишил многих людей возможности зарабатывать на жизнь, и многими он воспринимается как ксенофобский. Закон также предусматривает повышение штрафов за прием на работу нелегальных мигрантов.

Лица, ищущие убежища, живущие в Москве и других крупных городах, столкнулись с ростом числа проверок документов на рынках; это описывается в рассказах **Ахмеда** и **Османа**. И без того трудное социальное положение беженцев ухудшилось, их доходы существенно сократились.

В рассказе **Сары** описывается также постоянная, рутинная дискриминация, с которой сталкиваются беженцы и лица, ищущие убежища при поиске работы.

Практически все без исключения опрошенные беженцы и лица, ищущие убежища утверждают, что наиболее острая потребность, которую они испытывают в жизни – это получение документов и права работать и обеспечивать свои семьи.

Необходимо, чтобы государство обеспечило лиц, ищущих убежища и беженцев полным и беспрепятственным доступом к рынку труда, а также отменило дискриминационные законы или ограничения.

ЖИЛЬЕ

С этим барьером на пути к интеграции сталкивается большинство групп беженцев и внутривынужденных лиц. В рассказе **Лолы** очень остро описывается отчаянный поиск крыши над головой семьей, только приехавшей в Российскую Федерацию из Узбекистана.

Рост количества проверок документов по месту жительства, попытки государства взять под контроль рынок аренды жилья, требование о том, чтобы хозяева жилья заключали официальный договор аренды и платили подоходный налог, привели в 2007-2008 годах к удвоению стоимости аренды жилья. В больших городах меньше людей стали сдавать квартиры беженцам и другим вынужденным переселенцам. Многие беженцы были вынуждены перебраться на окраины городов (что привело к повышению стоимости поездок на работу и росту штрафов, взимаемых по пути на работу милицией) или жить по несколько семей в одной квартире (что противоречит всем санитарным нормам). Большая часть людей, дававших интервью, называли жилье одной из главных проблем, чувствовали себя жертвами дискриминации и считали, что они не защищены от жилищных проблем.

В рассказе **Таниэля** показана длинная битва за права на жилье в Московской области, которые бакинские армяне-беженцы ведут последние 20 лет.

На Северном Кавказе ВПЛ, зарегистрированные в ФМС и нуждающиеся в улучшении жилищных условий,

1 Параграф 4 статья 7 Закона «О правовом статусе иностранных граждан».

2 Данный указ гласит, что разрешение на работу выдается Федеральной миграционной службой (ФМС) Российской Федерации или Региональным отделением Федеральной миграционной службы после того, как заявитель предоставит следующие документы:

1) Заявление о выдаче разрешения на работу; 2) документ, удостоверяющий личность; 3) миграционную карту со штампом пограничной службы, подтверждающим въезд на территорию Российской Федерации, или штампом ФМС, подтверждающим выдачу данному лицу миграционной карты; 4) чек об уплате госпошлины, подтверждающий уплату 1000 рублей за разрешение на работу. Ответ должен быть дан в течение 10 рабочих дней, а отказ может быть обжалован, что является огромным шагом вперед по сравнению с предыдущей системой. По сравнению с 2006 годом число иностранных граждан, которые получили разрешения на работу, возросло в несколько раз.

3 15 ноября 2006 года, № 683 «О введении в 2007 году квот на иностранных рабочих в розничной торговле в Российской Федерации».

4 Указ запрещает иностранцам заниматься продажей алкоголя, в том числе пива, и лекарственных препаратов. Квоты на иностранцев, торгующих на рынках и в киосках, составляли не более 40%, а к апрелю 2007 года они должны были быть снижены до 0%.

теряют надежду на то, что они вообще когда-нибудь получат нормальное жилье. В рассказе **Розы** говорится о долгой борьбе за компенсацию за дом в Ингушетии, который сгорел во время осетино-ингушского этнического конфликта. Рассказ **Луизы** демонстрирует похожую борьбу чеченской семьи, которая прошла путь от железнодорожного вагона к палаточному лагерю и центру временного размещения.

РАСИЗМ И ДИСКРИМИНАЦИЯ

Иностранцы, в том числе беженцы и лица, ищущие убежища, в России регулярно становятся жертвами расизма из-за своего внешнего вида. Проблему расизма поднимали многие из опрошенных; за последние годы число нападений на расовой почве выросло до тревожных показателей.¹ Деятельность расистов достигла пугающих масштабов, и в больших городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, действуют хорошо оснащенные и хорошо вооруженные банды расистов.²

В рассказе **Ахмеда** описывается непереносимый стресс жизни в постоянном страхе нападений и издевательств со стороны расистов – не только групп экстремистов, но и работников правоохранительных органов.

Внутриперемещенные лица из числа этнических чеченцев также сталкиваются с огромными трудностями при проживании во многих областях России, сталкиваясь с дискриминацией со стороны работников правоохранительных органов и властей, а также и со стороны широкой общественности.

ГРАЖДАНСТВО

Правовое положение граждан стран СНГ и лиц без гражданства, прибывших в Россию до принятия нового миграционного законодательства³, не улучшилось. У них нет миграционных карт, из-за чего они не могут ни упорядочить свой статус в России, ни получить российское гражданство.

Получение российского гражданства остается сложной задачей для большинства мигрантов. Люди, прибывшие в Российскую Федерацию из стран бывшего Советского Союза и лица без советского гражданства могут до 1 января 2008 года получить российское гражданство по упрощенной процедуре при условии наличия у них временного вида на жительство. Многие лица получали от

Комиссии по гражданству следующий ответ: решение о предоставлении гражданства должно было быть принято до их прибытия в Российскую Федерацию.

ЛИЦА БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Существует также категория лиц, которые не имеют документов, подтверждающих их принадлежность к какому-либо государству – лица без гражданства. Они не могут ни вернуться в Россию, ни покинуть страну, поскольку у них нет никаких документов. Проблемы лиц без гражданства отражены в рассказе **Лусы**.

ОБРАЗОВАНИЕ

Хотя в настоящее время дети беженцев могут ходить в российские школы, многим беженцам финансовые трудности не позволяют покупать школьную форму, учебники и спортивный инвентарь. Детям дошкольного возраста по-прежнему трудно получить доступ к дошкольному образованию в Москве.

ECRE выражает благодарность все тем, кто поделился своими историями, а также организациям, которые проводили интервью:

Сеть «Миграция и право» ПЦ «Мемориал»

ЭквиЛибре-Солидарность

1 Центр SOVA (<http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB41EE/C4055C6>) приводит предварительные статистические данные о 87 убийствах и 378 нападениях на расовой почве, которые произошли в Российской Федерации, за исключением Северного Кавказа, в 2008 году.

2 Например, при слушании дела “банды Воеводина-Боровикова” в Санкт-Петербурге, в рамках которого 19 лицам были предъявлены обвинения в убийстве активиста-антифашиста Н. Гиренко и иностранных граждан, выяснилось, что обвиняемые располагали хорошо организованной преступной сетью, а также оружием и деньгами для совершения преступлений.

3 “О гражданстве Российской Федерации” и “О правовом статусе иностранных граждан”.

**ИСТОРИИ БЕЖЕНЦЕВ
ИЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ИСТОРИЯ АБДУЛА

Темы: Российская Федерация / процедура предоставления статуса беженца / документы / языковой барьер / расизм

Абдул родом из Афганистана. Когда их дом был разрушен в результате боев, он был десятилетним сиротой, живущим в Афганистане со старшей сестрой. Абдулу и его брату помогли бежать в Иран, где им нашли бы работу. Его сестра осталась с мужем в Афганистане, а еще один его брат жил где-то в России. Старший брат воевал с моджахедами, и солдаты пришли в дом искать его. Его они не нашли, но убили отца Абдула.

Некоторое время Абдул без документов жил в Иране, а потом из России его приехал искать старший брат. Абдул вспоминает, как они встретились.

«Он не узнал меня, говорит, вот фотография, я ищу брата, его зовут Абдул. Я говорю, это я – Абдул. Мы плакали, обнимались. Брат сделал нам российские визы, и мы вместе поехали в Россию».

По прибытии в Россию Абдул и его брат обратились в Миграционную службу, и им сказали через три месяца прийти на собеседование.

«Несколько раз мне отказали, и мне сказали: выезжай и снова приедешь. Говорили, что надо поехать в Афганистан назад...я знаю на рынке много людей, они купили документы, я не мог купить, но и не могу поехать в Афганистан».

ЗАСТАВЛЯЛИ ПОДПИСАТЬ БУМАГУ О «ДОБРОВОЛЬНОМ» ВОЗВРАЩЕНИИ

У Абдула появилась русская невеста. Однажды ему позвонили и сказали, что он может забрать документы. Когда он приехал в Миграционную службу, ему дали бумагу, где было написано, что он согласен добровольно вернуться в Афганистан.

«Мне показали бумагу, просили подписать, но я не читаю по-русски, но мне сказали, либо ставишь подпись, или конвой тебя забирает, и заберем все деньги, и в такое место тебя посадим, что будешь сам звонить домой и просить деньги, чтобы тебя отправили. Я подписал, выхода у меня не было. Они мне сказали, что спокойно приедешь потом в Россию к своей жене».

«Когда давали мне подписать эту бумагу в Миграционной службе, они позвали мою жену в другую комнату и сказали «зачем тебе он, он из Афганистана, как ты с ним живешь, он не русский». Ей было очень неприятно и обидно это услышать, и мы даже хотели написать кому-то по этому поводу, но не написали, а мне сотрудник Миграционной службы, из отдела по депортации, говорил при этом, что ты въедешь спокойно и будешь жить с женой».

Абдул купил билеты в Афганистан и отдал их в Миграционную службу.

«Я сам оплатил эти билеты, и их забрала Миграционная служба».

Он приехал в Москву, и ему снова позвонили из Миграционной службы, чтобы убедиться в том, что он уезжает. Ему еще раз сказали, что потом он сможет вернуться в Россию. Он вернулся в Афганистан и по приглашению жены смог легко получить российскую визу.

Но пока он находился в Афганистане, 24 сентября 2007 года террорист-смертник подорвал автобус с полицейскими, а Абдул проходил мимо. Он потерял сознание, получил травму головы. Он рано выписался из больницы, чтобы приехать к жене в Россию. После того, как ему сняли швы, он отправился зарегистрироваться в России в Паспортной и визовой службе (ОВИР) Министерства внутренних дел, где он запросил временный вид на жительство. Он официально женился в День милиции: жена Абдула – милиционер.

В ОВИРе Абдулу сказали, что он должен вернуться в Афганистан и получить справку о том, что он не имеет непогашенных судимостей. Две недели спустя его жена пошла в паспортную службу, где ей сказали, что ее муж снова внесен в списки лиц, которые будут депортированы из России. Абдул не мог понять, в чем дело, потому что ему только что выдали вид на жительство на три месяца. Его внесли в список разыскиваемых лиц, арестовали и доставили в Отделение милиции номер 76. Там у него проверили документы, и все оказалось в порядке.

Абдул вернулся в Миграционную службу и снова прошел собеседование. Он еще раз запросил временное убежище, но сотрудник службы в ответ заявил ему, что он вообще не должен был возвращаться из Афганистана. Ему дали справку о том, что его ходатайство было принято, и сказали, что он получит отказ.

В конце концов суд первой инстанции постановил, что Абдулу следует предоставить временное убежище. На момент данного разговора он ждет еще одного судебного слушания, поскольку Миграционная служба обжаловала решение суда о предоставлении ему убежища.

В настоящее время Абдулу приходится нелегко, потому что у него есть только справка о том, что он ожидает слушания в суде, и местная милиция постоянно требует от него предъявить миграционную карту.

«Милиция меня постоянно трогает, они хотят, чтобы я им платил, предлагал деньги – они не понижают, что пока продолжается рассмотрение дела в суде, я здесь легально. Меня постоянно останавливают, я даже боюсь ездить в метро».

ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР

Абдул считает, что его делу большой вред нанесло отсутствие переводчика. На первом собеседовании в Миграционной службе переводчика не было.

«В этом вся проблема: если бы был переводчик, то я бы подал в суд, пожаловался бы на депортацию, если бы понимал, что это депортация, и что я подписал именно бумагу о депортации. Я не знал, что написано на бумаге, где я ставил свою подпись».

Абдул неграмотен, и очень об этом жалеет: **«Не ходил вообще в школу. У меня есть желание учиться, если есть школы для моего возраста, чтобы учиться, я очень хочу учиться».**

Абдул очень хорошо знает, что такое дискриминация – он говорит, что он все время слышит враждебные комментарии на улице, у врача. Однажды на станции метро «Ломоносовская» три человека без причины избили его; он попытался подать заявление в милицию, но ему сказали, что нападавших искать бесполезно.

Абдул смотрит в будущее с пессимизмом.

«Я сейчас так нервничаю, у меня жизнь была опасной в Афганистане, но я уже 4 года в Миграционной службе...нельзя так обращаться с человеком, как они обращаются. Уехать некуда, здесь моя семья, жена, брат, его жена, дети, куда мне поехать, повеситься легче!»

«Ну вот, все что я рассказываю вам, у меня было в тысячи, тысячи раз хуже того, что я рассказываю. Если бы я мог разговаривать по-русски или вы по-афгански, то вы плакали бы! И сколько времени нужно рассказывать, мне, чтобы все рассказать - несколько дней!»

ИСТОРИЯ АХМЕДА

Темы: Российская Федерация / процедура предоставления статуса беженца / расизм / документы

Ахмед родился в Судане. В 1994 году он приехал в Россию изучать медицину. После того, как в 2000 году в Судане началась война, у его родственников больше не было денег, чтобы платить за его образование, и ему пришлось бросить учебу. Ему сказали выселиться из общежития, и ему стало негде жить. Он сказал, что его пытались депортировать, но безуспешно, потому что он дал взятку.

Ахмед не может вернуться домой, потому что он связан с оппозицией к существующему режиму. Один из его товарищей-студентов вернулся, и его арестовали в аэропорту и на четыре года посадили в тюрьму.

ПРОЦЕДУРА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА

Ахмед обратился в УВКБ ООН с просьбой зарегистрировать его в качестве лица, ищущего убежища. Он говорит, что с тех пор он пытался обращаться в российскую Миграционную службу, но его ходатайство не принимали, потому что у него не было паспорта или документов, удостоверяющих личность. Ахмед обращался в суды, и было принято постановление о том, что его ходатайство должно быть подробно рассмотрено. Поэтому Ахмеду сказали ждать три года, пока будет рассматриваться его дело. **«То же самое они сказали 40000 человек»**, - с горечью говорит Ахмед. Спустя три года Ахмеда пригласили на собеседование, и его ходатайство было отклонено. Он обжаловал решение в суде.

НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ

«Надежды очень туманные. Но верится, что дальше будет хорошо. Но просто сам не знаю – как. Здесь очень тяжело, очень тяжело».

РАСИЗМ

Ахмед говорит, что труднее всего было учиться **«как себя защитить на улице от нападения. Это тоже было. А также от милиции, тоже мы очень страдали, очень много: очистили все деньги».**

Он говорит, что недавно скинхеды и националисты убили в Москве четырех иностранных студентов. Среди них были и те, кто учился вместе с ним, и это произвело на него огромное впечатление. **«Они за хлебом ходили... Вообще это был ужас. Потом, ну, так... Остался жив...»**

«Меня сколько раз избивали, избиения много раз получал, со стороны милиции ни разу. Один раз в Перово тоже очень избивали, так, что я обратился в больницу. отобрали все деньги и телефон, что имел. Пустили на улицу, холодно, в 5 часов утра, из милиции. Взяли отпечатки пальцев, поливали водкой на лицо. ...Очень тяжело».

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Ахмед работает на складах и на рынках. Он и предположить не мог, что будет этим заниматься – разгружать овощи и фрукты зимой, при температуре -20. Зарплаты ему хватает на сосиски, хлеб и молоко.

Ахмеду трудно работать из-за милиции.

«Они приходят на место работы и собирают: есть регистрация, нет регистрации. Всех собирают в кучу, в машину, потом бьют, бьют много. Забирают все, что есть в кармане и отпускают: «Свободны!» Это повторяется каждую неделю. Если получить деньги, и их забрали – пойдешь домой без хлеба, без всякого».

«Ну, приспособиться в другой стране, хотя бы чувствовать себя человеком и работать, и чтобы хотя бы в дальнейшем было светлое будущее. И для себя, и для своих детей будущих, какими бы они ни были. Но здесь я не могу, потому что здесь я работаю как... вообще, ну, считается рабством. Мелкие деньги, работа по 18 часов и за такие маленькие суммы денег. Я не могу деньги заплатить за квартиру, и жить, и кушать, и так».

ЖИЛЬЕ

Когда Ахмеда выселили из общежития, у него не было денег, чтобы арендовать жилье, и он жил **«то тут, то там»**, у друзей и знакомых. **«Самое главное – имею зубную пасту, зубную щетку в кармане моем и сумку».**

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Ахмед провел 18 месяцев в больнице из-за серьезного заболевания, ему потребовалось проведение операций на желудке. Ему пришлось платить за лечение, хотя врач помог ему тем, что сделал операцию несмотря на то, что у него не было медицинской страховки.

БУДУЩЕЕ

Ахмед не испытывает оптимизма по поводу своего будущего в России. Ему сложно представить, что он сможет здесь обосноваться.

«Если правду сказать, то здесь жить очень даже тяжело. Даже мои ребята-земляки, которые имеют гражданство в России, им очень даже тяжело. Избиения, постоянно нервы на пределе, постоянно не чувствуем себя человеком, постоянно угрозу чувствуем вокруг себя».

«Я здесь жить не буду».

Ахмед рекомендует властям помогать беженцам с жильем и давать им документы, чтобы они могли жить и работать, могли обеспечивать себя.

ИСТОРИЯ БОРИСА

Темы: Российская Федерация / жилье / документы

Борис – этнический осетин. В 1991 году он бежал из Грузии в Южную Осетию. Он женат, у него двое детей.

Этнический осетин, Борис родился и вырос в Тбилиси и помнит, как осетины, русские, армяне и грузины мирно жили вместе.

Он вспоминает, что после того, как к власти пришел Гамсахурдиа, **«грузины начали говорить, что они лучше, чем другие. «Вот мы, грузины, это да...»**». Борис вспоминает, как русские, осетины и армяне постепенно выдавливались с лучших рабочих мест, и со временем это оказало психологический эффект: **«начинаешь думать, что мы, осетины, никто»**.

Когда Борис служил в Грузии в армии, он столкнулся с глубоким разделением между осетинами и грузинами. Уже после того, как он отслужил, в 1991 года войска Джабы Иоселиани, «мхедриони», начали набирать к себе тех, кто отслужил в армии. Несмотря на то, что фамилия Бориса не была грузинской, они попытались завербовать его, предлагая юридическую и финансовую помощь. **«Но я знал, что они занимались грабежами, убийствами и мародерством»**.

Борис сказал им, что он подумает над их предложением и обсудит его с родителями. Но он не вступил в их ряды. Спустя некоторое время несколько солдат «мхедриони» поселились в их доме. **«Знаете, как трудно поверить в это? Но вот, когда человек заходит к тебе в дом и садится, заносит выпивку, закуску и говорят: «вот мы здесь будем жить». Вот у них оружие, и ты им ничего не можешь сказать, потому что у тебя родители – мать, отец – немолодые люди, а их толпа»**.

Борис и его родители наняли машину, собрали одежду и документы и уехали в направлении Южной Осетии.

«Это, - говорят, - грузинская земля, грузинский дом, здесь у осетин нет никакой квартиры, никакого дома. Идите, - говорят, - на свою родину, на свою землю, и там найдите себе квартиру».

Борис зарегистрировался в миграционной службе в качестве внутриперемещенного лица. Им выдали документы. Семья жила у родственников. Борис нашел работу и надеялся купить жилье, но здоровье отца ухудшилось, и его заработки уходили на лечение. Некоторое время спустя его отец умер.

Борис женат, у него двое детей. Теперь он живет у родителей жены. Они с 1992 года стоят в очереди на жилье. Борис считает сложными требования бюрократов по регулированию его пребывания в Осетии, а также есть трудности с очередью на жилье.

«Вы знаете, как быть, когда человек говорит тебе одно, и ты ему приносишь вот это вот, а она смотрит на это все, и говорит: «А вот вы знаете, вам нужна такая еще такая справка»? Приносишь ей еще такую справку, она смотрит: «А вы знаете, вам надо еще вот эту справку». И вот ей говоришь: «Вы когда это все смотрите, почему сразу не скажете, что вам надо вот это, вот это и вот это еще донести?». И она говорит: «Вас, беженцев, знаете сколько у меня?». А вот то, что это справка, это все и время, и нервы».

Борис благодарен за то, что в Осетии его приняли. **«Нас здесь, как вам сказать, не попрекают, «зачем ты приехал?», «кто ты там?» или «уходи отсюда». Вот за это вот спасибо. А как таковой помощи больше нет ни от миграционной службы, ни от власти...»**.

В Осетии он чувствует себя дома, со своим народом.

Теперь Борис не может себе представить возвращение в Грузию и с горечью вспоминает прошлое.

«Вот Грузия была когда-то гостеприимная, миролюбивая, дружная нация. А сейчас? Сейчас это, извинаясь за выражение, подлая и такая завистливая нация, которая бьет вот в спину. Эти даже вот события в Южной Осетии... Зная вот где скопление, массовое скопление женщин и детей, и бомбить именно вот эти места, это даже зверь такое не сделает».

ИСТОРИЯ ФАТМЫ

Темы: Российская Федерация / интеграция / образование / документы / трудоустройство

Фатма приехала в Россию из Афганистана со своей семьей в 1989 году, когда ей было только два года. Семья приехала к отцу, который учился в Советском Союзе в военной академии. Вскоре после этого началась война, и они остались в России в качестве беженцев «на месте».

Когда спустя два года у семьи закончились визы, они столкнулись с множеством проблем – без документов было трудно работать, учиться, отправлять детей в садик. Они обратились в УВКБ ООН и получили временные документы. После этого они обратились в миграционные службы и, наконец, получили убежище.

ОБРАЗОВАНИЕ:

Для того, чтобы в начале 90-х годов прошлого века получить место в школе, говорит Фатма, **«нам пришлось не через документы это делать, а через родственников, или платить. Мой отец ходил в школу и как-то решал эти вопросы»**.

ОЩУЩЕНИЕ ОБУСТРОЕННОСТИ:

Фатма училась, а потом пошла в медицинское училище, и теперь она работает медсестрой в УВКБ ООН, а также переводчиком в НПО и в Миграционной службе. Она считает, что смогла устроиться в России: она прожила здесь 19 лет, хорошо знает язык, у нее много друзей.

«Я считаю, что это моя страна, я будто бы не из Афганистана, иногда мне так кажется. Я считаю себя москвичкой, будто бы родилась здесь. Конечно, я горжусь тем, что я афганка, но так как я выросла в Москве, то все это кажется таким далеким... Я не знаю, смогла бы я получить такое образование в другой стране – мне здесь хорошо».

«Москва мне много дала, очень много. Я не знаю, как бы я получила такое образование в Афганистане».

ДОКУМЕНТЫ

Фатму беспокоит только вопрос документов. В настоящее время семья занимается продлением временных документов беженцев, и если их не примут, то она понимает, что без документов она останется без работы.

Фатма хотела бы порекомендовать российским властям разрешить людям работать.

«Все беженцы, которые сюда приезжают, не важно, откуда, они не просто так сюда приехали, они спасались от опасности, от преследований. Им всем нужна помощь. Я хотела бы, чтобы им давали ка-

кую-нибудь работу, какие-то документы, до тех пор, пока в их странах все не успокоится. Чтобы они могли здесь свободно жить, не прячась от полиции. У них тоже есть маленькие дети, которых нужно кормить и одевать. Поэтому у меня только одна рекомендация: дайте нам, беженцам, найти работу».

ИСТОРИЯ ИСМАИЛА

**Темы: Российская Федерация /
трудоустройство / образование / жилье**

Исмаилу 52 года. Он этнический ингуш, родившийся в Казахстане. Живя в Казахстане, его семья мечтала вернуться на родину, в Пригородный район Северной Осетии. Они вернулись, но все произошло не так, как они мечтали. В 1992 году Исмаил стал беженцем. Его жизни и жизни его семьи из-за их происхождения стала угрожать опасность, когда в регионе начался конфликт. Сначала в Северной Осетии стали создавать лагеря для беженцев, но потом они перестали чувствовать себя там в безопасности, им казалось, что от российских войск защиты они не получают. Им пришлось уехать. Исмаил и около 25 членов его рода смогли бежать, заплатив российским солдатам, которые вывезли их на бронетранспортере. Исмаил переехал к родственникам в Ингушетию. Когда он приехал туда, он особо не думал о будущем.

«Если честно, я ни на что не надеялся. После того, что там произошло... Надежд не было. Тебе неудобно, что ты бежишь, спасаешься. Что ты, мужчина, парень, бежишь. Тебе стыдно перед людьми, с которыми ты живешь, и ничего нельзя поделать. У меня не было оружия, никакого. Подсознательно я верил, я думал, что Советский Союз, коммунисты... что... честно, я думал, что такое не может произойти в XX веке, клянусь. Я не думал, что такое может случиться. Я знаю, что было при царе, при коммунистах, при Ельцине – мы всегда были изгоями. И именно так и сейчас получилось. Я не думаю, что есть разница между тем, что было в 1992, 1994 или в 2008 году. Теперь даже хуже».

Исмаил прожил в доме дяди около 2 месяцев. В семи комнатах жило около 27 человек. Сначала все думали, что скоро все закончится и они смогут вернуться домой. Когда прошла зима, они поняли, что в скором времени ничего не изменится. Исмаилу и другим людям, оказавшимся в таком же положении, стало неудобно продолжать жить у родственников. Они начали жить в вагонах, палатках.

«У моего дяди было очень тяжело. Там было много людей. Половина его дома была из железобетона, он только что ее построил. Была только одна плита для приготовления пищи. Снимаешь одну сковороду и сразу ставишь другую. Почти ни у кого не было денег, хлеба не было. В то время надо было в 6 утра становиться в очередь за хлебом в Кантышево, возле магазина стояла толпа, бывали драки. Ты встаешь в 6 утра и получаешь 4-6 буханок белого хлеба. Все что я помню, это тепло в отношениях, несмотря на утраты. Наш дядя был потрясен, сестра тоже. Но из того, что я видел, единственное хорошее, что я запомнил, это отношения. Несмотря на печаль, нас вот так встретили, и так мы и продержались».

Поскольку в Ингушетии в то время работы не было (это было вскоре после распада Советского Союза), Исмаил уехал в Кыргызстан, где работал до 1996 года. Но там тоже была высокая безработица, и все русские специалисты уехали. Его первая семья, в том числе его сын, остались там. Когда он вернулся, Исмаил не просил статуса вынужденного переселенца.

«Я у них не просил, и не буду просить.... Ничего я не хочу просить у этого государства. Не хочу перед ними унижаться. Сколько они меня оскорбляют, унижают, выселяют, выгоняют...»

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Вернувшись в Ингушетию, он не смог найти работу. Исмаил специалист по работе с бетоном, а также профессиональный автомеханик. Однако он был готов на любую работу. Главная проблема в Ингушетии – это то, что для того, чтобы получить работу, нужны друзья, связи или деньги. Главное – это деньги.

«Работать нигде не стыдно. Да на любую работу я бы согласился. И физическую, и насколько мне позволит мое образование. В центр занятости обращался. Они мне сказали, таких, как ты, с дипломом и без диплома много. И как раз в тот момент пришли несколько десятков «маршруток» в автопарк. По телевизору показали. Они мне дали направление в этот автопарк. Я пришел, а меня отдел кадров направил к одному человеку. Он меня видел в первый раз, самое удивительное, может я какой-то там.... Он мне сказал: «Принесешь 35-37 тысяч рублей, устраивайся. С собой есть деньги? Если нет, то завтра принесешь. Машину подготавливай. Выбирай любой маршрут». Машины вот в ряд там стояли штук 7-8, я говорю, ну гниют же они, тогда снег был, вы же по телевизору показывали, я пришел, вот так и так. Я им говорю, можно я буду работать и в процессе рассчитаюсь. Они говорят, нет. В первый раз видят меня и не боятся говорить, что надо заплатить 35-37 тысяч. Работа – 2 дня работаешь, 2 дня отдыхаешь. Хочешь, плати 70 тысяч, и будешь постоянно ездить. Это было 2-3 года назад».

ИНТЕГРАЦИЯ

Теперь у Исмаила в Ингушетии есть семья и четверо детей. Младшему два года. Они живут в вагоне. За него он заплатил 26 или 27 тысяч рублей¹. Вагон стоит на земле, принадлежащей брату его второй жены. Ему по крайней мере 25 лет. Он покрыт жестью, и беженцы в последние годы использовали его во многих целях: столовая, продовольственный склад, кухня. Исмаил живет в нем 6 лет. Пол протекает. Летом там жарко, а зимой холодно. Во дворе он выкопал трехметровый колодец. Воду надо покупать. У Исмаила есть несколько кур, он выращивает их, ремонтирует вагон и ищет работу.

¹ В январе 2009 года – около 625 евро.

У него также возникают проблемы со здравоохранением – нужно платить, даже за те услуги, которые должны быть бесплатными. Дискриминации здесь нет никакой – платят все, но от мигрантов могут требовать платить больше. Он не думает, что получение статуса вынужденного переселенца что-то изменит.

«То есть, если ты мигрант оттуда, то тебе надо будет больше заплатить. Например, чтобы меня хорошо обслужили, по закону нужно дать 100 рублей, а если я с Пригородного района, то мне нужно дать 200 рублей. Потому что могут сказать, что ты с другой республики, начнут тебе говорить про те препятствия, которые у него возникнут, если он обслужит того человека, который не с этой республики. Здесь так заведено».

ОБРАЗОВАНИЕ

Те же самые проблемы у Исмаила возникают и со школой для детей. Так как он из деревни, то он не может отправить детей в школу в Магас, если он не заплатит 100-200 долларов – тогда проблем не будет.

«Вот, например, школа, где дочь учится, работает в 4 смены. Они сидят одетые, в школе холодно, и вот сами представьте, где это видано, каждому ребенку велели принести не меньше 100 рублей для обустройства школы. Вот, например, купят они там краску, известку, чтобы побелить класс, 300 рублей надо отдать. Хотя тут у нас все же бесплатное обучение, образование. Сказали, что кто не может по 100 рублей, можно и по 50. Мать отдала 100 рублей, чтобы детей не попрекали».

БУДУЩЕЕ

Для того, чтобы чувствовать, что он смог интегрироваться, Исмаил должен чувствовать себя в безопасности, а сейчас такого нет. Он постоянно чувствует вокруг себя опасность, постоянно ходят слух о конфликтах в регионе. Ему также надо кормить семью. Сейчас его жена работает, и они получают пособие на детей, но им придется кормить 6 человек на 4 тысяч рублей в месяц.

Исмаил не видит для себя будущего в Республике, и, скорее всего, ему придется переехать, лучше в Кыргызстан, где у него есть знакомые, но если он сможет позволить себе купить билет, то он уедет куда угодно в Россию, лишь бы оказаться подальше от Северного Кавказа. Он считает, что в Ингушетии никого не волнуют его проблемы, потому что он из другой республики (из Северной Осетии), хотя он и этнический ингуш.

«В России, правда, нерусских «звери» называют. Я был в Иркутске, в Москве был в том году, они на нас так и смотрят, «звери» называют. Я обращался в наше правительство, в Ингушетии, там мне говорят, вы не наши люди, у вас там есть свое правительство в Северной Осетии».

Исмаил не думает, что для таких, как он, ситуация вскоре улучшится, из-за политики. Он считает, что правительство хочет, чтобы на Северном Кавказе была стабильность, поэтому никому нельзя говорить о проблемах.

«Да что вы... Какая устроенность? Кто тут это чувствует? Жизнь в этой России, в Ингушетии, как это говорят, «ломаного гроша не стоит». Самое удивительное, я-то взрослый человек, но я не вижу даже будущего для моих детей, я-то ладно. А дети... Я же вижу, как они растут. В вагончике...»

ИСТОРИЯ ЛОЛЫ

Темы: Российская Федерация / жилье / документы / расизм / интеграция

Лола родом из Узбекистана. В 2006 году она бежала от преследований в Россию, после того как в отношении ее зятя, который занимал высокую должность в Министерстве внутренних дел Узбекистана, было возбуждено уголовное дело по обвинению в измене. Семье было запрещено покидать страну, а Лола потеряла работу преподавателя в университете. Ее сыну было отказано в поступлении в военное училище. В результате преследования зашли слишком далеко, и Лола бежала вместе с семьей зятя, матерью и двумя сыновьями. Они бросили все свое имущество и через Казань приехали в Москву, где запросили защиты через УВКБ ООН.

Лола все еще с раздражением вспоминает, как в Узбекистане ее заклеямили предателем.

«В общем, я этого не признаю, но мы числимся предателями своей Родины: не только я, даже мама, автор методических пособий для школ, проработавшая 42 года учителем – ей сейчас 67 лет, она имеет звание Заслуженного учителя Узбекистана, и тоже стала под старость лет врагом народа».

СТРАХ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Прибыв в Москву зимой 2006 года, Лола и ее семья (в том числе ее мать и маленькие племянницы и племянники) нашли временный приют в пустом детском летнем лагере, где они смогли арендовать комнату. В комнате, где жили восемь человек, была холодной и сырой, в окнах не было стекол, не было туалета, воды. По словам Лолы, **«конечно, мы тут же попали из ада в другой ад, но мы радовались хотя бы тому, что не ночуем на вокзале...»**

Центр, где Лола с семьей прожили первую зиму, был закрыт после его посещения представителями ФМС. Лола говорит, что в России часто отказываются сдавать жилье людям, которые выглядят как выходцы из Средней Азии. С мая по октябрь 2007 года семья жила в теплушке на стройке, где работает ее сын, а потом 19 дней они жили на Казанском вокзале, каждый день платя небольшую взятку милиции. С помощью НПО «Гражданское содействие» они наконец смогли арендовать на зиму комнату в общежитии.

«Не скажу, что там была шикарная комната, но окна были, двери закрывались, и вода была холодная. Остальное – всё сами: печку ставили, топили ее... Выжили, до лета дожили».

Сейчас они живут у друзей на окраине Москвы, в качестве оплаты за жилье ухаживая за стариком.

ПРОЦЕДУРА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА

У Лолы и ее семьи были документы, в которых гово-

рилось, что они должны обратиться в ФМС России, но они колебались.

«Известно, что в России для того, чтобы на работу устроиться, нужно специальное разрешение, а мы в то время боялись обращаться в ФМС, мы уже были осведомлены о том, что многих беженцев из Узбекистана, когда они обращаются в ФМС, тут же экстрадируют на родину. Мы были очень напуганы. Никуда не ходили. Мы вообще думали, что здесь умрем, в лесу, одни».

Единственной защитой для них была «голубая книжка» [статус беженца по мандату УВКБ ООН], но в поезде их до сих пор иногда останавливает милиция, их арестовывают, оскорбляют расистскими высказываниями, требуют взятки. Силы и поддержку Лола получает от своего 18-летнего сына.

«Он сказал: «Хотя они и носят форму, это не значит, что они умнее и лучше тебя»».

В конце концов семья обратилась в ФМС.

«Я не знаю, как в ФМС разговаривают с другими беженцами, но с приехавшими из Узбекистана разговаривают очень неуважительно. Первые слова – ни «здравствуйте», ни «до свиданья» – «А чё вы приехали в Москву, что вам здесь нужно, кто вас ждал?». Они говорят: «У вас там нет никакой войны, мы вам статус беженцев не дадим, у нас тут своих проблем хватает». Но, как и положено, официально оформляют документы и говорят: «Ждите». Сами работники ФМС говорят о том, что у них есть некое соглашение с Узбекистаном, согласно которому узбекских беженцев могут экстрадировать на родину, если попросят узбекские власти».

За два года, пока Лола и ее семья находились в России, они, по ее словам, не получили никакой помощи ни от одного государственного органа.

«А так создается впечатление, что в России ты или местный житель, или гастарбайтер, который мешает всем жить, о том, что есть ещё и беженцы, никто не думает. Это люди-призраки, вынужденные приехать сюда и абсолютно никому не нужные».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СТРЕСС

Лола говорит, что страдания других узбекских беженцев в России главным образом связаны с поиском ночлега и еды.

«Приехав сюда, они снова попадают в стрессовую ситуацию, и никто не оказывает им психологической помощи. Эти люди очень часто просто ломаются, всё время слышишь, как кто-нибудь из них говорит «я хочу повеситься», «я хочу умереть». Здесь остаться им не позволяют, вернуться они не

могут, а переселения в третью страну приходится ждать годами. Есть и такие, которые живут здесь по десять, по пятнадцать лет. Мне очень-очень их жаль. Когда я об этом говорю, у меня сердце болит не только за себя».

Лола думает, что если бы люди, зарегистрированные в УВКБ ООН, могли бы работать, они смогли бы лучше обеспечивать себя.

ВРАЖДЕБНОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К БЕЖЕНЦАМ

Хотя Лола сталкивалась и с добротой со стороны местного населения, все же большинство людей к беженцам настроены враждебно.

«Скинхеды бьют, убивают, и у беженцев нет от них защиты».

Сын Лолы в полночь возвращался с работы на поезде и на него напали пять или шесть молодых людей. Они его очень сильно избили, и если бы не вмешательство двух старушек, которые угрожали вызвать милицию, он уверен, что его убили бы.

Лола чувствует свою вину перед детьми.

«Поэтому в том, что я привела своих детей сюда, где у них нет ни школы, ни друзей, где они живут в таких условиях, я обвиняла себя».

АРЕСТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

12 января Лола оставила 12-летнего сына у бабушки и пошла в УВКБ ООН. Была зима, мальчик был простужен. Посреди белого дня он пошел купить газету в киоск в 50 метрах от дома, когда его арестовали и доставили в отделение милиции. Они позвонили Лоле и сказали привезти с собой документы, потому что ее сын был найден на улице, где он бродил без сопровождения взрослых. Когда Лола приехала, ее до 8 часов вечера продержали под стражей, требуя документы о регистрации. В итоге ее освободили после вмешательства НПО «Гражданское содействие». Лола убеждена, что ее сына арестовали из-за темного цвета волос и кожи.

СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ С РОССИЕЙ

Когда Лола и ее семья приехали в Россию, они не планировали подавать заявление о переселении – бабушка Лолы родом из Казани, и они хотели вернуться туда, где она родилась.

«Обращаясь в ФМС России, мы сказали, что у нас семья педагогов, у нас у всех высшее образование, русский язык знаем хорошо, считаем Россию своей исторической родиной, знаем культуру и обычаи. Понятно, что нам на это сказали – мы не считаемся ни узбеками, ни русскими, и свои проблемы должны решать сами»».

ГЛЯДЯ В БУДУЩЕЕ

Летом 2008 года им была предоставлена возможность переселиться в США, но они по-прежнему не могут получить разрешения на выезд. Известная международная организация посоветовала им обратиться в узбекское посольство за подтверждением действительности паспорта перед тем, как им позволят законно выехать из России.

«Это абсурдно, мы не можем отправить документы в посольство или пойти туда – мы ведь бежали из Узбекистана. Мы обращались в ОЭСР, «Мемориал», «Хьюман райтс уотч», «БиБиСи». Так как нас считают изменниками родины, если мы вернемся, нам дадут как минимум 10-15 лет тюрьмы».

Лола говорит, что она лучше останется в России, чем переселится в Америку, потому что жизнь в России им привычнее.

Лолу беспокоит ее положение – они не могут выехать из России, не могут вернуться домой, им отказали в статусе беженцев, у них нет документов, которые позволили бы им остаться в России. Она боится, что ее сыновей или брата могут в любой момент арестовать без документов и экстрадировать в Узбекистан.

ИСТОРИЯ ЛУИЗЫ

**Темы: Российская Федерация /
вынужденное переселение / жилье /
документы / трудоустройство**

Луиза, мать двоих детей, разведена. В 1999 году она бежала из Чечни в Ингушетию, и теперь живет в месте компактного проживания Семеновод.

Луиза говорит, что ее рассказ будет посвящен бегству из Чечни и тому, что происходило с людьми. В первый раз она покинула Чечню во время первого конфликта в 1996 году, когда ее ранило, но когда она вернулась, в 1999 году снова началась война. В то время дороги, ведущие в Чечню, были закрыты, и ей пришлось месяц ждать, пока ей разрешат вернуться домой к детям. 1 ноября пропускной пункт открыли на три дня, и Луиза добралась до Ассиновки, где она провела четыре дня с сыном и дочерью.

ПАНИКА И БЕГСТВО

«Начиная от Ассиновки была колонна машин, выезжающих из Чечни, которые по обе стороны стояли у обочины, а передвигался в основном транспорт военный: танки, БТРы. Люди находились кто где, костры разводили... Я помню 5 ноября, это был первый день, когда из Чечни начали выпускать людей, там говорят, я сама-то не видела, уже где-то до Черноречья стояла колонна машин на выезд, невозможное скопление машин, передвигаться нельзя было, и начали пропускать группами сюда, в Ингушетию, людей. Во-первых, они не навели порядок, было все так спонтанно, по обе стороны, где стоял пост, были вырыты ямы, завалены этими колючими проволоками. У меня у самой все ноги изодранные. Я помню, в первый день там погибли два человека: выносили на носилках тяжелораненого и его задавили, в эту яму упали, вечером скинули туда же бабушку, потому что, как в панике, толпа массой несется, когда начали пропускать».

«Они с десяти часов собирали скопище людей, видно тех, кто платил, остальных раздвигали солдаты, группу пропускают, потом опять закрывают. Люди несколько часов стоят, потом опять открывают, пропускают группу людей, опять закрывают»

«Видно, когда открывались эти ворота...шлагбаум, который они поставили...погибли эти двое людей. Было очень тяжело. 5-го начался выход оттуда, а мы только 8-го числа, попали туда, было уже поздно, часов шесть вечера. Я сама заплатила офицеру 500 долларов... Если вот так словесно рассказывать, то, конечно, было бы интереснее снять, так как словами все не передашь, эту боль, эти крики, плачь детский, эти машины, которые там стояли. И, что интересно, вечером, после 6 часов, трасса,

середина дороги, асфальт, он должен был быть чистым. Российские войска обстреливали эту дорогу, боялись, что кто-то из боевиков туда сунется. Это продолжалось до утра, утром опять затишье. И вот с 1-го числа, мы только 8-го выбрались сюда».

Луиза также вспоминает первую чеченскую войну 1994-1996 годов, в Грозном, столице Чечни. 24 августа 1996 года ее ранило, когда она перебежала через улицу – из консервного завода начали стрелять и ранили ее в грудь. *«Тогда как-то можно еще было прятаться по подвалам. Я оттуда выехала, во-первых, из-за ранения, у меня под сердцем осколок...потому что у меня фактически насильно отобрали квартиру, я просто чудом осталась жива, меня избили, я поэтому не вернулась туда».*

Квартиру Луизы отобрали люди в масках, которых, как она подозревает, она знает.

«Ко мне постучались, семь мужчин в масках, и я была удивлена, что они называли мою фамилию и имя. Обычно редко кто из наших может чисто мое имя и фамилию полностью назвать. И я так поняла, что это кто-то из знакомых. Я сначала действительно думала, что это шутка, а когда меня за волосы с пятого этажа начали пинками тащить и избивать, я уже поняла что это не шутка. Выволокли меня на улицу и избили до полусмерти. Скула перебита, ключица выбита. Просто не стали стрелять из-за того, что у нас на первых этажах люди жили, могли выйти, а потом они просто подумали, что я уже мертвая, мне повезло, я чудом осталась жива. Меня утром нашли наши соседи, русские. У нас в Старой Сунже был госпиталь, отвезли туда. И уже с того дня я начала скрываться, я в квартиру так и не зашла».

Луиза бежала из Чечни в Ингушетию, чтобы выжить, чтобы защитить своих детей. *«Мало того, что артобстрел, с самолетов сыпались бомбы, круглосуточно не прекращалась бойня, поэтому и вышли оттуда в Ингушетию».*

На вопрос о том, на что она надеялась, уезжая из Чечни, Луиза отвечает, что только хотела спокойно жить. *«Фактически надеялись, что не будет того, что творится в Чечне Приехать в чужую республику... как здесь жить, как примут? Страх из-за того, что поймут ли нас, такой страх был».*

НАЧАТЬ ВСЕ СНОВА

Приехав в Ингушетию в 1999 году, Луиза поселилась в железнодорожном вагоне напротив лагеря Бат, и жила там два года. Там были кровати и матрасы, но не было посуды. Луиза *«вообще без вещей, в одном пальто, в сапожках и с сумкой с документами приехала сюда».* Ночью в вагоне было очень холодно, было трудно обогреть столько людей. Местные давали им еду, *«на это мы*

жаловаться не можем, нам привозили и мясо, и картошку и хлеб. Месяц, полтора нас в основном обеспечивало население».

Сначала в вагоны заходили милиционеры, распряжались там, требовали предъявить документы. После того, как они зарегистрировались в Миграционной службе и был установлен пропускной пункт с охраной, это прекратилось.

...И СНОВА

Луиза вспоминает, что потом им сказали уходить, и что для них поставили палаточный лагерь.

«Надо отдать должное... Еще не было поставлено ни одной палатки, а нас решили вывозить. И мы на нескольких автобусах поехали к Руслану Аушеву, бывшему президенту. Мне очень нравился этот президент, он настолько доступен был для людей, и он нас принял. Я, говорит, единственное, что смогу для вас сделать – отправки не будет до тех пор, пока не поставят палаточный городок. Нас оставили до мая месяца. В мае нас перевезли в готовые палатки, установленные, в лагерь «Белла»».

Луиза была рада уехать из вагона, хотя в палатке было холодно. **«Ну, там что, хоть тент, ну казалось, что твое жилье, ты один находился в этой палатке».**

«Пока жили в палатке эти четыре года, около четырех лет, я все мечтала облокотиться о стену, там облокотиться невозможно – на улицу вывалишься. Здесь уже можно было на стенки облокотиться».

...И СНОВА

До мая 2004 года в лагере «Белла» жило около 8000 человек, а потом лагерь закрыли, и люди либо вернулись в Грозный, или был отправлены в места компактного проживания, в отдельные дома. Луиза переехала в Баркни, а через несколько лет – в Слепцовское.

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Хотя теперь люди начали возвращаться в Чеченскую Республику, Луиза остается в Ингушетии. Она говорит, что на тех, кто не возвращается, не обращают внимание, хотя часто среди всех перемещенных лиц они – самые уязвимые. **«Мне некуда идти, зачем мне менять место в центре временного размещения здесь на место в таком центре в Чечне? Нет никакой разницы».** Теперь Луиза работает поваром, получая 170 рублей в месяц (около 5 евро). Также она получает 3000 рублей пособия, которое она пытается экономить для своего сына. Луиза начинает работу в 10 часов утра и приходит домой в 10 часов вечера, но ей это нравится больше, чем весь день сидеть во дворе. У нее один выходной в месяц. На вопрос о том, устраивает ли ее это, она говорит: **«Ну,**

просто, знаете, чтобы дома не сидеть – устраивает. Я четыре года сидела дома вообще без работы, и было очень трудно, а сейчас меня это устраивает».

«Плохо то, что когда приходишь домой... Вот эти переезды частые всегда наталкивают на мысль о том, как хочется вернуться домой, в свой угол, и знать, что уже постоянно ты у себя дома, никуда гнать не будут, просить освободить помещение. ... Тоска, ностальгия по этому только».

СТАТУС И ДОКУМЕНТЫ

«Человек без документа – между небом и землей».

Луиза неоднократно просила предоставить ей статус внутриперемещенного лица. **«Над нами просто поспеялись, сказали «вы вынужденные переселенцы и вам просто не положен статус». Мы обращались в 2001, в 2002, в 2003 году».**

Луиза говорит, что ее первое ходатайство ей швырнули обратно. Шесть месяцев спустя она вернулась с группой **«грамотных людей»**. Глава миграционной службы отказался встретиться с ними, они попробовали еще раз в 2002 году, но не смогли правильно сформулировать свою просьбу. Луиза говорит, что знает людей, которые в 2003-2004 годах покупали статус за 350 долларов у той же самой миграционной службы и уезжали за границу.

На вопрос о том, предоставили ли ей полную информацию о процедуре определения статуса, Луиза смеется: **«Дальше секретаря начальника миграционной службы нас не пускали. Если мы говорили, зачем мы приходили, нас вообще не запускали. Секретарь нам сказала, что беженцам из Чеченской Республики статус беженца не положен. Когда мы спросили почему, она сказала «вы внутри перемещенные лица, вы не беженцы». Вот единственное, что она нам объяснила».**

На вопрос о том, могла ли бы она вернуться в Чечню, Луиза отвечает, что нет – у нее возникли бы проблемы из-за отсутствия документов, которые сгорели в пожаре в палаточном лагере в 2002 году. Ей дали справку о временной регистрации, которая у нее до сих пор имеется, но ее внутренний паспорт был уничтожен в огне, а новый пока не выдали, несмотря на ее частые обращения в паспортную и визовую службу. Для нее уже приготовили паспорт, но потом ее обвинили в том, что она помогает боевикам бежать за границу, и было начало уголовное расследование. Дело было прекращено два месяца спустя после вмешательства Правозащитного центра «Мемориал», но паспорт она все еще не получила. Из-за этого у Луизы нет права на получение медицинской страховки, пособия по безработице и пенсии. Для нее это тяжело морально.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ:

Без медицинской страховки, говорит Луиза, больницы отказываются их лечить, даже при потребности в не-

отложной помощи **«мы должны платить врачам...при родах, и так далее»**. У Луизы нет медицинской страховки, потому что у нее нет нужных документов.

НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ

О своем будущем в Ингушетии Луиза говорит: **«Я действительно хотела бы остаться здесь. Я знаю, есть случаи, я не помню какая организация, тоже иностранцы, строили такие небольшие коттеджи. Там две комнаты, одна кухня, спальня и там кладовка. Хорошие такие, кирпичные. Вот, если бы у меня получилось, я бы с удовольствием осталась бы здесь, все-таки домой ехать я не хочу, не смогу там прожить. Я же молчать не смогу там, где несправедливость»**.

Луиза надеется получить статус внутриперемещенного лица, что облегчит ее жизнь и даст шанс получить коттедж.

РЕКОМЕНДАЦИЯ ВЛАСТЯМ

«У меня сложилось такое мнение, что беженцев они считают второсортными людьми, то ли вообще нелюдями. Просто чтобы было гуманное отношение...»

ИСТОРИЯ ЛУСЫ

Темы: Российская Федерация / безгражданство / документы / жилье / трудоустройство

В Россию Луса приехала из Узбекистана, хотя она не является его гражданкой. Она – лицо без гражданства, и в результате событий, связанных с ее братом, у нее нет никаких документов. Она бежала в Российскую Федерацию, чтобы обеспечить права и безопасность себе и своим детям.

«Я - лицо без гражданства, которое не получило паспорта, документов никаких. ... У нас паспорт получают по линии матери. Если у меня нет прописки и гражданства, значит, соответственно, и мои дети тоже не получают ни прописки, ни паспорта, ничего. Никаких прав. Это значит, ни школы, ни образования, ни работы, вообще ничего. Много причин. Одна из главных, для меня, именно вот эта – дети.»

Луса на такси переехала через узбекскую границу и через Казахстан. Она очень боялась, потому что понимала, что она – лицо без гражданства. Она вспоминает свою поездку:

«Я знала, на что я иду: если меня поймут по дороге, пусть это будет территория Казахстана, России, Узбекистана, я там никто. Меня могут просто посадить, и об этом никто не узнает. Просто исчезнуть. Я буду где-то, но я исчезну. Просто об этом никто не будет знать. Но другого выхода не было. Или пан, или пропал. Вот, я рискнула. Слава Богу, у меня все получилось. Благодаря хорошим людям. Мне в пути встречались только хорошие люди.»

После опасного путешествия на такси и на автобусе Луса прибыла в Россию.

«Ну, я вышла, там потом ходила по этому городу. Думала, что мне, как мне делать? С кем мне познакомиться? Как мне выбраться теперь?»

ЖИЛЬЕ

Наконец Луса оказалась в Москве и встретила с мужем и детьми, которые жили в полуразваленном центре временного размещения под Москвой. Луса вспоминает условия там.

«Ужасно! Это даже и не жилье было – просто крыша. Не было света, воды, электричества. Магазины и все остальное так далеко было. Там было очень трудно жить с детьми, но я говорила «ведь это только временно»».

Луса говорит, что первые три месяца семья не получила никакой помощи. Они пытались уехать из центра и найти квартиру, но это было очень трудно, потому что у них не было вида на жительство, и многие хозяева квартир смотрели на них с подозрением.

«Жилье. Когда жилье есть, хочется и работать, хочется и учиться, хочется все делать. А когда нет

жилья, условий нет, как-то ты зацикливаешься на этом: жилье, жилье, уже на все остальное не обращаешь внимания. Очень сложно с жильем».

ПРОЦЕДУРА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА

Луса обратилась в Миграционную службу Москвы и сначала получила отказ. Потом, благодаря помощи адвокатов из «Гражданской помощи» ей было предоставлено временное убежище. **«Если бы не эти юристы, у нас вообще бы ничего не получилось».** Сейчас они ожидают ответа от миграционной службы на свое ходатайство о предоставлении им статуса беженцев и полагают, что ответ они получат через три месяца.

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Луса имеет специальность учителя начальных классов, но из-за отсутствия документов она не может работать в Москве. Это, говорит она, самое большое препятствие к обустройству и интеграции семьи.

«С моим образованием работу я не могла найти. А потом, когда приехала, я уже вижу: куда бы я хотела, туда меня не берут. Значит, я иду, куда меня берут. А эта работа обычно всегда черная, тяжелая и малооплачиваемая... Я сюда приехала, узнала, что новый закон о миграции, без разрешения на работу здесь никуда нас не берет. Я могу делать многое лучше, чем они могут делать, работать могу лучше, и все равно это на них не влияет. Им важно разрешение на работу. Я считаю, это не правильно.»

На вопрос о том, как она все это выдерживает, Луса отвечает, что дело в том, как она себя настроила. **«Я решила, что не буду думать о плохом, я решила, что все получится».** Луса считает, что смогла частично интегрироваться в российское общество.

«Полностью я не могу сказать, но частично – да, устроились. Все-таки я немножко работаю, у мужа работа есть, дети в школе учатся. В какой-то степени мы устроены, да. Вы знаете, у себя на родине нам тоже надо было выживать, чтобы жить. Так что не сильно это все изменилось».

ДОКУМЕНТЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Луса советует российской Миграционной службе предоставлять лицам, ищущим убежища, документы, которые с самого начала будут способствовать их независимости и интеграции.

«Пусть они решат все документальные вопросы. Если документальные вопросы решат, то человек сам себе будет на хлеб зарабатывать. Разрешение на работу, на жилье. Чтобы дать какую-то гарантию тем, которые жилье сдают. Вопрос милиции. Я считаю, главное – документальные вопросы. Если они не так долго, быстро будут решать, и какую-то действительную бумагу... А так люди сами себе найдут и жилье, и работу, и еду».

РАСКАЗ ОСМАНА

Темы: Российская Федерация /незаконное задержание / выдворение

Осман уехал из Узбекистана в Казахстан на заработки. Когда он позвонил домой, то ему сказали, что в Ташкенте его искала служба безопасности – его дом обыскали и забрали религиозные книги. Осман испугался, хотя и не понимал, чего от него хотят. Он уехал из Астаны (столицы Казахстана) и в 2007 году легально приехал в Москву.

В Москве он жил в подвале с другими узбеками. Осман обратился в фирму, которая, как следовало из рекламы, могла сделать разрешение на работу и регистрацию, и заплатил им 3500 рублей (около 150 долларов) за разрешение на работу и 1000 рублей за регистрацию. Потом в Федеральной миграционной службе ему сказали, что документы поддельные.

«Я хотел не прятаться, а жить здесь легально».

Осман хотел остаться в России навсегда, потому что в Узбекистан, где против него было возбуждено уголовное дело, он вернуться не мог. Он нашел телефон НПО «Гражданское содействие» и встретился с их представителем, который несколько часов слушал его рассказ. Ему посоветовали обратиться за защитой в УВКБ ООН. Но из-за праздников представительство УВКБ ООН три дня было закрыто, и в это время Османа арестовали узбекские спецслужбы. Он больше не мог обратиться в УВКБ ООН. Ему сказали, что он разыскивается, и поместили его в изолятор в Красногорске. Осман не мог позвонить и обратиться за помощью. Он объявил голодовку и голодал 10 дней, пока ему не разрешили позвонить в «Гражданскую помощь» и рассказать, что с ним произошло.

Осман был арестован узбекскими спецслужбами, которым не препятствовала российская милиция. На вопрос российского офицера о том, почему Осман был задержан, узбеки ответили, что он опасный преступник. Осман утверждает, что узбекские спецслужбы объявили, что его разыскивают, уже после ареста, задним числом получив ордер на арест. Он случайно услышал, как российские милиционеры требовали взятку за то, что они проигнорируют подделку. Во время голодовки Осману предложили подписать форму, где говорилось, что он был арестован российской милицией, но он отказался. Они изменили формулировку, и он подписал бумагу.

Потом суд постановил, что Осман был незаконно задержан узбекскими властями на территории Российской Федерации без согласия российских правоохранительных органов.

Осман был переведен в тюрьму в Можайске. Ему сказали, что прокурор пересмотрит решение об экстрадиции в Узбекистан. Один из друзей Османа связался с «Гражданской помощью» и сообщил об его аресте. «Гражданская помощь» связалась с прокурором и нашла адвоката.

Осман провел в тюрьме в Можайске год, пока его дело рассматривалось в суде. Красногорский суд постановил, что он может находиться под стражей в течение двух месяцев, но после этого постановление о содержании под стражей не было продлено, но не был он и освобожден. Он и далее произвольно содержался под стражей. Осман обратился в Миграционную службу с ходатайством о предоставлении статуса беженца. В Можайском суде он подал жалобу на длительность его содержания под стражей. Суд постановил, что согласно российскому законодательству человек не может содержаться под стражей без суда более двух месяцев, и дело было переведено в Тверской областной суд в Москве.

«Потом я туда писал каждый месяц, потом получил оттуда письмо, что они не будут рассматривать это дело, потому что оно – местное, и надо обратиться в Можайский суд».

Миграционная служба шесть месяцев рассматривала ходатайство Османа об убежище, к нему приходили для собеседований представители УВКБ ООН. Его ходатайство о предоставлении статуса беженца было отклонено Миграционной службой, так же как и последующие обжалования.

«Я находился в тюрьме почти год, ни суда, ни следствия, ни продления. Должен же быть какой-то срок определен, или я что, пожизненно буду здесь сидеть?»

В конце концов Можайский суд постановил, что Осман находился под стражей незаконно и должен быть освобожден. Однако он не был освобожден до тех пор, пока прокурор не обжаловал решение суда. Обжалование было отклонено, и после этого прокурор отклонил запрос Узбекистана об экстрадиции Османа и потребовал освободить Османа из-под стражи.

«Все это было устроено, чтобы показать, что меня не судебные инстанции, а сами прокуроры якобы отпустили. Однако не отпустили, вот в чем вопрос-то».

«Сжу в камере. Пришли: «Давай-давай, быстро выходи!» – «Куда? Звоните, - говорю, - моему адвокату, пусть приезжает. Я с ним вместе только выйду, иначе не уйду отсюда». Они «на три-четыре» взяли меня за руки - за ноги, как говорится (усмехается), и так меня из СИЗО выдворили... А там, во дворе, уже стояли пять человек, сотрудники РОВД города Можайска, они и доставили меня в КПЗ».

Османа встретили сотрудники миграционной службы и вручили ему документ, в котором говорилось, что до ареста он находился на территории России нелегально. Потом его доставили в суд, и там он встретился со своим адвокатом, который быстро выяснил, в чем дело. Осману было предъявлено обвинение в совершении административного правонарушения – нелегального пребывания

ния в России. Однако поскольку с момента совершения преступления прошло более года, он не мог быть за это наказан. Судья вынес постановление о штрафе, и Османа освободили.

Он был освобожден летом 2008 года, и сейчас он обжалует в суде отказ в предоставлении ему убежища. Также он подал ходатайство о предоставлении ему временного убежища. Сейчас он планирует перебраться в третью страну, его согласились переселить в Швецию. Ему нужно собрать нужные документы: его паспорт был потерян, пока он находился в заключении, и он не может обратиться в узбекское посольство за новым. В России он больше не чувствует себя в безопасности.

«А сегодня приехали и меня оштрафовали за то, что я не был зарегистрирован там, где я живу. Постоянно существует опасность быть похищенным».

Осман чувствует, что оказался в безвыходной ситуации, и он уязвим потому, что его заставляют платить штрафы за нарушение административных положений о регистрации по месту жительства в России.

«Ну и как я в таком положении могу найти себе место, или там работу? Или зарегистрироваться без паспорта? Паспорт-то я по ихней вине потерял. Я его в руки не брал даже. Теперь они меня ещё и штрафуют за то, что я себя не ставлю на учёт. Как я могу это сделать, если у меня нет паспорта? Вот интересная система, которую они придумали – нельзя, невозможно не нарушать такие законы!»

«Это несправедливо. Сами потеряли мой паспорт и сами требуют, чтобы я выехал из Российской Федерации, не имею права здесь больше года находиться. За этот год я уже и в тюрьме оказался, и после освобождения, чтобы за пределы страны выйти, не имею паспорта. А вот самое главное – двое сотрудников, которые меня сегодня штрафovali, среди них был тот же самый человек, который на меня документ составлял, когда меня из тюрьмы в КПЗ привезли. Тогда суд был, а сегодня он без суда меня оштрафовал».

«Постоянно преследуют меня. Я не знаю, кто это может быть. В основном из Миграционной службы, как будто я им мешаю чем. Они, наверное ... как я думаю, их давит ФСБ, чтобы они меня поймали каким-нибудь путем».

ИСТОРИЯ РОЗЫ

Темы: Российская Федерация / внутреннее переселение / жилье /

Роза – этническая осетинка. Она изучала ветеринарное дело в Назрани, в Ингушетии, а потом работала в столице Чечни Грозном. Она вышла замуж, у нее четверо детей. В 1973 году в Грозном прошли демонстрации с требованием независимости, и Роза вернулась в Осетию. Она жила в Беслане, а потом в Куртате. Они жили вместе с еще одной семьей осетин и работали ветеринарами. В 1985 году муж Розы погиб в автокатастрофе. А в 1992 году снова начался конфликт, и молодые вооруженные ингуши сожгли их дом.

Роза помнит, как 16 или 17 вооруженных людей пытались взять ее сыновей в заложники, и как она умоляла одного из них, чьей матери она помогала при родах.

«Я сказала ему: «Неужели ты заберешь своего брата? Я принимала твоего младшего брата из-под матери, у нее не было молока, и недели две я кормила своей грудью». У меня тоже тогда грудной ребенок был. И тогда один спросил: «Что она говорит, что за брат, как они тебе братья?». Он сказал: «Вот так и так, она спасла мою мать и приняла моего брата, и она кормила его грудью». Так мы остались».

У Розы по-прежнему сохранилась психическая травма, вызванная ощущением уязвимости и того, что она была без одежды (она выбежала из горящего дома, толком не одетая) перед группой солдат. Семья спаслась в доме соседа.

«Дом сгорел, ничего не осталось, дети мои ушли голые, босые. Мы представить не могли, что будет такой позор».

Семья разделилась, и кто-то переехал к родственникам в Осетию, чтобы не обременять остальных. Роза прождала шесть месяцев, а потом обратилась к местным властям, чтобы ее семье помогли найти жилье. Ей выделили пустую квартиру, оставшуюся после ингушей.

КОМПЕНСАЦИЯ ЗА ЖИЛЬЕ

В 1995 году, говорит Роза, она получила в приложение к удостоверению беженки письменное подтверждение того, что она получила 1 417 000 рублей компенсации за уничтоженный дом.

«Мы дураки... вот, не только я... у нас восемь дворов дотла сгорели, и людям эти надписи сделали. А я эти деньги в глаза не видела. Сейчас мы вот обратились в суд, в прокуратуру написали, собрались эти люди и ходили к дому правительства со всем этим».

Обещанных денег Роза так и не получила. Ей предложили дом, построенный из песка и цемента. Сначала она

отказалась, но особого выбора не была, и в итоге она согласилась, начала постепенно перестраивать и ремонтировать комнаты вместе с сыновьями. Роза не довольна работой миграционной службы в этом регионе.

«Они себе карманы набили за счет нас, почему я деньги не получила? Я пенсионерка, я бы сейчас дома сидела, своих внуков нянчила, однако работаю, хочу еще детям помочь, на ноги поставить».

Роза и ее старший сын занимаются восстановлением их старого дома.

Из-за недавнего конфликта в Южной Осетии семья Розы снова вспомнила, что такое спастись бегством. Ее младший сын нанял грузовик и поехал в Южную Осетию помогать беженцам, которые спасались от военных действий.

«Вот один сын другому говорит: «Нам не надо богатство, нам надо дом построить, чтобы мы были похожи на людей». А если бы мои дети пошли бы не по той дороге, я бы уже давно умерла. Мои дети понимают меня и поддерживают».

Некоторые из тех, кто сжег тогда дом Розы, теперь снова вернулись в тот же город.

«Ну подумайте сами, как рядом с ними жить? Ну терпим, ну что сделать...»

ИСТОРИЯ САЛИМА

Темы: Российская Федерация /экстрадиция / незаконное содержание под стражей /

ДОКУМЕНТЫ

Салим по профессии инженер. Он уехал из Узбекистана после того, как его начали преследовать за его вероисповедание (в рамках борьбы с экстремизмом и разжиганием вражды). Узбекские спецслужбы следили за ним, его допрашивали. По его словам, его несправедливо обвинили в террористической деятельности. Он был арестован и оштрафован под предлогом того, что он занимался незаконными обменными операциями с долларами. Опасаясь, что настоящая причина ареста не в этом, Салим уехал в Ташкент, где стал скрываться. В марте 2003 года он переехал в Россию, и через Саранск он попал в Москву. На следующий год Салим был включен в международный список лиц, разыскиваемых в Узбекистане в связи с преступлениями против государства.

Прибыв в Москву, Салим работал на стройке, а потом он вернулся в Саранск и стал работать на рынках. Из Узбекистана приехал его брат и сказал ему, что его фотографию показывали по телевизору в числе разыскиваемых лиц.

В 2005 году Салим женился на русской. В ноябре 2005 года, когда он работал на рынке, милиция окружила находящихся там узбеков, забрала их паспорта и всех допросила. Они искали тех, кто нелегально находится в стране, а также тех, кто имеет какие-либо связи с политической оппозицией в Узбекистане. Салиму повезло, потому что в тот день он работал грузчиком и его не арестовали, но он узнал, что милиция расспрашивала про него. Салим уехал в Москву. Он остановился у друзей, которые всю зиму занимались ремонтом квартиры. Когда приходил хозяин квартиры, Салим прятался. Потом он перебрался в Пензу.

От жены, которая осталась в Саранске, он узнал, что к ней приходили люди из спецслужб и расспрашивали про него. Ей сказали, что его разыскивают. Ее возили в отделение милиции и там ее допрашивали сотрудники Министерства внутренних дел и спецслужб. Их квартиру обыскали и конфисковали Коран и другие религиозные материалы.

Жена Салима переехала к нему в Пензу, где он работал на рынке. Когда был принят закон об ограничении прав иностранцев на торговлю, Салим потерял средство к существованию. Он обратился за помощью в НПО и в УВКБ ООН и записался на собеседование. Однако до того, как оно состоялось, в семь часов вечера, выломав дверь, в квартиру ворвались вооруженные сотрудники милиции в штатском. Они не показали никаких документов – **«мы сначала подумали, что это грабители»** – и приказали лечь на пол. Они обыскали квартиру

и забрали несколько дисков и т.д. **«Я сказал им, что это не запрещенные диски, я купил их на Проспекте Мира в Москве»**. Салима арестовали и привезли в отделение милиции. Его допросили, в особенности насчет поддельного удостоверения о регистрации в Москве (он приобрел его, чтобы посетить НПО и УВКБ ООН и попросить защиты) [в Москве лиц, ищущих убежища, и иностранцев часто задерживают за отсутствие регистрации]. Салим признал, что документы поддельные, и подписал соответствующее заявление. Он пробыл под стражей с июля 2007 года до июля 2008 года – некоторое время с санкции прокурора, некоторое время незаконно. Салиму не были предъявлены обвинения в связи с использованием поддельных документов, но спустя два месяца после ареста его проинформировали о том, что узбекские власти разыскивают его в связи с нелегальной торговлей иностранной валютой, деятельностью, направленной против государственного строя и экстремизмом. 27 декабря Генеральный прокурор России постановил, что Салим может быть экстрадирован в Узбекистан.

Российская НПО «Гражданское содействие» и другие НПО активно лоббировали СМИ и наняли Салиму адвоката. После нескольких безуспешных попыток обжаловать решение об экстрадиции в мае 2008 года Верховный суд постановил освободить его из-под стражи. Салиму было сообщено об этом решении 5 июня, и в тот же день его освободили.

На следующий день после того, как Салим и его жена вернулись в Саранск, они пошли зарегистрироваться в местном паспортном отделе, чтобы избежать дальнейших проблем с милицией. Когда они стояли в очереди, их по плечу похлопали милиционеры. Их доставили в отделение милиции, где их стали допрашивать работники спецслужб. **«Они говорили, что раз узбеки меня обвиняют в чем-то, то что-то, наверное, все же было. Я сказал им, что я законопослушный мусульманин, верующий человек, и никогда не выступал против своей веры»**.

Салима продержали в отделении три дня, несмотря на то, что за него заступилась «Гражданская помощь». **«Я очень испугался, они могли мне создать проблемы, депортировать меня в любое время (на административных основаниях)»**. В конце концов спецслужбы согласились его отпустить, но когда Салим выходил из отделения внутренних дел и спросил имена людей, которые его допрашивали, **«они ответили: «Зачем тебе наши имена? Мы еще встретимся, вот увидишь»**. Они мне угрожали».

Салиму сказали, что он должен обратиться в отделение ФМС и закончить регистрацию документов. Когда он туда приехал, ему сказали, что документы будут готовы только в понедельник. Поскольку дело было в пятницу вечером, он и его жена побоялись идти домой, и он все выходные прятался у друзей в Саранске. В понедельник утром «Гражданская помощь» отправи-

ла официальное письмо и убедила миграционные органы выдать ему удостоверение о временной регистрации сроком на три месяца.

«Я подал ходатайство о предоставлении мне статуса беженца. Один раз я получил отказ. Обжаловал его. А сегодня мы опять ходили в ФМС, чтобы попытаться продлить мои документы и регистрацию...остается только догадываться, какие еще приключения меня ожидают».

В настоящее время Салим живет у родителей жены. Он и его жена не могут работать.

«Сейчас мы сидим у них на шее, но если я начну сейчас работать без разрешения, то это будет самоубийством. Не говоря уже о том, что спецслужбы просто могут меня похитить».

ИСТОРИЯ САРЫ

Темы: Российская Федерация / документы / трудоустройство / образование / интеграция

Сара 28 лет, она замужем, имеет двух детей. Она этническая таджичка, мусульманка, родом из Афганистана. Будучи признанной беженкой, она уже 14 лет живет вместе с семьей в Москве.

Рассказ Сары-беженки – **«о печали и горе»**.

«Как мы жили, я не скажу, что очень хорошо, нормальной жизнью мы жили, папа был военным, мама – домохозяйка, я училась в школе, братья и сестры – все учились. В стране началась война, когда началась война и переворот, то задержали отца, так как он был военным, его задержали, его задержали на 3 дня, там у него был друг, с помощью друга он смог оттуда убежать. В тот день, когда он убежал, нам всем пришлось покинуть город Кабул и поехать на север».

Семья переезжала с место на место в Афганистане до тех пор, пока они не поняли, что **«так же тоже нельзя, бежать из одного города в другой город, и все время страх»**.

Семья получила российские визы и уехала в Россию на поезде.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА

Спустя 6 или 7 месяцев они обратились в Миграционную службу и были признаны беженцами. В 2001 году семья по указу президента получила российские паспорта. Сара тогда была еще маленькой и не помнит собеседования в миграционной службе, но она помнит, как УВКБ ООН выдала им, как беженцам по мандату, синие книжечки.

«Там была книжка синяя такая, синяя книжка, ни когда ее не забуду, потому что милиция нас, когда останавливали, смотрели, «извините» даже сказали, вот это очень приятно было!»

ДОКУМЕНТЫ

Сара помнит, что их часто останавливала милиция и требовала документы.

«Только был случай один, как раз надо было все эти документы, книжечки, снова продлить, вот тогда остановила нас милиция, я была с сестрой и братом, и у нас у всех были одинаковые книжки, просто ксерокопии были. Очень плохие слова сказал, я не буду уже их говорить, сказал: «Давайте в отделение!». –»Нет, мы не будем, давайте тогда мы лучше на такси за вами тогда!». Мы настаивали на своем, он на своем, потом они сказали: «С вами не будем спорить, наверное, у вас есть какой-то документ, так как вы так уверенно говорите!». И он отпустил нас. Слава Богу! Сколько лет мы жили здесь, уже 14 лет,

ни разу не были в отделении милиции! Ни разу!»

ОБРАЗОВАНИЕ

Она вспоминает, что они не ходили в школу, потому что их мама болела. **«Не было документов, чтобы учиться и, наверное, для нас было очень трудно».**

Потом, когда она выросла, Сара пошла учиться, когда ее дети уже пошли в детский сад. **«Тогда самой захотелось тоже учиться, когда я уже смотрела, что везде проблема с языком, надо самой как-то решить все».**

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Сара вспоминает, что когда они прибыли в Россию, ее братья работали на рынках – продавали что-то, а потом каждый вечер тащили остатки обратно на 13-й этаж. Они до сих пор работают на рынке.

Сейчас Сара работает в НПО, которая занимается помощью беженцам. Работа ей нравится, она работает с приятными людьми. **«Мне нравится наша команда, я впервые работаю вместе с русскими».**

Сара вспоминает, как однажды она пыталась найти работу, и считает, что стала жертвой дискриминации.

«Я один раз пыталась найти работу. Даже отец не знает, муж не знает, но я пыталась! Так как очень трудно было мужу, он раньше нормально работал, у нас все было хорошо. Когда его оперировали, тогда он не мог работать, ему очень тяжело было, и мне пришлось найти себе работу, я обращалась в «Детский мир» рядом с домом, у меня не было трудовой книжки, я же не знала про трудовую книжку, я думала: «Раз уж есть паспорт, то я могу работать!». Я обращалась, они где-то 4 часа ходили смотреть, как я работаю, там я просто вешала детскую одежду на вешалку и все, через 4 часа закончили, в 5 часов, по моему, и мне сказали: «Сара, ты свободна». Я спросила: «Я могу звонить? Или что?». Я сама не знаю, почему и как. Там была не трудная работа, простая работа. Там язык не играет роль. Я сама, сама думаю, что просто, может быть, это то, что я... раз уж есть паспорт, поэтому это на лице не написано, я... черные глаза, черные волосы... ну я так думаю! Может быть не все так, но я тогда так думала!»

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Так как Сара и ее семья имеют российское гражданство, то у них есть медицинская страховка. Однако ее муж не является гражданином России, и ему приходится платить за лечение.

ИНТЕГРАЦИЯ

После получения гражданства, говорит Сара, жизнь для нее и ее детей стала легче. Они получают пособие от государства.

«Раньше 900 рублей, в июне месяце приняли новый закон, чтобы дети могли получать две тысячи старшему и одну тысячу младшему. А разница, разница в том, что сейчас есть медицинская помощь для беженцев, и у нас есть помощь. У нас нет проблем с милицией. Вот это самое главное. И еще где мы хотим, можно попытаться работать. И доступ к государственной медицине. Спокойно учатся, проблем у нас нет, как у других».

Сара с семьей смогли купить квартиру в Москве. Она знает, что им очень повезло, что многие другие беженцы никогда не смогут этого достигнуть.

Сара считает, что будущее ее детей в России зависит от них, от их действий.

Властям она рекомендует следующее: *«самое главное для беженца, как я помню себя и братьев, самое главное – это документы здесь. Это самое главное».*

ИСТОРИЯ ТАНИЭЛЯ

Темы: Российская Федерация /жилье / документы

Таниэль – этнический армянин. Он родился в Баку в 1954 году, отслужил в Советской Армии и начал там работать. В 1986 году, когда начался конфликт между азербайджанцами и армянами, Таниэля отправили на ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской атомной станции. Вернувшись семь месяцев спустя, он узнал об армянских погромах и был вынужден покинуть дом. Он убежал с пустыми руками, не успев продать квартиру.

БЕГСТВО

Таниэль приехал в Москву на поезде, в военной форме. Соседи помогли ему бежать, дав взятку проводнику, который прятал его, пока поезд не пересек границу. Он уже видел, как хватают, избивают и убивают армян, и был очень напуган. Остальные члены его семьи на время остались в Баку у друзей, а после этого их перевезли в Армению.

Прибыв в Москву, Таниэль обратился в комендатуру и зарегистрировался. Он некоторое время жил у товарища-армянина, и нашел работу в советской строительной фирме. Потом эту работу он потерял, потому что у него не было прописки. Потом Советский Союз распался. **«Страна раскололась».**

ЖИЛЬЕ

В мае 1990 года Таниэль вместе с 200 другими бакинскими армянами по распоряжению правительства Москвы получил комнату в государственном общежитии.

«Сейчас уже многие уехали в США, многие умерли – от безысходности, от одиночества, от переживания и нервозности».

Таниэль вспоминает, что персонал общежития не любил новых гостей, к ним относились враждебно, называли дармоедами. Постоянно возникали споры.

Сейчас в общежитии осталось 32 человека, 12 семей. Таниэль говорит, что владельцы общежития по-прежнему хотят выселить их, угрожая, что подкупят всех чиновников, которых только нужно, чтобы были подписаны постановления о выселении.

Как бывший военный, награжденный медалью за отвагу за службу в зоне чернобыльской катастрофы, по российскому законодательству Таниэль имел право на государственное жилье независимо от места прописки. Однако московские власти не желают разрешить ему остаться в городе, потому что, как они утверждают, он прожил в Москве меньше 10 лет. На самом деле Таниэль прожил в Москве 18 лет, но к тому времени, как он смог доказать это в суде, было введено новое жилищное законодательство, по которому права и льготы для ликвидаторов чернобыльской аварии были отменены. **«18 лет бился головой о бетонную стену...»**, с горечью

говорит он. Теперь он стоит в общей очереди на жилье. Ожидается, что жилье он получит через 20 лет. **«А мне, знаете, золотой памятник после смерти не нужен – я сейчас жить хочу».**

Таниэль чувствует себя обманутым. **«Я выполнил перед государством свой долг, а чиновники пинают меня, как футбольный мяч».** Таниэль просит, чтобы его прописали по месту действительного проживания, но ему говорят, что без согласия владельца это невозможно. За те 18 лет, когда Таниэль жил в общежитии, оно продавалось три раза.¹ Новые владельцы общежития – банкиры, они ввели очень строгий порядок. Чтобы пригласить друга, Таниэль должен подать письменный запрос директору общежития.

Периодически власти пытаются выселить остающихся жильцов. Им предложили жилье в центре для бездомных, но они отказались. Таниэль рассказывает, как в 2005 году под Новый год владельцы закрыли двери общежития и отключили газ и воду. На улице стоял тридцатиградусный мороз, а они жили так до 18 января, не могли выйти из дому. Когда жильцы позвонили в милицию, им сказали, что милиция ничего не может поделать, и что владельцы действуют в рамках закона.

«Я показываю решение суда, а сотрудник милиции мне говорит, что оно старое. Я что, каждый год должен судебную процедуру проходить, чтобы оно было свежее для вас? Суд решает раз и навсегда».

Таниэль знает, что другие бакинские армяне смогли отстаивать свои права в московских общежитиях и прописались в Москве, пройдя через длинную череду жалований в судах. Он считает, что это его единственный шанс, но его пугает неуступчивость местных властей района, где он живет. После того, как дело о регистрации выигрывалось в районных судах, их решения отменялись Московским городским судом. Теперь Таниэль обратился в Европейский суд по правам человека.

Таниэль чувствует себя в подвешенном состоянии: **«Я сейчас в воздухе: где я живу, к кому мне обращаться – ничего не знаю».**

Ему кажется, что он дошел до предела, и уже пытался совершить самоубийство в знак протеста против нарушения своих прав. Он собирается оставаться в общежитии до тех пор, пока ему не будет предоставлено равноценная альтернатива.

Таниэль не может работать, потому что у него нет вида на жительство. **«Я говорю, что я – гражданин России, ссылаюсь на законодательство. – «А-а, отвечают, ты ещё и законник? Не надо нам таких»».**

«Гражданам России в паспорте только отметку поставят, мол, зарегистрирован там-то, и всё. Это по закону. А реально семейный архив трех-четырех поколений надо с собой таскать, чтобы доказать, что ты не верблюд».

¹ Статья 14.3 "Обеспечить жилой площадью независимо от места постоянной регистрации".

РАСКАЗ ЮРИЯ

Темы: Российская Федерация / незаконное задержание / экстрадиция

Юрий – этнический русский. Он приехал в Россию в качестве вынужденного переселенца из Туркменистана, где он был руководителем в спортивной сфере. Он считает, что стал жертвой преследований на этнической почве, потому что после развала Советского Союза русские больше не могли занимать в Туркменистане высокие посты. Перед отъездом из страны он обратился в российское посольство с просьбой предоставить ему гражданство, но на момент его прибытия в Россию решение еще не было принято.

Юрий покинул Туркменистан потому, что там стало слишком опасно для него: он оказался замешан в скандал с обвинением высокопоставленных чиновников Министерства финансов Туркменистана во взяточничестве. После первого слушания, которое шло на туркменском языке, непонятном для Юрия, дело было возвращено для дополнительного расследования. Юрий стал получать угрозы убийства от семьи одного из обвиняемых, а также от другого человека, которому тоже были предъявлены обвинения, но который был выпущен под залог. Ему говорили забрать из суда свое заявление, иначе с ним случится автокатастрофа или что-то еще похуже. Юрий решил уехать из страны. Потом его жена рассказала ему, что ей и ее детям тоже угрожали убийством, и сказала ему, что возвращаться не стоит.

В Россию Юрий прибыл по визе. Когда он обратился в Миграционную службу, ему сказали, что они не могут понять, является он вынужденным или же добровольным переселенцем, и поэтому его документы не приняли. Он подал ходатайство в письменном виде, на что ему ответили, что его разыскивают в Туркменистане и, следовательно, в и России. На этих основаниях ему было отказано в убежище, и он обжаловал это решение в суде.

После этого Юрий получил письмо, где говорилось, что его ходатайство о предоставлении гражданства было рассмотрено, и ему предлагалось прийти по адресу улица Захарьевская, 10. Он пришел туда вместе с братом, и его арестовали и поместили под стражу на основании того, что его имя находится в международном списке разыскиваемых лиц. По вопросу его содержания под стражей состоялось слушание в суде, где он четко объяснил, что подал ходатайство о предоставлении ему статуса беженца и российского гражданства, и что решения по этим ходатайствам пока не вынесены. Его оставили под стражей, он содержался в камере, предназначенной для 10 человек, но в которой находилось 17-20 человек. В камере же был туалет, прикрытый куском ткани. Ели заключенные опять же в камере.

«Благодаря тому, что у меня был адвокат...мой адвокат обратился в Европейский Суд, и здесь начались интересные истории, уже в следственном изо-

ляторе. Где-то через дня три после обращения в Европейский Суд приехала комиссия, в том числе врач. Меня стали расспрашивать, как мое состояние здоровья, рассматривать, и на следующий день перевели меня в другую камеру специально, шестиместную, меня там сняли на камеру, что якобы я там живу. Все засняли на камеру, но в этот же день отправили меня в старую камеру».

Юрий пробыл в камере 20 дней, после чего его окончательно перевели в «новую» камеру. Она была рассчитана на шесть мест, и там находилось пять человек. В целом Юрий провел под стражей 1 год и 18 дней. В это время его адвокат обжаловал его содержание под стражей, но несмотря на указание Европейского суда о том, что продолжительность содержания под стражей не должна превышать сроки, определенные российским законодательством, прокурор постановил, что на данное дело российское законодательство не распространяется.

«Конечно, все это и убивало меня, потому что я не знал, сколько мне сидеть, с ума можно сойти, бес-срочно, как граф Монте-Кристо я сидел и ничего не знал».

Во время пребывания под стражей в ранку на его пальце попала инфекция, и ему была проведена операция без анестезии – ее просто не было в тюремной больнице.

Наконец, благодаря обращениям адвоката в российские и международные организации, Юрий был освобожден, когда истек срок допустимого содержания под стражей по российскому законодательству. В целом он провел под стражей год без санкции суда на продление срока, что является нарушением Европейской конвенции о правах человека и основных свободах.

На судебном слушании, которое прошло перед его освобождением, судья сказала ему: **«Вы понимаете, что так случилось, если бы Европейский суд не вмешался, то вы бы давно уже были бы экстрадированы в Туркменистан, вы из-за этого провели под стражей такое длительное время».**

Несмотря на просьбу прокурора продлить срок содержания под стражей, суд постановил, что в соответствии с Европейской конвенцией о правах человека и основных свободах Юрий больше не мог содержаться под стражей, и дело было закрыто.

«Во время заседания, когда выступил мой адвокат, прокурор взял слово и сказал, что надо отменить решение об освобождении и сказал, нужно опять взять его под стражу без срока. Судья задала вопрос: «Что, вообще без срока?» Прокурор сказал: «Да, пусть сидит без срока!»

После освобождения Юрия снова вызвали в Министерство внутренних дел. Вместо себя он отправил сво-

его брата и адвоката, которые сказали ему, что его снова арестуют, если они появятся там сам.

Юрию было предоставлено временное убежище, поскольку в предоставлении статуса беженца ему было отказано. Европейский суд по правам человека принял решение в его пользу, постановив, что в случае экстрадиции в Туркменистан существует риск того, что он подвергнется пыткам, что его содержание под стражей в течение года было незаконным, и что процесс экстрадиции был проведен с нарушением статьи 5 Европейской конвенции о правах человека и основных свободах.

Юрий не испытывает особого оптимизма в отношении будущего.

«Вся семья моя находится там, никакой помощи я здесь не получаю. Европейский суд решил, что вернуться я не могу, но и здесь устроиться я не могу, не могу добиться гражданства. Я обратился в Москву по гражданству, но сказали, что мои документы неизвестно где. Говорят, снова собирайте документы, но я не могу, так как надо обращаться в Туркменистан, но я не могу, так как там для меня опасно. Я не могу получить ни пособия, ни помощь, у меня нет документов, нет жилья. Я сейчас просто живу в монастыре, так как никакого жилья у меня нет, я живу в монастыре».

«Ничего нет, вернуться в Туркменистан не могу, там будут пытки, и тут я никто!»

УКРАИНА

**СИТУАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ И ИСКАТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА
В УКРАИНЕ — ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К ИНТЕГРАЦИИ**

СИТУАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ И ИСКАТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА В УКРАИНЕ — ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К ИНТЕГРАЦИИ

В данный сборник вошли 14 историй беженцев и лиц, ищущих убежища, которые приехали в Украину в поисках безопасности и лучшей жизни для себя и своих близких. НПО – партнеры ECRE проводили с ними собеседования в различных регионах страны: Восток (Донецк, Харьков), Центральная часть (Киев), Юг (Одесса) и Запад (Мукачево).

Несмотря на печальную тенденцию роста расизма и ксенофобии за последние несколько лет, что повлияло на некоторых из опрошенных и обеспокоило их, большинство отмечало, что главная проблема – это отсутствие перспективы интеграции в украинское общество.

Уровень признания статуса беженца в Украине остается весьма низким – 3% за последние 5 лет, в результате чего многие лица, ищущие убежища, проводят целые годы в шатком с точки зрения закона положении, что, естественно, не способствует их интеграции.

Показатели предоставления статуса беженца¹

Число полученных ходатайств					
2003	2004	2005	2006	2007	2003-2007
1367	1364	1765	2101	2272	8869
Предоставлен статус беженца					
2003	2004	2005	2006	2007	2003-2007
56	80	49	76	33	294
Уровень предоставления					
2003-2007			3%		

Попытки интеграции беженцев в украинское общество в целом не координируются и не имеют эффекта на уровне всей страны. Часто они также сталкиваются с отсутствием подзаконных актов по их реализации, что затрудняет процесс. Беженцы не всегда имеют доступ к документам или даже к элементарной информации об их правах. Украина не планирует принятие всеобъемлющего «Закона об интеграции» или аналогичной программы в целях эффективного управления процессом интеграции.²

Даже те беженцы, которые уже многие годы живут в Украине и свободно говорят по-русски или по-украински, не пользуются равным отношением к ним со стороны работодателей, государственных чиновников и, иногда, местных жителей. Без курсов изучения государственного языка или государственной программы по интеграции беженцам сложно получить украинское гражданство, поскольку одним из требований для этого (рав-

но как и три года постоянного проживания на территории страны) является знание украинского языка на разговорном уровне.³ Большинство опрошенных говорили, что им приходится полагаться только на себя, поскольку государство не оказывает им существенной помощи.

Финансируемое государством жилье или доступ к субсидируемому жилью для беженцев отсутствуют, за исключением центров временного размещения лиц, ищущих убежища, в Одессе и Закарпатье, где наиболее уязвимые беженцы могут получить временное пристанище. Уже несколько лет строится центр для размещения лиц, ищущих убежища в Киеве, но он еще не готов. Ресурсов не хватает даже для помощи в самых тяжелых случаях проблем с жильем. Собственные квартиры есть лишь у немногих беженцев, и многие пытаются найти официальное жилье – хозяева квартир не хотят, чтобы власти знали, что они сдают в аренду жилье, чтобы не платить налоги, а многие вообще отказываются сдавать жилье иностранцам.

Большая часть беженцев живет в бедности и лишении и не может позволить себе улучшить жилищные условия. Беженцы также часто вынуждены платить за жилье больше, чем местное население. Однако у большинства нет выбора, и они платят столько, сколько им скажут. Особенно тяжело найти удовлетворительное жилье для больших семей. Некоторые беженцы проживают вместе с другими отдельными людьми или целыми семьями, и есть случаи, когда в однокомнатной квартире вынуждены жить более 10 человек.⁴

Еще одной проблемой, с которой очень часто сталкиваются беженцы и лица, ищущие убежища, является отсутствие необходимых документов. Необходимость каждый год продлевать удостоверения беженцев, а также наличие разных видов документов, которые выдаются в ходе процедуры определения статуса беженца, делают фактически невозможным получение кредита в банке и устройство на работу. Более того, беженцам сложно найти работу как таковую, потому что государство не стремится к предоставлению им права на работу.

Высшее образование, которое часто бывает у беженцев, обычно не имеет значение, поскольку они не получают содействия в подтверждении дипломов и в восстановлении утраченных дипломов, а какие-либо усовершенствованные курсы для беженцев отсутствуют. Закон «О бе-

¹ <http://soderkoping.org.ua/page12484.html>

² The Local Integration of Refugees in the Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine – “A Strategy for Action», Cross-Border Cooperation/Söderköping Process in cooperation with UNCHR, the International Organization for Migration and the Swedish Migration Board, funded by the European Commission, 2008.

³ Country reports 2007: Belarus, Moldova, Russian Federation and Ukraine - Situation for refugees, asylum seekers and internally displaced persons (IDPs), European Council on Refugees and Exiles (ECRE), funded by the European Commission.

⁴ The Local Integration of Refugees in the Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine – “A Strategy for Action», Cross-Border Cooperation/Söderköping Process in cooperation with UNCHR, the International Organization for Migration and the Swedish Migration Board, funded by the European Commission, 2008.

женцах» обязывает миграционные власти содействовать беженцам в поиске работы, но учитывая их большую загруженность и отсутствие экспертов в этой области, это обязательство не выполняется.¹

Высокая стоимость аренды жилья и жизни в целом не позволяет большинству семей беженцев откладывать сбережения. Те малые суммы, которые можно сэкономить на жилье и еде, экономятся за счет риска для здоровья. Переполненное жилье, в котором часто живет по нескольку семей, плохая изоляция и канализация – все это, вместе с другими факторами, часто ведет к критическим ситуациям и конфликтам. Даже те беженцы, которые зарабатывают относительно достаточно, едва сводят концы с концами, а серьезные проблемы со здоровьем или несчастный случай может привести к потере дохода и, в результате, к серьезным финансовым проблемам.

Украинское законодательство гарантирует беженцам такое же право на социальное обеспечение, как и гражданам страны, при условии того, что они предоставят в местные отделения службы социального обеспечения все необходимые документы.² Из этого следует, что теоретически беженцы имеют право на такие социальные пособия, как пособие по беременности, пособие по уходу за ребенком, пособие для матерей-одиночек и дополнительная поддержка для семей с тремя или более детьми, а также на минимальную пенсию и пособие по инвалидности. На практике, однако, получить эти пособия очень сложно, практически невозможно. Лишь немногие беженцы смогли получить их при помощи адвоката.³

Многие беженцы стремятся получить украинское гражданство, тем самым получив все гражданские права. На данный момент Украина предоставила гражданство около 1000 беженцев. Однако беженцы, которые подают ходатайство о предоставлении гражданства, часто сталкиваются с непредсказуемостью, дискриминационным характером и недостаточной прозрачностью процесса натурализации. Некоторым советовали обращаться не за гражданством, а за постоянным видом на жительство. Другие были вынуждены продолжать свои попытки получить гражданство в течение нескольких лет, хотя по закону эта процедура должна занимать не более 6-12 месяцев. Иногда, однако, проблемы с этими процедурами имеют локальный характер, потому что некоторые беженцы получали гражданство без труда.⁴

За последние годы в Украине до тревожного уровня возросло число нападений на почве расизма и ксенофобии. Иностранцы, беженцы и лица, ищущие убежища, живущие в Украине, часто становятся жертвами насилия, а иногда даже и убийств на почве расизма, совершенных местными неонацистами, а также расистских оскорблений со стороны сотрудников органов правопорядка при частых проверках документов. Несмотря на это, государственная статистика по преступлениям на почве расизма не ведется, и большая часть таких нападений классифицируется как простое хулиганство.

Истории беженцев, приведенные в этом сборнике, демонстрируют надежды, устремления и трудности, с которыми сталкиваются в Украине лица, ищущие убежища и беженцы, а также в сборнике приведены их рекомендации украинским властям о том, как можно облегчить их сложное положение в стране. В целях конфиденциальности настоящие имена были заменены псевдонимами.

ECRE выражает благодарность всем тем, кто поделился своими историями, а также следующим организациям, которые проводили интервью:

Донецкий фонд социального обеспечения и благотворительности

Общественная организация беженцев и иммигрантов из Афганистана в городе Харькове "Хурассан"

НИКА

РОКАДА

Южноукраинский центр молодых юристов

1 The Local Integration of Refugees in the Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine – "A Strategy for Action», Cross-Border Cooperation/Söderköping Process in cooperation with UNCHR, the International Organization for Migration and the Swedish Migration Board, funded by the European Commission, 2008.

2 Country reports 2007: Belarus, Moldova, Russian Federation and Ukraine - Situation for refugees, asylum seekers and internally displaced persons (IDPs), European Council on Refugees and Exiles (ECRE), funded by the European Commission.

3 Human Rights Watch report 2005: Ukraine: On the Margins, <http://www.hrw.org/en/node/11521/section/7>

4 The Local Integration of Refugees in the Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine – "A Strategy for Action», Cross-Border Cooperation/Söderköping Process in cooperation with UNCHR, the International Organization for Migration and the Swedish Migration Board, funded by the European Commission, 2008

ИСТОРИИ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ УКРАИНЫ

ИСТОРИЯ АДЫ

Темы: Украина / документы / язык / беженцы войны из Абхазии

Примечание: Это собеседование демонстрирует пример успешной интеграции. Ада отмечает отсутствие проблем с властями, наличие работы и жилья и те же проблемы, с которыми сталкиваются и граждане Украины.

Ада покинула Абхазию вместе с семьей и мужем в 1992 году из-за военных действий. Ее воспоминания об этих трагических событиях теперь кажутся ей нереальными. Проблемы обустройства в Украине почти забыты. В Украине они получали ощутимую помощь от родственников, которые очень много помогали им материально, а также нашли им жилье.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Как отмечает Ада, помимо помощи в решении проблем с жильем со стороны родственников, еще одной важной причиной успешной интеграции стало знание языка.

«Как ни странно, ключевым фактором стало, наверное, знание русского языка, потому что я хорошо говорила по-русски. Так что когда я сюда приехала, у меня не было проблем с языком, которые возникают, когда два человека не понимают друг друга. Я могла сказать почти все, что хотела, и меня все понимали. Я считаю, что обычно самая большая трудность – это языковой барьер».

Важную роль в успешной интеграции также сыграла активная позиция самой Ады.

«Я думаю, что мы делали все так, как считали нужным. Нам только нужно было узнать, что то, что нам нужно, мы могли получить там-то и там-то, и мы шли туда, говорили с людьми, которые могли нам все объяснить, помочь нам, рассказать нам, что делать – например, какие новые законы вышли. Фактически, мы все делали сами».

После приезда в Украину у Ады были те же проблемы, что и у всех беженцев из Абхазии.

«Конечно, законы не учитывали нашего положения, и мы жили здесь как бы нелегально, и официально работу невозможно было получить, и постоянного статуса у нас не было. Но теперь, тьфу-тьфу-тьфу...»

ДОКУМЕНТЫ

Ада рассказывает о проблемах, связанных с тем, что им нужно было находить деньги на то, чтобы постоянно продлевать грузинские паспорта.

«Это позор для нашего государства, что они ничего не делали для беженцев, а паспорта стоят дорого. Надо было долго копить деньги, чтобы за грузинские паспорта заплатить. Они выдавали их и не думали о том, что мы живем за границей, и что мы получали грузинские паспорта для людей, живущих за границей [в отличие от внутренних документов, которые тоже называются паспортами]. И они выдавали их на год, на два года, максимум – на пять лет. А когда они заканчивались, нужно было много денег на то, чтобы их продлить, или получить документы нового образца [постсоветские]. Сейчас у власти новые люди, и тип паспорта, который нужен, постоянно меняется, и каждый раз за новый паспорт надо много платить».

Семья Ады без проблем получила временный вид на жительство, потому что, думает она, они привезли с собой из Грузии все документы.

«Понимаете, когда я уезжала из Сухуми, я знала, что без документов будет очень трудно, и в первую очередь я нашла документы. Поэтому как таковых проблем у меня и не было. Но если бы у нас не было документов...я понимаю, почему некоторые даже зарегистрироваться не могут, потому что они никаких документов не могут предъявить».

В конце разговора Ада дает советы, опираясь на собственный опыт, о том, как следует решать проблему интеграции «беженцев от войны в Абхазии».

«Я сказала бы, что вам нужно намного больше сочувствовать людям, которые пострадали от таких тяжелых событий. Как правило, эти люди чувствуют себя потерянными, им нужна моральная поддержка, и поэтому для работы с ними вам нужно терпение, им нужно уделять много внимания. И, в первую очередь, я настаиваю, что им нужно выдавать документы, чтобы они могли наладить здесь жизнь, не нарушая законов, и так смогли бы получить постоянный статус. Чтобы из-за этого не было конфликтов с властями, чтобы все было законно».

ИСТОРИЯ АДГУРА

Темы: Украина / документы / здравоохранение / беженцы войны из Абхазии

Члены семьи Кардава не чувствует, что смогли интегрироваться в украинское общество, потому что здесь у них нет постоянного статуса, несмотря на то, что в Украине они живут с 1994 года.

Адгур покинул Абхазию вместе с женой и двумя детьми в 1994 году, и с болью вспоминает о том, что им пришлось пережить. Семья прибыла в Украину в 1994 году и остановилась у брата жены Адгура. Поддержка брата жены и других родственников была очень для них важна, потому что каких-либо государственных программ для помощи «беженцам войны» не было.

«Ну, когда мы сюда приехали, нам больше всего помогал наш брат, потому что он уже здесь долго жил. Когда мы приехали в 1994 году, он, конечно, нам помогал. Он делал, что мог. Нам самим было очень трудно здесь все делать. Потому что, во-первых, мы не знали украинского языка, и было тяжело найти работу. Но вы знаете, я в чем-то благодарен украинцам. Не просто украинцам, а всем, кто здесь живет, потому что они к нам относились с пониманием. С заботой. Понимаете? Я не могу сказать, что мы здесь голодали, даже сначала. Конечно, нет. Нам помогали, кто как может. Я думаю потому, что люди понимали чужую боль, принимали ее как свою. И благодаря этому людям, которым пришлось покинуть свою страну, было легче».

ДОКУМЕНТЫ

Члены семьи получили временные виды на жительство в 1998 году.

У них не было проблем с получением или продлением временных видов на жительство, хотя они упоминали проблемы с продлением регистрации в паспортной службе. Адгур несколько раз отмечал, что ему удавалось защитить свои права и его регистрация никогда не заканчивалась. Он также отметил важность помощи, которую он получал от Красного креста.

Адгур рассказал о серьезных проблемах, которые возникли у его семьи после отмены Постановления Кабинета министров Украины № 674 от 26.06.1996. Это постановление определяло порядок выдачи временных видов на жительство «беженцам войны» из Абхазии и устанавливало их гарантированные права.

«Конечно, когда отменили временные виды на жительство, это нас очень сильно затронуло. Почему? Потому что не каждый чиновник понимает разницу между их отменой и продлением... Нам объяснили, что наши виды на жительство, которые мы полу-

чили до 2005 года, это наши документы, доказательства того, что у нас есть вид на жительство. Я не знаю, действуют ли они сейчас, но нам сказали, что мы должны хранить их до того времени, пока не выйдет новое постановление. Мы должны их хранить, это наши документы, которые мы можем предъявить. Но, к сожалению, не все это понимают. Там написано, что документ действителен до 2005 года, и все говорят, что его срок действия истек, и мы можем его выбросить, но мы их не выбрасывали, потому что власти нам сказали, что мы обязательно должны их хранить. Без них у нас вообще не будет никаких документов».

С момента отмены Постановления Кабинета министров Украины № 674 от 26.06.1996 срок действия временных видов на жительство продлялся три раза, но как таковая процедура продления временных видов на жительство отсутствует, поэтому когда семье нужно продлить регистрацию и когда они обращаются в официальные органы, они используют временные виды на жительство, которые они получили до 2005 года. Из-за этого у них возникают проблемы, потому что о том, что Кабинет министров Украины продлил срок действия временных видов на жительство до 01.05.2009, знают только юристы.

ДОСТУП К ЗДРАВООХРАНЕНИЮ

Поскольку у Адгура серьезные проблемы со здоровьем, он отмечает, что ему стало сложнее получать бесплатную медицинскую помощь.

«Мне часто приходится ложиться в больницу. Здесь, в Украине, у меня было три сердечных приступа. У меня диабет. С молодости я страдаю от гипертонии. Я два раза в году ложусь в больницу. Конечно, меня хорошо лечат. Я ничего плохого не могу сказать. Но с недавнего времени я вынужден платить. Естественно, нам стало тяжело, потому что у нас нет таких средств, чтобы платить за лекарства, чтобы я ложился в больницу. Они с прошлого года стали просить деньги – когда я пришел в больницу, мне сказали, что я должен платить 60 гривен в день, а когда моя дочь рожала, ей сказали то же самое».

ОБРАЗОВАНИЕ

Дочь Адгура не может закончить высшее образование, потому что вышеупомянутое Постановление было отменено.

ИНТЕГРАЦИЯ

Адгур не чувствует, что смог интегрироваться, потому что у него нет постоянного статуса.

«Только тогда, когда у нас будет постоянный вид на жительство, гражданство. Если нам его дадут, то я буду чувствовать, что действительно обос-

новался здесь, и буду жить здесь до конца своих дней. Но сейчас такой возможности нет».

В конце разговора он обращается к украинским властям **«Сперва я хотел бы попросить украинские власти решить проблему беженцев. Это значит, что нужно разрешить беженцам легально жить в Украине. Моя семья и я хотим здесь остаться. Дороги назад для нас уже нет. Я думаю, что здесь мы на всю жизнь. Но у нас нет гарантии того, что мы сможем жить здесь. У нас нет никаких документов, которые бы подтверждали, что мы можем здесь жить. Понимаете? Я только об одном прошу, даже умоляю. Постоянный вид на жительство. Главное – это постоянный вид на жительство. Чтобы мы могли здесь жить легально. Я не хочу здесь жить нелегально, вечно бояться. Я хочу жить здесь нормально, легально. Мне и моей семье нужны документы, чтобы доказать, что мы действительно здесь живем легально. Это все, о чем я прошу».**

ИСТОРИЯ АШУРА

Темы: Украина / документы / жилье / интеграция

Ашур – журналист, курд по национальности. Он уехал из Сирии из-за постоянных издевательств со стороны полиции и государства. Он прибыл в Украину в марте 2005 года и подал ходатайство о предоставлении убежища. Он уже получил статус беженца и живет в Одессе в Пункте временного размещения беженцев. Из тех трех лет, пока он ждал документов из апелляционного суда, больше всего он помнит день, когда был признан его статус. **«Этого я никогда не забуду»**, говорит он с улыбкой.

Ашур уехал из Сирии в поисках мирной жизни. Будучи журналистом, он писал о курдах на курдском языке, стремясь поддержать эту культуру и этот язык. Государство яростно противодействовало этому, и после постоянных запугиваний со стороны полиции Ашур решил покинуть страну. Он описывает жизнь курда в Сирии: **«Практика такая есть: курдскому народу ничего нельзя делать для поддержки культуры, языка и истории. Им мешают. Всех бросают в тюрьму, запугивают, вообще не оставляют в покое, только потому, что они курды. Твоим детям говорить на курдском языке нельзя. Это очень плохо»**. Поэтому, говорит он, они чувствуют себя беженцами в собственной стране, не говоря уже о других странах.

Уехав из Сирии, он хотел отправиться в Европу, в любую страну, где он бы мог получить документы и жить в мире. В Украину он попал через Ирак, Турцию и Россию. Он провел некоторое время в России, где узнал, сколько в Украине курдов. Ашур узнал также, что России весьма активны группы скинхедов, которые убивают черных. Поездка заняла много времени и обошлась ему в значительную часть его сбережений. **«Все было сделано неофициально. Но я уже устал, не могу уехать в другую страну, и много денег потерял»**.

Он рассказывает, как сложно уезжать в чужую страну.

«Человек, когда в другую страну уезжает, теряет много: морально, много знакомых, историю теряет, это трудно».

АДАПТАЦИЯ К НОВОЙ ЖИЗНИ

Прождав три года, Ашур наконец получил статус беженца и официальные украинские документы, за что он очень благодарен. **«Теперь я живу в мире. Меня никто не трогает»**. Однако беженцы сталкиваются с другими проблемами, такими как здоровье и выживание в чужой стране в целом.

«Мы же не как люди из Украины. У украинцев есть документы, язык лучше знают, квартира есть своя, есть свой дом. У нас здесь такие проблемы...»

Ашур говорит, что главная проблема беженцев в Украине – это жилье. Государство никак не помогает им в этом. Ашур все еще живет в Центре временного размещения, который еще называют Пунктом, куда его поместили, когда он подал ходатайство о предоставлении убежища. **«В Пункте все спокойно. Никто мне не мешает жить. Мы можем приходить и уходить в любое время, и хотя он довольно далеко находится, мы, по крайней мере, свободны. Это самое главное»**. Однако центр переполнен, и одним туалетом и кухней пользуется много людей, **«как в общежитии. Это лишь временная мера, и нам нужна помощь в поиске настоящего жилья, где мы можем вести нормальную жизнь»**. По его мнению, эта самая важная рекомендация украинским властям.

Других различий в отношении к украинцам и беженцам он не видит. **«У нас у всех есть работы, пенсии. В Украине мы все одинаковы»**, говорит он с улыбкой.

Ашур говорит, что он редко сталкивался в Одессе с расизмом. Он проявляется на индивидуальном уровне, в зависимости от человека, в отличие от России, где организованные группы скинхедов раньше совершали убийства на расовой почве.

«Я не чувствую себя как в другой стране, я не как другой человек. Здесь все национальности есть: черные, белые, есть кавказцы, азиаты, украинцы, из России, все люди есть здесь, из разных стран. Только разве что милиция очень мешает, проверяет документы. Видит – человек черный, из-за границы, думают, у него документы неправильные, хотят получить деньги. Это только, больше ничего нет».

За годы ожидания статуса Ашур немного научился говорить по-русски, что помогает ему интегрироваться. Он думает, что язык – это самый важный инструмент для интеграции в общество. **«Так можно общаться с людьми, узнавать об их культуре, ни от кого не зависеть»**.

ПОДАЧА ХОДАТАЙСТВА О СТАТУСЕ БЕЖЕНЦА:

Подавая ходатайство, Ашур не столкнулся с большими трудностями. Обратившись в Миграционную службу в Одессе, он получил временный документ на две недели, после чего ему дали справку с фотографией. Однако справка помогает далеко не всегда. **«Справка – это ничто, только временная бумага. С этой бумагой только могу гулять, чуть-чуть работать. Удостоверение другое дело. Ты уже официальный документ имеешь, можно официально работать. Совсем другое дело»**.

Спустя несколько дней после подачи ходатайства он прошел собеседование в Миграционной службе. В кабинете, где оно проводилось, были и другие люди, но он чувствовал себя комфортно. **«Миграционная служба помогла мне найти переводчика. На собеседовании они задавали много вопросов. Но я думаю, это нор-**

мальная процедура. Работник миграционной службы сразу сказал мне, что в отличие от других стран, в Украине единственной помощью будет предоставление документов». Он говорит, что из-за этого многие беженцы уезжают из Украины и едут в другие европейские страны, где беженцы получают больше социальной помощи.

О праве на подачу ходатайства о предоставлении статуса беженца и других практических моментах он узнал от друзей в Сирии и от людей, с которыми он познакомился в России. В Пункте временного размещения беженцев, где он живет, соседи рассказали ему, что он может получить бесплатную юридическую помощь от Южноукраинского центра молодых юристов.

Миграционная служба отказала Ашуру в статусе беженца, и он обжаловал это решение в суде. После долгого ожидания началось рассмотрение его дела, и Ашур был уверен, что получит статус беженца. Он говорит, **«Я верил, что судья будет справедлив. Я ему верил».** В целом он положительно отзывается о процедуре в суде, и кроме замены адвоката по техническим причинам, все прошло гладко. Суд принял благоприятное решение, и спустя четыре или пять месяцев он получил документ, подтверждающий его статус беженца.

На вопрос о том, на что он надеется в будущем, он говорит, что все так неопределенно, что есть столько проблем, таких как поиск жилья и работы. Поэтому Ашур пытается не думать об этом. **«Лучше всего думать, как жить сейчас. Сегодня я не думаю, я не хочу думать. Когда я серьезно думаю о будущем, все непонятно».**

ИСТОРИЯ БЕНЕДИКТО

Темы: Украина / расизм / жилье / язык

В начале 90-х годов прошлого века в Анголе бушевала гражданская война, в которой погибли отец и жена Бенедикто. Он остался один с трехлетней дочерью.

Бенедикто жил на реке, которая разделяла Заир и Анголу, в городе Сойо. Он работал лодочником – перевозил людей через реку. Однажды солдаты «Униты» заставили переправить их через реку. Когда солдаты МПЛА увидели, что в лодке солдаты, а не мирные пассажиры, они открыли огонь. После этого Сойо был захвачен войсками «Униты», но спустя шесть месяцев они оставили город. Бенедикто был вынужден бежать, потому что солдаты МПЛА думали, что он предатель и работает на «Униту».

ПЯТЬ КОФТ

В 1993 году Бенедикто через Москву переехал в Украину. Сначала ему было тяжело, потому что он не знал языка, а никакой информации на его родном языке не было. Ему было очень трудно приспособиться к климату.

«Одежда вообще... в которую я был одет... не подходит вообще. Мне подарили... Приходилось одевать хотя бы пять кофт, потом нормально было.»

Он получал гуманитарную помощь и еду от нескольких организаций.

СТРАХ ЗА ДОЧЬ

Однажды милиция задержала Бенедикто на месяц, и о его дочери в это время заботились друзья.

«Я вышел за хлебом, просто на улице. Ребенок дома, в комнате. Это было 17 мая 1993 года. Я был на улице, сразу милиция спросила документы. Откуда у меня документы? Сразу меня отправили в приют, на Дарнице, в ДВЗ. Я там был месяц. Ребенок сам был в комнате. Это вообще... Я объяснял, но язык я не знал... Я объяснял, что бэби, бэби дома, но все равно не получилось. Меня все равно отправили. Месяц я там жил.»

Он вспоминает, что условия содержания под стражей были ужасными: спать приходилось на деревянных досках, людей кусали насекомые. Еда была отвратительной, людям не позволяли мыться. Что еще хуже, у людей не было возможности связаться с адвокатом или с организацией, которая могла бы им помочь. Бенедикто дважды задерживала милиция, а после этого он **«всегда с ребенком, чтобы милиция не трогала»**.

УЛУЧШЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Бенедикто рассказывает, что сначала им приходилось снимать квартиры у алкоголиков. Квартиры всегда были

грязными, были проблемы.

«Муж сдает квартиру, потом ночью жена приходит: «Это моя квартира, уходите». – «Мы давали деньги. Мы давали деньги». – «Это не его квартира. Это моя квартира. Уходите». А деньги потеряли.»

В 1997 году он быстро получил статус беженца, но у него были проблемы с получением прописки и регистрации. Даже при наличии статуса беженца милиция все равно требовала у него документы о регистрации, на получение которой уходило много времени, и ее нужно было продлевать каждые три месяца. Однако, признает Бенедикто, «стало легче морально».

ВСЕГДА ОГЛЯДЫВАЯСЯ

Главная проблема, которая беспокоит Бенедикто, это рост расизма в Украине. На него несколько раз нападали, и теперь он боится выходить из дому после 8 часов вечера. «Больше спокойно нельзя ходить... даже в транспорте. Люди на тебя показывают пальцами и смеются... неудобно так жить».

«Мы ходили... я не знаю, мы ходили... Нас было три человека. Я и друзья. Ходим по дороге Проспект Победы... и сразу меня сзади чем-то... или молоко... я не знаю чем, я не видел... Ударили. Я упал сразу. Слава Богу, что сразу... Бог меня простил. Поранили сильно, но ничего не было. Они сразу убежали. Меня забрала скорая помощь в больницу сразу. На все это время я потерял... а утром началось сильные боли... швы. После этого я начал бояться. Я пострадал. Но после этого, когда я иду гулять, я должен постоянно смотреть назад, оглядываться, то влево, то вправо, потому, что я не свободен.»

«Я тут живу почти 17 лет. Я привык чуть-чуть, что тут расизм есть. А вот раньше в 1995, 1993 году... все было нормально. Гуляй... Даже ночью можно гулять. Я понимаю, что везде есть расизм, везде, даже во Франции, Америке... Везде. Но так показывать, как здесь... вообще!!! Получается, что государство, Министерство внутренних дел виновато в этом. Ничто не защищает. Знают, что там сидят расисты и фашисты, там сидят, с другой страны. И я знаю, что мне туда нельзя. Сейчас уже 8 часов вечера, мне на Майдане быть нельзя. Если восемь часов – Севастопольская площадь – нельзя. Тоже вообще человек не свободный. Если бы я нашел работу на Майдане?»

Бенедикто работает грузчиком на рынке, зарабатывает мало. Арендная плата за квартиру высокая, и поэтому помимо его и дочери с ним живут еще три человека. Он получает 300 долларов в месяц, а плата за его квартиру составляет 500 долларов.

В принципе, теперь, имея статус беженца, Бенедикто может работать в любой точке Украины. **«Я имею ста-**

тут – никаких ограничений. Я могу работать где угодно, если босс не будет расистом».

Бенедикто говорит, что выучил украинский язык от дочери, которая ходит в школу и помогает ему с языком. У него нет возможности ходить на курсы языка, но он хотел бы.

О своих шансах на интеграцию в Украине Бенедикто говорит:

«Во-первых, если зарплата тут будет нормальной, я могу прижиться. Интеграция нормально будет... расизм... здесь дико получается. Потому что тут нет закона, этого нет закона. Люди не боятся закона».

Бенедикто хотел бы поблагодарить власти Украины за помощь, но также он умоляет их помогать другим мигрантам, которым нужна помощь в аренде жилья и которых постоянно задерживает милиция.

ИСТОРИЯ ДЭВИДА

Темы: Украина / документы / жилье / расизм

ДЭВИД РАССКАЗЫВАЕТ О СТРАДАНИЯХ.

«Я хотел бы обратить внимание на ту боль, через которую пришлось пройти мне и всем чернокожим людям только из-за эгоизма других людей, из-за эгоистов, из-за власти, из-за денег, потому что кто-то отнимает жизни других, невинных людей – отцов, матерей, маленьких детей, и тысячи людей остаются бездомными, столько жертв...».

Дэвид родился в городе Монровия в Либерии, в богатой семье. В то время из-за кризиса большая часть населения Либерии не имела образования. Отец Дэвида хотел, чтобы его сын учился, и Дэвид сам стал мечтать об этом.

Когда Дэвиду было только 10 лет, повстанцы на его глазах убили его отца. Его матери приходилось ездить в самые опасные уголки охваченной войной Либерии, чтобы продавать товары и зарабатывать на жизнь. Однажды она не вернулась из такой поездки. До того, как отец погиб, Дэвид ходил в школу, а после смерти родителей о мальчике стал заботиться Красный крест. Сначала он попал в лагерь в Монровии, а потом его отвезли в другой лагерь Красного креста в Нигерии. Там Дэвид пробыл два года. Он убежал из лагеря и встретился с другим мальчиком, который стал его другом и помогал ему. Он стал Дэвиду почти как брат, но однажды он ушел.

«Мне казалось, что я умер...мне было так больно. Эта была самая страшная боль в моей жизни. Когда мой брат был рядом, я был счастлив, я верил, что смогу вернуться к прежней жизни. Мне было только 12 лет... Однажды утром я проснулся и не увидел его, и никогда больше не видел. Тогда я понял, что он оставил меня страдать в одиночестве».

Спустя некоторое время Дэвид пересек пустыню и оказался в Ливии, где он прожил 9 лет. Ливия стала ему вторым домом, но там было очень много расистов. Он решил рискнуть и поискать лучшей жизни. Он незаметно пробрался на корабль и отправился Бог знает куда: «Я не знал, куда можно поехать в поисках хорошей жизни».

УКРАИНСКИЙ ВАРИАНТ?

Так Дэвид попал в Украину. Он надеялся попасть в Италию, но корабль пришел в Украину, в город Одессу. Была зима, было очень холодно. Два дня он провел на вокзале, надеясь увидеть человека с черной кожей. Наконец ему встретился такой человек, который сказал ему ехать в Киев. Дэвид купил билет на поезд. В Киеве он встретил еще одного африканца, который отвел его на рынок Шулавка, где торгует много черных.

«Я был очень счастлив, это был один из самых

счастливых дней моей жизни в Украине. Я был очень счастлив. Я помню, как в тот день я думал, что мои проблемы закончились. Тогда я не знал, что они только начинаются...»

МЕЧТЫ О РАВЕНСТВЕ

В Украине Дэвид больше всего боится расизма, нападений и проблем с документами. Также существует проблема с жильем. Сейчас он живет с шестью франкоговорящими лицами, ищущими убежища, в двухкомнатной квартире. За квартиру он не платит, потому что у него нет денег. Он хочет работать, но хочет работать головой.

«Я мечтаю только о том, чтобы учиться и стать юристом. Мне плевать на деньги. Мне нужна справедливость, я хочу, чтобы братья моего отца имели права».

Дэвид получил документы лица, ищущего убежища, но он боится, что миграционные службы конфискуют их, и тогда его задержит милиция. Он боится ходить в поликлинику, потому что видит отношение к нему людей на улице и в транспорте.

Дэвид также устал от собеседований и интервью.

«Мне все время задают одни и те же вопросы, трагические вопросы. Это больно... Если бы у меня был нож, я бы вас ударил...потому что вы меня убиваете!»

Он боится, что не сможет получить статус беженца, и говорит, что в Украине статус беженцев имеют только 5% черных.

«Черные, которые живут в Украине... Украина не дает им никаких шансов. Дайте им шанс сделать вклад в украинскую экономику. Они не воровать сюда едут, они живут здесь потому, что хотят здесь жить, из-за обстоятельств. Лучше, чем дома, не бывает. Зачем заставляя их страдать из-за документов? Дайте им документы, чтобы они могли работать... Дайте им шанс. Не надо, чтобы они бегали по улицам от милиции, потому что у них нет документов».

Когда Дэвид думает о будущем, он знает, на что он надеется, но не уверен в том, сможет ли достигнуть этого в Украине.

«Это место для тех, кто хочет прятаться, прятаться от всего, а не для тех, кто хочет нормально жить. Я не хочу прятаться. Я просто хочу прожить нормальную жизнь, создать семью, иметь детей, рассказывать им про себя. Я не хочу вечно спать по углам, жить с кем-то в одной комнате».

ИСТОРИЯ ИЗABELЬ

Темы: Украина / жилье / трудоустройство / расизм

Изабель 47 лет. В 1988 году она приехала в СССР из Конго на учебу. Она продолжила учебу в Ленинграде. В 1994 году, после окончания учебы, она переехала к мужу в Киев. Потом в ДРК началась война, и они подали ходатайство о предоставлении им убежища в Украине. Их ребенку сейчас 13 лет. Изабель говорит, что в ходе процедуры предоставления статуса беженца она не столкнулась с трудностями:

«Я сюда приехала учиться, это было в 1988 году. Я закончила учебу в 1994 году. Переехала к мужу в Киев. В это время дома началась война, и мы решили остаться здесь. Потом мы узнали, что можно получить статус беженцев и проездные документы. Проблем с этим не было. Было быстро. Мы очень быстро все получили, я помню. Где-то месяц. Потом возникли трудности, мы не могли уехать. Мы ждали около месяца. Они позвонили и сказали, что мы можем приехать за документом».

Изабель подала ходатайство о предоставлении убежища в 1997 году. Она вспоминает доброту сотрудников миграционной службы. **«Прекрасно. Очень хорошо. Ее звали Лариса, я помню. Она была очень добрая».**

Изабель вспоминает, что она сначала думала об Украине: **«Да, ощущения были прекрасными. Люди были очень добрые...»**

РАСИЗМ

Однако сейчас Изабель разочарована, потому что из-за расизма, отсутствия работы и жилья она не чувствует себя в безопасности.

«Когда я дома, я рада. Но когда я гуляю, постоянно слышу «обезьянка», «черная». Но ничего, я уже привыкла. И не обращаю внимания на них...»

«Дискриминация была, да...как я вам уже сказала, на дороге обзывают постоянно. Особенно сына. Он пошел в садик, дети там обзываются...»обезьянка, обезьянка». Он мне часто говорит: «Мама, меня обзывают, сказали то, то, то».

ИНТЕГРАЦИЯ

Из-за этих проблем Изабель не считает, что она интегрировалась в украинское общество.

«Я могу сказать, что нет, потому что условия у меня очень плохие. До сих пор у меня жилья нет, работы нет... Я думаю, что интеграция... интеграция (задумывается)... интеграция – это если у человека есть условия, есть своя квартира, еще работа. Вот».

Это самое главное. Особенно работа, и жилье тоже. Это самое главное.... Барьер, это может быть... это расизм, я так думаю. Да расизм... расизм...»

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Сейчас у Изабель нет постоянной работы, иногда она делает на дому маникюр. Она училась на экономиста и мечтает работать в банке.

«Да, это была моя мечта... Это было давно, давно... (голос становится тихим). Это была моя мечта... Вот поэтому я выбрала финансово-экономический институт».

Если бы Изабель могла дать совет сотрудникам Миграционной службы, она посоветовала бы им помогать людям переселяться в другие страны.

«Могу им сказать: «Пожалуйста, помогите мне уехать отсюда». Потому что тут я жить не могу. Тут я не представляю, как жить. Тут сейчас очень трудно. Тут каждый день становится хуже и хуже. Я помню, что где-то 8 лет назад было лучше. Сейчас каждый день становится хуже, хуже, хуже».

ИСТОРИЯ ДЖАФФАРА

Темы: Украина / документы / процедура предоставления статуса беженца

Джаффар с семьей приехал в Украину восемь лет назад. Они уехали из-за конфликта между мусульманскими группами. Сами они происходят из шииты, и из-за этого постоянно сталкивались с преследованием и запугиванием. Двоюродных братьев Джаффара убили, отца забрали, а когда отец вернулся, его зубы были выбиты прикладом автомата. **«Мы просто хотели мирной жизни, и потому мы уехали».** Уезжая, они еще не решили, куда именно поехать. **«Мы просто хотели, чтобы жизнь стала лучше, и так и случилось».**

Однако Джаффар и его семья каждый день сталкиваются с трудностями, потому что их статус пока не определен. Вот что он говорит о своей повседневной жизни: **«Мой рабочий день начинается в 2 или 3 утра, а заканчивается в 4 или 5 вечера. Поэтому у меня не остается времени на что-то еще».**

Джаффар и его семья очень долго ездили из страны в страну, не зная, где находятся. Они были арестованы милицией и доставлены в посольство, и после этого узнали, что они в столице Украины Киеве. Из посольства их направили в Миграционную службу в Одессе, и там они поселились в Пункте (центре временного размещения) для беженцев. Они живут там последние четыре года. Жизнь в Пункте немного беспокойна, так как там иногда воруют, но там нет насилия или расизма. Еда, которую они получают, помогает им выжить, хотя ее недостаточно для того, чтобы прокормить всю семью.

ПОТЕРЯННЫЕ И ЗАПУТАВШИЕСЯ

Прибыв в Украину, Джаффар и его семья столкнулись со многими трудностями, потому что они не понимали процедуру убежища, и у них не было денег, чтобы нанять переводчика, или даже на то, чтобы сфотографироваться для подачи ходатайства. **«Уже прошло восемь лет с того момента, как мы в первый раз подали ходатайство о предоставлении статуса беженца, потому что на собеседовании мы не могли понять, что от нас хотят».**

Перед тем, как попасть в Украину, они ничего не знали о процедуре убежища. **«Мы ничего не понимали, будучи иностранцами в чужой стране! После того, как нас поселили в Пункте, какой-то афганец рассказал нам, что мы должны делать. Но нам все же было очень сложно найти переводчика, пока однажды в Миграционной службе не нашелся переводчик, который согласился помочь нам бесплатно».** На собеседовании он и его семья механически отвечали на вопросы, и человек, проводивший собеседование, казался объективным.

Они узнали о процедуре предоставления статуса бе-

женца немного больше от других лиц, ищущих убежища. **«Так мы узнали только о законе и о процедуре от юриста из Южноукраинского центра молодых юристов. Но это произошло только после того, как Миграционная служба отказала нам в статусе».**

Первого ответа они ждали долго. Когда пришел отказ, они почувствовали себя потерянными, ничего не понимали. **«Мы не понимали, что произошло, и почему некоторые получали статус через 2-3 месяца, а мы здесь так долго прожили, и не можем получить статус».**

Когда они получили отказ в статусе беженца, им сказали, что их могут бесплатно отправить домой, но ничего не сказали о возможности обжалования решения с бесплатной помощью юриста. Это им опять же сказали другие лица, ищущие убежища. **«Мы пытались объяснить, что не можем вернуться домой, потому что там продолжается война. Мы только хотели жить в мире».** Так что в конце концов им сказали обратиться в Южноукраинский центр молодых юристов.

БУДУЩЕЕ: КЛЮЧ КО ВСЕМУ – ДОКУМЕНТЫ

Когда Джаффар говорит о своем будущем, то он утверждает, что главная его надежда – это получить документы и статус беженца. **«Без документов мы ничего не можем сделать. Мой брат закончил 9-й класс, но без признаваемого документа он не может получить диплом. То же касается работы – ключом ко всему являются документы».**

«Самым счастливым днем будет день, когда мы получим документы! Моя мать сможет навестить своих родителей, и мы сможем спокойно работать, ходить в школу, в больницу. Без документов нельзя никуда пойти, ничего нельзя сделать».

ИСТОРИЯ ЖАКЛИН

Темы: Украина / жилье / трудоустройство / расизм

В 1993 году Жаклин приехала из Конго в Россию на учебу. Она не намеревалась просить убежища, но в 1997 году политическая обстановка в Конго изменилась, и на юге страны, где она жила, начался межэтнический конфликт.

Сейчас Жаклин 40 лет, и она говорит, что ее единственная надежда – это ее дети. Она надеется, что они смогут закончить школу и университет. Она сама не смогла этого сделать, потому что за ее образование платило ее государство, но потом, когда начался конфликт, деньги поступать перестали.

ПРОЦЕДУРА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТУСА БЕЖЕНЦА

В 1997 году Жаклин с мужем приехали в Киев и подали ходатайства о предоставлении им статуса беженцев. В Харькове, где они жили, отделения Миграционной службы не было. Потом они узнали, что их дело было направлено в только что созданный отдел МС в Харькове, что означало, что они должны ждать статуса два или три года. Это было трудное время для семьи, потому что им приходилось ездить в Киев на собеседования, и все это время они жили в неопределенности.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА

Жаклин считает, что женщине-беженке очень трудно устроиться на работу. В 2003 году УВКБ ООН профинансировало ее обучение на курсах поваров, и она получила диплом «повара-кондитера». Но, несмотря на это, она не смогла найти подходящей работы. Ей предложили работать в ночную смену, но так как у нее двое детей, ей было бы очень трудно. Ее муж работает в Крыму барменом, и это лучшее, что он смог найти в Украине.

У своих украинских друзей Жаклин выучила украинский язык, а также она ходила на бесплатные курсы языка, организованные в Харькове организацией «Каритас».

ПРЕДРАССУДКИ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ

Семья Жаклин три раза была вынуждена менять квартиру, и когда хозяева квартир понимали, что перед ними иностранцы, они часто отказывались сдавать им жилье. Уровень жизни семьи очень низок, часто им не хватает денег на еду.

«Очень тяжело. Когда мы ищем квартиру, не дай Боже, когда слышат, что голос иностранца – сразу нас не принимают, надо через знакомых; или иногда не принимают из-за того, что мы с двумя детьми».

РЕКОМЕНДАЦИИ УКРАИНЕ

Жаклин считает, что нужно, **«чтобы у Украины была связь с другими государствами, которые очень давно принимают беженцев, чтобы они знали, что именно делают те страны, чтобы Украина пользовалась их опытом в том, как они помогают беженцам».**

ИСТОРИЯ ЖАНА

Темы: Украина / процедура предоставления статуса беженца / документы /

Жан уехал из Демократической Республики Конго (которая тогда называлась Заиром) на учебу за границей. Будучи юношей, он вступил в оппозиционную политическую партию, и в результате, когда началась гражданская война, стал политическим беженцем. **«Я тогда был молод, я был студентом, - говорит он, - я был против всего...я верил в цели партии».** Много лет назад он прибыл в Украину через Москву и знал три слова по-русски: «нет», «товарищ» и «Правда». Он жил в Украине без денежной помощи от семьи. Это было нелегкое время. Он приехал в Украину по трем причинам. **«Во-первых, потому что здесь жил мой друг, во-вторых, потому что во все республики СССР было легко попасть, но еще и потому, что моему отцу нравится коммунизм».**

Жан не планировал оставаться в Украине, но потом началась гражданская война. Тогда он понял, что не сможет вернуться, и после того, как в Заире произошло несколько инцидентов, он подал ходатайство о предоставлении ему статуса беженца. Сперва его ходатайство было отклонено Миграционной службой, где ему сказали, что гражданам Заира убежище не предоставляется. Два или три года спустя он снова подал ходатайство, когда понял, что существует опасность того, что от него потребуют вернуться на родину. Из-за своих политических взглядов он не мог это сделать.

Когда Жан жил в Украине, ему всегда помогали его соотечественники, которые были для него главным источником информации и рассказывали ему о его правах и о том, какие процедуры он должен пройти, чтобы обратиться за защитой в качестве беженца. Когда он прибыл в Украину, ему сложно было найти жилье, потому что центров временного размещения тогда не было.

ПРОЦЕДУРА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТУСА БЕЖАНЦА: ЧУВСТВУЯ СЕБЯ ГЛУПЫМ

Когда он вернулся в Миграционную службу, чтобы снова подать ходатайство о предоставлении статуса беженца, ему не предоставили переводчика для прохождения собеседования, несмотря на то, что он еще не очень хорошо говорил по-русски. На собеседовании он чувствовал себя неудобно: **«Мне казалось, что повторяя свои вопросы по просьбе сотрудника, я выглядел глупо, и мне не хотелось выглядеть глупо. А сотруднику, кажется, нравилось выставлять меня дураком».** Хотя эта точка зрения и субъективна, она указывает на уязвимость беженцев и на то, как процесс предоставления убежища может подорвать их самооценку. **«Если бы они ускорили процедуру, то польза была бы и для государства, и для беженцев».** После того, как Жан подал ходатайство, он получил ответ через месяц, но потом на получение

статуса у него ушло 3-4 года. На то, чтобы получить окончательный ответ из суда, ушли месяцы.

ОТКАЗ. «СЛЕЗАМИ ГОРЮ НЕ ПОМОЖЕШЬ»

Когда Жан впервые получил отказ, ему не было сказано о том, что он может обжаловать его, и Миграционная служба не направила его за бесплатной юридической помощью. Он был разочарован, но понимал, что отчаиваться глупо: **«Я не привык плакать. Я знаю, что когда что-то не получается, то нужно придумать, как все исправить».** Так что он пошел к частному юристу, а после этого друзья посоветовали обратиться за консультацией в Южноукраинский центр молодых юристов. О бесплатной помощи он узнал от тех, кто уже прошел через этот процесс.

Жан считает, что процедура не только медленна, но и несправедлива. Весь процесс он считает обманом. Он говорит, что для него самым неприятным является ощущение, что Миграционная служба принимает ходатайства, заранее зная, что ответит отказом. И, по иронии судьбы, хорошо, что Миграционная служба вообще принимает ходатайства, говорит он со смехом.

ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жан считает, что процедура никак не повлияла на его интеграцию, потому что он интегрируется самостоятельно. **«Теперь я здесь живу и работаю, у меня здесь брат и семья...как у всякого обычного человека, в моей жизни бывает хорошее и плохое. Я не отличаюсь от других людей только потому, что я беженец».**

ИСТОРИЯ КАМЫ

Темы: Украина / документы / здравоохранение / трудоустройство / беженцы войны из Абхазии

Кама пришлось уехать из Абхазии в Грузию в 1993 году вместе с семьей сестры. Сложная ситуация в Грузии вынудила сестер уехать из страны вместе с детьми и маленькими внуками. Они поехали в Украину, где у них были хорошие друзья. Сначала проблем не было. Все члены семьи получили жилье и работу в одной из деревень в Днепропетровской области. У них всех была постоянная прописка по месту жительства. У внуков не было проблем с образованием. Потом положение в сельском хозяйстве ухудшилось, и колхозы развалились.

Люди оставались без работы и были вынуждены переезжать в поисках других способов заработка. Несмотря на то, что в 1998 году они получили временные виды на жительство, как только они переехали, они не смогли получить постоянной прописки по новому месту жительства, как это было раньше. Потом у них начались проблемы с регистрацией как таковой. Им вообще отказали в регистрации, потому что в 1999-2000 году советские паспорта для граждан Грузии стали недействительными, и для того, чтобы получить регистрацию, нужны были новые грузинские паспорта. Они оказались в порочном кругу: для того, чтобы получить паспорт, нужны были деньги, а для того, чтобы заработать деньги, нужны были документы.

Мужчины в семье уже достаточно взрослые для того, чтобы работать, но они не смогли найти работу в деревне, где они жили. Они иногда подрабатывали, но денег не хватало даже на самое необходимое – уголь для отопления, еду и лекарства. В доме уже больше года нет электричества, потому что они не платили за него. Мужчины боятся ездить на работу в ближайший областной центр, потому что их уже арестовывали там, и они панически боятся выходить из деревни без документов. Сейчас семья находится в очень тяжелом положении, которое еще больше усугубилось тем, что сестра Камы потеряла пенсионное удостоверение и советский паспорт, что означает, что они потеряли единственный постоянный источник доходов (она не может получить новые документы, необходимые для получения пенсии, вот уже 9 месяцев).

Теперь Кама находится в отчаянном положении.

«Моя жизнь...я не знаю. Говорят, что если ты веришь в Бога, то попадешь в рай, а если не веришь – то в ад. Я не думаю, что в аду будет хуже, чем здесь. Я не помню, когда в последний раз наедалась досыта».

Кама думает, что свои проблемы она может решить только получив документы, удостоверяющие личность, и другие бумаги. У нее рак груди, но в больнице ее отка-

зываются лечить без документов, и у нее нет денег на лечение. Она в отчаянии: **«Кому от меня какая польза?»**

Кама считает, что она сама виновата, что оказалась в таком трудном положении, сравнивая себя с другими абхазскими беженцами. **«Наверное, они умнее нас. Мы не пробовали. Я не знаю, что сказать. Кто-то, наверное, научил их, что нужно делать, а нам никто ничего не сказал».**

ИСТОРИЯ КЕНЭ

Темы: Украина / документы / трудоустройство / жилье / расизм / интеграция

Кенэ уехал из Эфиопии в Советский Союз в августе 1987 года. Он провел три дня в Москве, а потом был переведен в город Одессу в Украине, где поступил в Одесское объединенное высшее командное училище ПВО и инженерных войск. В 1992 году он закончил его с дипломом специалиста-инженера.

Закончив учебу, Кенэ не вернулся в Эфиопию, потому что в 1991 году там сменился режим, и возвращаться туда было опасно. В январе 1994 года представительство УВКБ ООН в Москве признало его мандатным беженцем.

ПРОБЛЕМЫ С ДОКУМЕНТАМИ

В августе 1996 года Кенэ обратился в Миграционную службу в Украине с ходатайством о предоставлении статуса беженца. Государство признало его беженцем. Однако для него было фактически невозможно получить регистрацию в удостоверении личности беженца из Отдела по визам и регистрации (ОВИР) по причине отсутствия регистрации (справка: для получения регистрации лица, ищущие убежища, и беженцы должны предоставить письменное согласие хозяина квартиры, а такое свидетельство хозяева дают неохотно, чтобы избежать проблем с налоговой инспекцией). Кенэ часто задерживала милиция и штрафовала за отсутствие регистрации.

Он вспоминает, как однажды его удостоверение беженца было изъято в отделении милиции в Баумане: **«Однажды случилось самое страшное: милиционеры освободили меня из отделения посреди ночи, без документов, удостоверяющих личность. Милиционеры вытолкнули меня, сказали идти домой. Это было своего рода наказание, они знали, что ночью не ходит транспорт, а денег на такси у меня нет. Эта ночь была ужасной...очень холодно, машин нет, никого вокруг. С Божьей помощью я попал домой».**

Кенэ говорит, что после вмешательства представительства УВКБ ООН и правозащитников ситуация улучшилась, так как в законодательство были внесены поправки и ОВИР начал проводить регистрацию в упрощенной форме. Удостоверение беженца Кенэ продлевается каждый год. Но он по-прежнему становится жертвой издевательств со стороны милиции.

НЕТ РАБОТЫ: НЕТ ПОДДЕРЖКИ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА

Кене работает в Украине уже более 14 лет: в НПО, в различных фирмах. Он часто сталкивался с предрассудками. Он говорит, **«Директоры фирм часто не хотят брать меня. Главная причина – мой цвет кожи и мой правовой статус».**

Кенэ хорошо знает свои права, но не понимает, почему они не реализуются на практике. **«Статья 20 украинского Закона о беженцах гласит, что лицо, признанное беженцем, имеет равные права с гражданином Украины: право на работу, на свободу выбора места жительства, право свободно покинуть территорию Украины. Параграф 3: та же статья гласит, что лицо, признанное беженцем, имеет право на доступ к лекарствам и к медицинской помощи, право на отдых и образование. Этот закон – лишь бумажный тигр».**

В поисках работы Кене обращался во многие агентства по трудоустройству, и часто его провожали смехом. **«Они говорили «у нас нет для вас работы», другие отвечали «вы беженец, а наша фирма берет только граждан Украины», а когда я говорил, что мой статус беженца признан государством, и у меня есть такие же права на работу, как у украинских граждан, он начинали грубить мне и выгонял из кабинета».** Кенэ говорит, что некоторые фирмы требуют трудовую книжку. Однако там, где он работал раньше, трудовую книжку ему не выдали, и поэтому он не может подтвердить свой трудовой стаж и опыт работы. Это значит, что он не имеет право на социальное обеспечение или пенсию. **«Это какое-то наказание на всю жизнь».**

ЧУВСТВО СТЫДА (ЖИЛЬЕ)

«У меня нет проблем с нехваткой опыта работы или со знанием языка. Но из-за моего внешнего вида я не смог интегрироваться в украинское общество... Обидно, что после 14 лет работы и 13 лет со статусом беженца я вынужден искать прибежища в Пункте временного размещения лиц, ходатайствующих о статусе беженца».

Для Кенэ и его семьи главная проблема в Киеве – это жилье. Он снимал для своей жены и двух детей однокомнатную квартиру с площадью 30 квадратных метров, и платил за нее 500 долларов в месяц (около 4500 гривен). Кенэ зарабатывал 2000-2500 гривен в месяц, работая электриком в строительной компании, а его жена не работала. Она получала социальное пособие на детей в размере 140 гривен (15,5 долларов) в месяц.

Даже когда он работал, Кенэ было трудно платить за квартиру, а теперь он потерял работу из-за недавнего экономического кризиса, ударившего по украинским предприятиям. Он говорит: **«Раньше они говорили «черная работа для черных», а теперь черную работу получают сами украинцы».**

Семье сложно выживать в таких условиях, и они планируют перебраться во Львов и жить в центре для лиц, ищущих убежища, потому что без работы Кенэ не может платить за квартиру. Кенэ знает, что он не один оказался в такой ситуации: **«Мы знаем, что в течение ближайших пятидесяти лет решить проблему с жильем в Украине будет невозможно. Десятки тысяч украин-**

цев не имеют жилья; миллионы не имеют работы, и это число растет каждый день».

«Нам не нужно смешение крови в нашей стране. Украина – только для украинцев».

Кенэ говорит, что сталкивается с расизмом повсюду. Он во многом ограничивает себя, чтобы не подвергаться этой опасности. *«Я не выхожу на улицу вечером, не езжу в метро, не пользуюсь общественными туалетами, не хожу в бары и кафе и никогда не пью пиво на улице, в парке и других общественных местах, где можно распивать спиртное и пиво. Я никогда не хожу в казино».* Он старается не называть свой адрес милиционеру, если рядом стоят другие люди. Он знает, что в последнее время в Украине растет число сторонников националистических партий.

На своей последней работе Кенэ работал в разных офисах, и у него часто возникали неприятности с молодыми людьми, работающими в них. *«Они говорили «Смотри! Негр работает».* Некоторые подходили к нему, смотрели на него и говорили *«Смотри, обезьяна работает».* Кенэ говорит, что старался работать с коллегой-украинцем, чтобы избежать этих опасностей, а также чтобы в него не бросали строительными материалами. *«Развитие расизма на рабочем месте имеет биологический, социальный и национальный характер».*

«На работе я однажды разговаривал с одним расистом. Он сказал, что для него я человек, эволюция которого еще не закончилась, и это утверждение он обосновывал моим внешним видом – лицо, нос, губы и волосы. Он думал, что я не могу работать самостоятельно. Он всегда меня спрашивал: «Как обезьяна может работать без присмотра?» – Я отвечал - «Кто обезьяна, ты или я? Я говорю на твоём языке, я делаю то же, что и ты, я думаю, как и ты. У меня такая же кровь, как у тебя или у других белых людей. Мой мозг думает так же, как твой, я живу не по рефлексам или инстинктам. Но если попытаться научить обезьяну, шимпанзе, то она никогда не станет похожей на человека». Он очень разозлился, запустил в меня отверткой и убежал».

Кенэ говорит, что некоторые расисты требуют от него уехать из страны и забрать с собой своих детей-«полукровок». *«Они говорят «нам здесь не нужна смешанная кровь... Украина – для украинцев».* Об этом Кенэ отзывается так: *«Я надеюсь, что Бог направит украинский народ и правительство по правильному пути».*

Кенэ огорчает этот глубоко укоренившийся расизм, в результате которого реальная интеграция для него и его детей невысказана. *«Я просто выживаю, я не знаю, что будет с моими детьми и со мной. Мы молимся Богу».*

Кенэ не понимает, почему государство не оказывает ему поддержку в процессе интеграции: *«Я прожил в Украине больше 20 лет, в 1996 году я получил статус*

беженца, у меня дети от гражданки Украины, и все же я не могу поверить, что я смогу интегрироваться... механизм интеграции отсутствует. Существующие законы не действуют».

Кенэ смотрит в будущее с пессимизмом. *«Я думаю, что больше я не смогу найти работу в Украине. Это будет концом моей борьбы за выживание».*

Кенэ советует украинским властям *«соблюдать требования законов и прозрачности, потому что если этого не делать, то завтра ваша страна станет страной беженцев или иммигрантов, таких как я, и ответственность за это будет лежать на вас».*

ИСТОРИЯ НАЗИРЫ

Темы: Украина / документы / образование / беженцы войны из Абхазии

Назира и ее семья относятся к группе «беженцев войны» из Абхазии, которые предприняли больше всего усилий для интеграции в украинское общество. Их ситуация складывается удачно, хотя они не смогли полностью интегрироваться по причинам, от них не зависящим (они не могут получить в Украине постоянного статуса).

Когда Назира из-за бомбардировок вынуждена была покинуть родную деревню вместе с мужем, матерью и годовалым ребенком, она была на восьмом месяце беременности.

«Что мы взяли из дому? Тапочки, халат и ребенка в руках. Что я должна была взять, откуда? Мы ничего не взяли.»

«Вы уехали, а они автоматами писали в небе «Абхазия». Вот так. На третий день наш дом разбомбили. Там ничего не осталось.»

Они уехали в Грузию.

«В Грузии мы прожили 18 дней. Там даже хлеба не было. Я была на седьмом месяце беременности, и годовалый ребенок на руках. И мы с матерью пошли просить у людей, кто что мог дать.»

Оттуда они переехали в Сочи, потом в Украину, в город Макеевка в Донецкой области, где уже 30 лет жил брат Назир. Там она родила второго ребенка. Сначала они все жили у ее брата, который много им помогал, а потом сняли отдельную квартиру. Одной из главных проблем для семьи было отсутствие жилья и надежды получить его, а также отсутствие постоянного статуса.

«Единственная проблема – то, что у нас нет жилья. Не считая этого, в Украине я счастлива. Я всех тут люблю, меня все уважают, и я всех уважаю.»

Семья снимает квартиру. Они пытаются решить проблему с жильем, получив квартиру из практически пустого государственного жилищного фонда.

«У нас хорошее жилье, но мы за него много платим – 500 гривен за воду, свет и все остальное. Каждый месяц на него уходит 650-700 гривен. Вокруг так много заброшенных квартир. Лучше бы мне дали одну из них. Я бы ее отремонтировала, все бы сделала.»

У нее не было проблем с получением временного вида на жительство или регистрации, потому что и у нее, и у мужа были паспорта. В настоящий момент у них грузинские паспорта, а их регистрация заканчивается в мае 2009 года. Благодаря этому Назира может работать. Она – частный предприниматель.

«Нам бы все равно никто не дал работу, поэтому мы работаем на рынке. Мой муж работает, а я болею, и дети были маленькими. А теперь, болею я или нет, я все равно хожу на работу. У меня есть контейнер и работа. Что можно делать? Я продаю овощи, то здесь, то там.»

«Ну, я принесла паспорт, все бумаги. Они заполнили на мое имя документы на контейнер, и все.»

У Назир не было проблем с доступом к здравоохранению.

«Вообще никаких проблем. Я всегда хожу в поликлинику без проблем. В случае чего, они просто просят показать паспорт.»

Назире устраивает, как лечили и ее, и ее детей.

«Обоим моим сыновьям делали операции, каждому по два раза. В Горловке, в отделении хирургии. Я думаю, это был Александр Боев, главный хирург, чудесный человек. Я ни копейки за лекарства не платила. Он все сам сделал.»

Что касается образования, то проблем пока что тоже нет. (Оба ее сына ходят в школу, они отлично учатся, и у них все должно получиться). Однако без постоянного вида на жительство они не смогут получить дипломы.

«Постоянный вид на жительство, это для нас сейчас самое важное, постоянный вид на жительство, чтобы мы могли спокойно жить и не волноваться. Теперь наши дети заканчивают 11-й класс, но они не смогут получить дипломы. Никто им их не даст. Чтобы школа их выдала, им нужен постоянный вид на жительство.»

Теперь главной задачей семьи является получение постоянного вида на жительство. Это поможет им полностью интегрироваться в украинское общество.

ИСТОРИЯ НИЛЫ

Темы: Украина / образование / жилье / расизм / интеграция

Когда в 1993 году в Афганистане пришли к власти талибы, Нила и ее семья были в России. Ее отец, член Коммунистической партии, из-за своих политических взглядов не мог вернуться в страну. В Афганистане он читал лекции в Кабульском университете и работал в Министерстве образования. С 1982 года он учился в СССР на доктора наук.

Вскоре они переехали в Украину и подали ходатайство о предоставлении им статуса беженцев, но статус получили только в 2002 году. В 1993 году, когда они подали ходатайство, миграционные службы Украины реформировались. Департамент по миграции менялся 14 раз, и семья Нилы не знала, что делать и с кем говорить. Им приходилось давать взятки за то, чтобы им продляли визы, это было очень тяжело и дорого.

Когда Нила приехала в Украину, ей было семь лет. В Украине она ходила в школу, потом закончила университет, получила работу. Она говорит, что не сталкивалась с серьезными трудностями, только с рутинными. Ее отец должен был кормить семью, а зарплаты, которую ему предложили в университете, не хватало на аренду квартиры и покупку еды и одежды. Он по сей день работает на рынке «Барабашово», это работа очень трудная физически – ему нужно продавать товары на улице даже при температуре -40.

В Украине им очень трудно снимать квартиру, потому что никто не хочет сдавать жилье семье с четырьмя детьми. Они вынуждены были говорить, что детей только двое, а еще двоих детей они прятали от хозяев. Даже сейчас иностранцу тяжело арендовать жилье, а государство никак не помогает беженцам в этом.

Сейчас Нила работает в НПО, которая защищает права человека украинских мигрантов. Она говорит, что во время учебы у нее никогда не возникали проблемы с преподавателями или студентами. Единственная проблема заключается в том, что местные власти не понимают, кто такие беженцы, и почти ничего не знают о документах беженцев.

«У меня никогда не было проблем с милицией, но мать и брата много раз задерживали. Обычно, чтобы избежать задержания, милиционеру надо заплатить 20 гривен».

БУДУЩЕЕ – ЗДЕСЬ

Семья Нилы видит свое будущее в Украине, потому что они уже прожили здесь 15 лет. Они планируют подать ходатайство о предоставлении им украинского гражданства, хотя жизнь здесь все дорожает, и без нормального жилья и государственной поддержки жить не просто.

Процедура получения гражданства очень бюрократична, власти требуют множество документов, а также заявители должны сдать экзамен на знание украинского языка. Нила говорит по-украински, потому что она училась на этом языке. Но все же она думает, что другим иностранцам сдать экзамен очень сложно, потому что государственных курсов украинского языка нет.

РАСТУЩИЙ СТРАХ

Нападения на почве расизма и ксенофобии начались в Украине около года назад.

«Если пройдетесь по главной улице Харькова, Сумской, то увидите, что на многих стенах нарисованы свастики. Каждая старушка говорит «вы черные», уезжайте домой».

ОЩУЩАЯ СЕБЕ ДОМА

Несмотря на все эти проблемы, Нила считает, что ее семья практически интегрировалась в украинское общество, хотя для нее интеграция означает возможность «ощущать внутренний покой и равенство», что получается не всегда. Она считает, что украинское общество не готово принимать иностранцев, потому что только небольшая часть населения страны понимает, что такое миграция и кто такие беженцы.

Нила может порекомендовать украинским властям следующее: **«Пожалуйста, учите собственные законы!»** Она думает, что в Украине должна быть создана государственная программа по интеграции беженцев. На данный момент такой программы нет.

НВ. Уже после того, как было записано это интервью, Нилу выбрали для участия в семинаре «Молодые беженцы», организованном во Франции Советом Европы. Однако ей отказали в шенгенской визе, поскольку во французском посольстве посчитали, что она не собирается возвращаться в Украину. Еще одна причина заключалась в том, что государства-члены ЕС не всегда признают проездные документы беженцев, которые выдает Украина.

ИСТОРИЯ ВИОЛЕТТЫ

Темы: Украина / документы / образование / беженцы войны из Абхазии

Виолетта и ее семья приехали в Украину из Грузии. Они бежали от конфликта в Абхазии, спасая свои жизни. В Грузии Виолетта родила младшую дочь, которая очень сильно болела. По словам Виолетты, если бы они остались в Грузии, то ее дочь умерла бы, поскольку там было невозможно получить необходимое лечение. В Украине четырехмесячная девочка прошла интенсивное лечение, которое спасло ее жизнь.

НЕ БЫЛО ДАЖЕ КОРОЧКИ ХЛЕБА

Семья столкнулась с ужасными лишениями. Главными проблемами было отсутствие документов и материальные трудности. Виолетта подчеркивает, что часто им было нечем кормить детей, и они не могли ходить в школу, потому что у них не было одежды и обуви.

(Вздыхает) «Мы так страдали. Да, мы это пережили, но хотелось бы, чтобы люди поняли, какие проблемы у нас были. Ночью ты не можешь спать, потому что думаешь о том, что будет завтра, а у тебя нет паспорта, документов. Более того, ты в чужой стране, и завтра ты проснешься и не будешь знать, чем кормить детей. Нет даже корочки хлеба. Потому что нет паспорта. Нет документов. Потом, по крайней мере, появилась работа, а во время... как ее... перестройки работы не было, денег не было, ничего. Особенно для нас. Кто хотел давать нам работу? Что угодно, копейки, что-нибудь, что можно обменять на хлеб, на сахар – если что-то было. Раньше такого не было».

ДОКУМЕНТЫ

Отсутствие документов привело к тому, что они не могли получить никакого официального статуса, в результате чего их часто задерживала милиция и они не могли найти работу.

Для того, чтобы получить легальный статус и решить свои проблемы, они должны были получить грузинские паспорта, а для того, чтобы накопить деньги, у них ушло несколько лет.

«Когда мы приехали, дети были очень маленькими. Когда они подросли, им понадобились паспорта, но у нас не было денег, чтобы за них заплатить. И приехать в Киев, и на все... А потом, это было так трудно. Потом в 2002 году наш первый сын, потом второй, потом муж – все получили паспорта. Потом мы сразу получили статус беженцев [здесь имеется в виду временный вид на жительство] и они [дети] стали получать регистрацию».

Паспорта Виолетты и других ее двоих детей четыре

года оставались в грузинском посольстве, потому что у них не было денег оплатить дорогу в Киев и 603 гривны пошлины. Дочь Виолетты болела, говорит она, и она либо работала, либо была в больнице.

«Я одолжила 200 долларов. Мы понемногу выплачивали эти деньги в течение двух лет. Мы должны были еще платить проценты. Так первые три члена нашей семьи получили документы. Потом мы стали жить вместе, и паспорта получили Манана и я. Пока что только один мой сын не смог забрать свой паспорт. Без паспорта он нигде не может найти работу. Он немного подрабатывает на стройке с отцом. Он молодой. Ему нужна одежда и обувь. У него нет денег на паспорт, на эту пошлину. Моя сестра прошла через то же самое. У нее тоже не было паспорта. Потом она получила его. Ее мужа убили на войне в Абхазии, она осталась одна с двумя детьми».

ОБРАЗОВАНИЕ

Когда они приехали в Украину, у семьи Виолетты не было денег на то, чтобы отправить детей в школу.

«У нас не было ничего, ничего. Ни статуса, ничего. И никто нам не помогал. Если бы у нас был статус беженцев... Может быть, тогда бы нам помогли одеждой, еще чем-то... Мы буквально жили за чертой бедности».

Виолетта рассказывает, что ее дети борются за право ходить в школу.

«Они даже не впускали детей в школу. Из-за этого. Моему сыну уже 22. Он пошел к соседке, образованной женщине, и сказал: «Бабушка Неля, я хочу ходить в школу, но мама меня не пускает». Честно. Он плакал. И мой племянник тоже. Они умоляли. Она сказала им приходить, взять с собой бумагу и ручку, и она будет их учить писать и читать. Ему было уже 9 лет. Он должен был в пятый класс пойти, но мы его отправили в третий, потому что она научила его писать. Потом мой племянник тоже пошел. Они должны были в пятом классе быть, но ходили в третий. В третьем классе были маленькие дети, а они уже выросли. Они стеснялись, но все равно хотели учиться. Они отучились девять лет, а потом немного ходили в колледж. Это там было. Вот так. Моя дочь вообще не ходила в школу. Когда она слышит разговоры об этом, она плачет. Она очень много плакала. «Мама, почему ты не пускаешь меня в школу? Даже если у нас нет ничего, ты могла бы хотя бы меня пустить»».

СТАТУС

В своей рекомендации для властей Виолетта затрагивает вопрос получения постоянного статуса, к которому она так стремилась.

«Как я уже говорила, дайте нам все документы,

чтобы мы могли получить постоянный вид на жительство. Ведь мы уже здесь, дайте нам вид на жительство. Это все, что мы хотим».

Виолетта связывает свое будущее и будущее своих детей с Украиной. Она считает, что главным препятствием к ее интеграции являются документы. Они обосновались в Украине, но для того, чтобы интегрироваться по-настоящему, им нужен постоянный статус.

«То, что я – беженец не означает, что я отличаюсь от других людей»

«Человек без документов находится между небом и землёй...»

«Мне не нужен золотой памятник после смерти, я бы хотел место, где бы я мог жить сейчас»

«Мы похожи на привидения: вынуждены приехать сюда, хотя никому здесь не нужны»

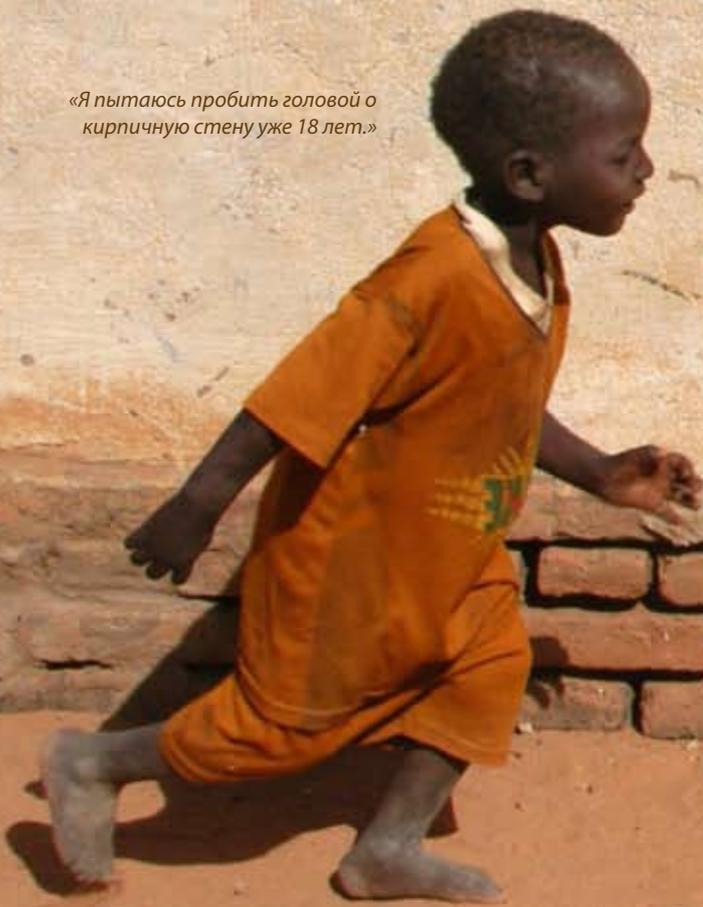
«У меня есть только 1 рекомендация: позвольте беженцам найти работу».

«Я пытаюсь пробить головой о кирпичную стену уже 18 лет.»

«День, когда мы получим документы, станет очень счастливым днём!».

«Они говорят: «Мы не сдаём квартиры чёрным... вот что здесь происходит.»

«Милиция меня действительно беспокоит... они не понимают, что я нахожусь здесь легально, пока моё дело рассматривается в суде... они серьёзно меня беспокоят, я даже боюсь ездить в метро».

Этот документ издан при финансовой поддержке Европейского Союза. Его содержание является позицией Европейского совета по делам беженцев и, ни при каких, обстоятельствах не может считаться выражающим мнение Европейского Союза.